

Виталий Бианки
ЛЕСНЫЕ БЫЛЫ
И
НЕБЫЛЫШЦЫ

Annotation

В книгу включены рассказы и сказки только о тех зверях и птицах, которые живут в ленинградской области. Чтобы лучше разобраться, когда и с кем познакомиться, в книге напечатан "Синичкин календарь". Перед каждой частью - весна, лето, осень, зима - помещены сообщения из ленинградской "Лесной газеты", рассказывающей, что происходит в это время у птиц и зверей.

- [Бианки Виталий](#)

○

Бианки Виталий

Лесные были и небылицы

ВИТАЛИЙ БИАНКИ
ЛЕСНЫЕ БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ
СИНИЧКИН КАЛЕНДАРЬ
ЯНВАРЬ

Зинька была молодая синичка, и своего гнезда у нее не было. Целый день она перелетала с места на место, прыгала по заборам, по ветвям, по крышам, - синицы народ бойкий. А к вечеру присмотрит себе пустое дупло или щелку какую под крышей, забьется туда, распушит попышней свои перышки, кое-как и переспит ночку.

Но раз - среди зимы - посчастливилось ей найти свободное воробьиное гнездо. Помещалось оно над окном за оконницей. Внутри была целая перина мягкого пуха.

И в первый раз, как вылетела из родного гнезда, Зинька заснула в тепле и покое.

Вдруг ночью ее разбудил сильный шум. Шумели в доме, из окна бил яркий свет.

Синичка испугалась, выскочила из гнезда и, уцепившись коготками за раму, заглянула в окно.

Там в комнате стояла большая - под самый потолок елка, вся в огнях, и в снегу, и в игрушках. Вокруг нее поыгали и кричали дети.

Зинька никогда раньше не видела, чтобы люди так вели себя по ночам. Ведь она родилась только прошлым летом и многого еще на свете не знала.

Заснула она далеко за полночь, когда люди в доме наконец успокоились и в окне погас свет.

А утром Зиньку разбудил всеелый, громкий крик воробьев. Она вылетела из гнезда и спросила их:

- Вы что, воробьи, раскричались? И люди сегодня всю ночь шумели, спать не давали. Что такое случилось?

- Как? - удивились воробьи. - Разве ты не знаешь какой сегодня день? Ведь сегодня Новый год, вот все и радуются - и люди и мы.

- Как это - Новый год? - не поняла синичка.

- Ах ты, желторотая! - зачирикали воробьи. - Да ведь это самый большой праздник в году! Солнце возвращается к нам и начинает свой календарь. Сегодня первый день января.

- А что это "январь", "календарь"?

- Фу, какая ты еще маленькая! - возмутились воробьи. - Календарь это расписание работы солнышка на весь год. Год состоит из месяцев, и январь - его первый месяц, носик года. За ним идет еще десять месяцев столько, сколько у людей пальцев на передних лапах: февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь. А самый последний месяц, двенадцатый, хвостик года - декабрь. Запомнила?

- Не-ет, - сказала синичка. - Где же сразу столько запомнить! "Носик", "десять пальцев" и "хвостик" запомнила. А называются они все уж больно омудрено.

- Слушай меня, - сказал тогда Старый Воробей. - Ты летай себе по садам, полям и лесам, летай да присматривайся, что кругом делается. А как услышишь, что месяц кончается, прилетай ко мне. Я тут живу, на этом доме под крышей. Я буду тебе говорить, как каждый месяц называется. Ты все их по очереди и запомнишь.

- Вот спасибо! - обрадовалась Зинька. - Непременно буду прилетать к тебе каждый месяц. До свиданья!

И она полетела и летала целых тридцать дней, а на тридцать первый вернулась и рассказала Старому Воробью все, что заметила.

И Старый Воробей сказал ей:

- Ну вот, запомни: январь - первый месяц года - начинается с веселой елки у ребят. Солнце с каждым днем понемножечку начинает вставать раньше и ложиться позже. Свету день ото дня прибывает, а мороз все крепчает. небо все в тучах. А когда проглянет солнышко, тебе, синичке, хочется петь. И ты тихонько пробуешь голос: "Зинь-зинь-тю! Зинь-зинь-тю!"

ФЕВРАЛЬ

Опять выплянуло солнышко, да такое веселое, яркое. Оно даже пригрело немножко, с крыш повисли сосульки, и по ним заструилась вода.

"Вот и весна начинается"6 - решила Зинька. Образовалась и запела звонко:

- ЗЦинь-зинь-тан! Зинь-зинь-тан! Скинь кафтан!

- Рано, пташечка, запела, - сказал ей Старый Воробей. - Смотри еще, сколько морозу будет. Еще наплачемся.

- Ну да! - не поверила синичка. - Полечу-ка нынче в лес, узнаю, какие там новости.

И полетела.

В лесу ей очень понравилось: такое множество деревьев! Ничего, что все ветки залеплены снегом, а на широких лапах елок навалены целые сугробики. Это даже очень красиво. А прыгнешь на ветку - снег так и счпылется и сверкает разноцветными искрами.

Зинька прыгала по веткам, стряхивала с них снег и осматривала кору. Глазок у нее острый, бойкий - ни одной трещинки не пропустит. Зинька тюк острым носиком в трещинку, раздолбит дырочку пошире - и тащит из-под коры какого-нибудь насекомыша-букарашку.

Много насекомышей набивается на зиму под кору - от холода. Зинька вытащит и съест. Так кормится. А сама примечает, что кругом.

Смотрит: лесная мышь из-под снега выскочила. Дрожит, вся взъерошилась.

- Ты чего? - Зинька спрашивает.

- Фу, напугалась! - говорит лесная мышь.

Отдышалась и рассказывает:

- Бегала я в куче хвюроста под снегом, да вдруг и провалилась в глубокую яму. А это, оказывается, медведицына берлога. Лежит в ней медведица, и два махоньких новорожденных медвежонка у нее. Хорошо, что они крепко спали, меня не заметили.

Полетела Зинька дальше в лес; дятла встретила, красношапочника. Подружилась с ним. Он своим крепким граненым носом большие куски коры ломает, жирных личинок достает. Синичке после него тоже кое-что перепадает.

Летает Зинька за дятлом, веселым колокольчиком звенит по лесу:

- Каждый день все светлей, все ввеселей, все веселей!

Вдруг зашипело вокруг, побежала по лесу поземка, загудел лес, и стало в нем темно, как вечером. Откуда ни возмись, налетел ветер, деревья закачались, полетели сугробики с еловых лап, снег посыпал, завился началась пурга. Зинька присмирела, сжалась в комочек, а ветер так и рвет ее с ветки, перья ерошит и леденит под ними тельце.

Хорошо, что дятел пустил ее в свое запасное дупло, а то пропала бы синичка.

день и ночь бушевала пурга, а когда улеглась и Зинька выплянула из дупла, она не узнала леса, так он весь был залеплен снегом. Голодные волки промелькнули между деревьями, увязая по брюхо в рыхлом снегу. Внизу под деревьями валялись обломанные ветром сучья, черные, с содранной корой.

Зинька слетела на один из них - поискать под корой насекомьшей.

Вдруг из-под снега - зверь! Выпрыгнул и сел. Сам весь белый, уши с черными точками держит торчком. Сидит столбиком, глаза на Зиньку выпучил.

У Зиньки от страха и крылышки отнялись.

- Ты кто? - пискнула.

- Я беляк. Заяц я. А ты кто?

- Ах, заяц! - обрадовалась Зинька. - Тогда я тебя не боюсь. Я синичка.

Она хоть раньше зайцев в глаза не видала, но слышала, что они птиц не едят и сами всех боятся.

- Ты тут и живешь, на земле? - спросила Зинька.

- Тут и живу.

ж- Да ведь тебя тут совсем занесет снегом!

- А я и рад. Пурга все следы замела и меня занесла - вот волки рядом пробежали, а меня и не нашли.

Подружилась Зинька и с зайцем.

Так и прожила в лесу целый месяц, и все было: то снег, то пурга, а то и солнышко выплянет, - денек простоит погожий, но овсе равно холодно.

Прилетела к Старому Воробью, рассказала ему все, что заметила, он и говорит:

- Запоминай: вьюги да метели под февраль полетели. В феврале лютуют волки, а у медведицы в берлоге медвежатки родятся. Солнышко веселей светит и дольше, но морозы еще крепкие. А теперь лети в поле.

МАРТ

Полетела Зинька в поле.

Синичке ведь где хочешь жить можно: были бы хоть кустики, а уж на себя прокормит.

В поле, в кустах, жили серые куропатки - красивые такие полевые курочки с шоколадной подковкой на груди. Целая стая их тут жила, зерна из-под снега выкапывала.

- А где же тут спать? - спросила у них Зинька.

- А ты делай, как мы, - говорят куропатки. - Вот гляди.

поднялись все на крылья, разлетелись пошибче - да бух с разлету в снег!

Снег сыпучий, - обсыпался и прикрыл их. И сверху их никто не увидит, и тепло им там, на земле, под снегом.

"Ну нет, - думает Зинька, - синички так не умеют.; Поищу себе получше почлега".

Нашла в кустах кем-то брошенную плетеную корзиночку, забралась в нее, да и заснула там.

И хорошо, что так сделала.

день-то простоял солнечный. Снег наверху подтаял, рыхлый стал. А ночью мороз ударил.

Утром проснулась Зинька, ждет - где же куропатки? Нигде их не видно. А там, где они вечером в снег нырнули, наст блестит - ледяная корка.

Поняла Зинька, в какую беду попали куропатки: сидят теперь, как в тюрьме, под ледяной крышей и выйти не могут. Пропадут там под ней все до одной! Что тут делать? Да ведь синички - боевой народ.

Зинька слетела на наст - и давай долбить его крепким своим, острым носиком. И продолбила, - большую дырку сделала. И выпустила куропаток из тюрьмы. Вот уж они ее хвалили, благодарили!

Натаскали ей зерен, семечек разных:

- Живи с нами, никуда не улетай!

Она и жила. А солнце день ото дня ярче, день ото дня жарче. Тает, тает в поле снег. И уж так его мало осталось, что больше не ночевать в нем куропаткам: мелок стал. Перебрались куропатки в кустарник спать, под Зинькиной корзинкой.

И вот, наконец, в поле на пригорках показалась земля. И как же все ей обрадовались!

Тут не прошло и трех дней - откуда ни возьмись, уж сидят на проталинах черные, с белыми носами грачи. Здравствуйтесь! С

прибытием!

Ходят важные, тугим пером поблескивают, носами землю ковыряют: червяков да личинок из нее потаскивают. А скоро за ними и жаворонки и скворцы прилетели, песнями залились.

Зинька с радости звенит-зщახлебывается: - Зинь-зингь-на! Зинь-зинь-на! К нам весна! К нам весна! К нам воесна!

Так с этой песенкой и прилетела к Старому Воробью. И он ей сказал:

- Да. Это месяц март. Прилетели грачи, - значит, правда весна началась. Весна начинается в поле. Теперь лети на реку.

АПРЕЛЬ

Полетела Зинька на реку.

Летит над полем, летит над лугом, слышит: всюду ручьи поют. Поют ручьи, бегут ручьи, - все к реке собираются.

Прилетела на реку, а река страшная: лед на ней посинел, у берегов вода выступает.

Видит Зинька: что ни день, то больше ручьев бежит к реке.

Проберется ручей по овражку незаметно под снегом и с берега - прыг в реку! И скоро многое множество ручьев, ручейков и ручьишек набилось в реку - под лед попрятались.

Тут прилетела тоненькая черно-белая птичка, бегаёт по берегу, длинным хвостиком покачивает, пищит:

- Пи-лик! Пи-лик!

- Ты что пищишь! - спрашивает Зинька. - Что хвостиком размахиваешь?

- Пи-лик! - отвечает тоненькая птичка. - Разве ты не знаешь, как меня зовут? Ледоломка. Вот сейчас раскачаю хвост, да как тресну им по льду, так лед и лопнет, и река пойдет.

- Ну да! - не поверила Зинька. - Хвастаешь.

- Ах так! - говорит тоненькая птичка. - Пи-лик!

И давай еще пуще хвостик раскачивать.

тут вдруг как бухнет где-то вверху по реке, будто из пушки! Ледоломка порх - и с перепугу так крылышками замахала, что в одну минуту из глаз пропала.

И видит Зинька: треснул лед, как стекло. Это ручьи - все, что набежали в реку, - как понатужились, нажали снизу - лед и лопнул. Лопнул и распался на льдины, большие и малые.

Река пошла. пошла и пошла, - и уж никому ее не остановить. Закачались на ней льдины, поплыли, бегут, друг друга кружат, а тех, что сбоку, на берег выталкивают.

Тут сейчас же и всякая водяная птица налетела, точно где-то здесь, рядом, за углом ждала: утки, чайки, кулики-долгоножки. И, глядь, Ледоломка вернулась, по берегу ножонками семенит, хвостом качает.

Все пищат, кричат, веселятся. Кто рыбку ловит, ныряет за ней в воду, кто носом в тину тыкает, ищет там что-то, кто мушек над берегом ловит.

- Зинь-зинь-хо! Зинь-зинь-хо! Ледоход, ледоход! - запмела Зинька.

И полетела рассказать Старому Воробью, что видела на реке.

И старый Воробей сказал ей:

- Вот видишь: сперва весна приходит в поле, а потом на реку. Запомни: месяц, в который у нас реки освобождаются ото льда, называется апрель. А теперь лети-ка опять в лес: увидишь, что там будет.

И Зинька скорей полетела в лес.

МАЙ

В лесу еще было полно снегу. Он спрятался под кустами и деревьями, и солнцу трудно было достать его там. В поле давно уже зеленела посеянная с осени рожь, а лес все еще стоял голый.

Но уже было в нем весело, не то что зимой. Налетело много разных птиц, и все они порхали между деревьями, прыгали по земле и пели, - пели на ветвях, на макушках деревьев и в воздухе.

Солнце теперь вставало очень рано, ложилось поздно и так усердно светило всем на земле и так грело, что жить стало легко. Синичке больше не надо было заботиться о ночлеге: найдет свободное дупло - хорошо, не найдет - и так переночует где-нибудь на ветке или в чаще.

И вот раз вечером ей показалось, будто лес в тумане. Легкий зеленоватый туман окутал все березы, осины, ольхи. А когда на следующий день над лесом поднялось солнце, на каждой березе, на всякой веточке показались точно маленькие зеленые пальчики: это стали распускаться листья.

Тут и начался лесной праздник.

Засвистал, защелкал в кустах соловей.

В каждой луже урчали и квакали лягушки.

Цвели деревья и ландыши. Майские жуки с гуденьем носились между ветвями. Бабочки порхали с цветка на цветок. Звонко куковала кукушка.

Друг Зиньки - дятел-красношапочник - и тот не тужил, что не умеет петь: отыщет сучок посуше и так лихо барабанит по нему носом, что по всему лесу слышна звонкая барабанная дробь.

А дикие голуби поднимались высоко над лесом и проделывали в воздухе головокружительные фокусы и мертвые летли. Каждый веселился на свой лад, кто как умел.

Зиньке все было любопытно. зинька всюду попевала и радовалась вместе со всеми.

По утрам на заре слышала Зинька чьи-то громогласные крики, будто в трубы кто-то трубил где-то за лесом.

Полетела она в ту сторону и вот видит: болото, мох да мох, и сосенки на нем растут.

И ходят на боботе такие большие птицы, каких никогда еще Зинька не видела, - прямо с баранов ростом, и шеи у них долгие-долгие. Вдруг подняли они свои шеи, как трубы, да как затрубят, как загремят:

- Тррру-рру-у! Тррру-рру!

Совсем оглушили синичку.

Потом один растопырил крылья и пушистый свой хвост, поклонился до земли соседям да вдруг и пошел в пляс: засмеменил, засеменил ногами и пошел по кругу, все по кругу; то одну ногу выкинет, то другую, то поклонится, то подпрыгнет, то вприсядку пойдет - умора!

А другие на него смотрят, собрались кругом, крыльями враз хлопают.

Не у кого было зиньке спросить в лесу, что это за птицы-великаны, и полетела она в город к Старому Воробью.

И Старый Воробей сказал ей:

- Это журавли; птицы серьезные, почтенные, а сейчас видишь, что выделывают. Потому это, что пришел веселый месяц май, и лес оделся, и все цветы цветут, и все пташки поют. Солнце теперь всех обогрело и светлую всем радость дало.

ИЮНЬ

Решила Зинька:

"Полечу-ка я нынче по всем местам: и в лес, и в поле, и на реку... Все осмотрю".

Первым делом наведальась к старому другу своему дятлу-красношапочнику. А он как увидел ее издали, так и закричал:

- Кик! Кик! Прочь, прочь! Тут мои владения!

Очень удивилась Зинька. И крепко на дятла обиделась: вот тебе и друг!

Вспомнила о полевых куропатках, серых, с шоколадной подковкой на груди. Прилетела к ним в поле, ищет куропаток - нет их на старом месте! А ведь целая стая была. Куда все подевались?

Летала-летала по полю, искала-искала, насилу одного петушка нашла: сидит во ржи, - а рожь уж высокая, - кричит:

- Чир-вик! Чир-вик!

Зинька - к нему. А он ей:

- Чир-вик! Чир-вик! Чичире! Пошла, пошла отсюда!

- Как так! - рассердилась синичка. - Давно ли я всех вас от смерти спасла - из ледяной тюрьмы выпустила, а теперь ты меня и близко к себе не пускаешь?

- Чир-вир! - смутился куропачий петушок. - Правда, от смерти спасла. Мы это все помним. А все-таки лети от меня подальше: теперь время другое, мне вот как драться хочется!

Хорошо, у птиц слез нет, а то, наверно, заплакала бы Зинька, уж так ей обидно, так горько стало!

Повернулась молча, полетела на реку.

Летит над кустами, вдруг из кустов - серый зверь!

Зинька так и шарахнулась в сторону.

- Не узнала? - смеется зверь. - А ведь мы с тобой старые друзья.

- А ты кто? - спрашивает Зинька.

- Заяц я. Беляк.

- Какой же ты беляк, когда ты серый? Я помню беляка: он весь белый, только на ушках черное.

- Это я зимой белый: чтобы на снегу меня видно не было. А летом я серый.

Ну и разговорились. Ничего, с ним не ссорились.

А потом Старый Воробей и объяснил Зиньке,

- Это месяц июнь - начало лета. У всех нас, у птиц, в это время гнезда, а в гнездах - драгоценные яички и птенчики. К своим гнездам мы никого не подпускаем - ни врага, ни друга: и друг может нечаянно разбить яичко. У зверей - тоже детеныши, звери тоже никого к своей норе не подпустят. Один заяц без забот: растерял своих детишек по всему лесу, и думать о них забыл. Да ведь зайчаткам мать-зайчиха нужна только в первые дни: попьют они материнское молочко несколько дней, а потом сами травку зубрят. Теперь, - прибавил Старый Воробей, - солнце в самой силе, и самый длинный у него трудовой день. Теперь на земле все найдут, чем набить своим малышам животики.

ИЮЛЬ

- С новогодней елки, - сказал Старый Воробей, - прошло уже шесть месяцев, ровно полгода. Запомни, что второе полугодие начинается в самый разгар лета. А пошел теперь месяц июль. А это самый хороший месяц и для птенцов и для зверят, потому что кругом всего очень много: и солнечного света, и тепла, и разной вкусной еды.

- Спасибо, - сказала Зинька.

И полетела.

"Пора мне остепениться, - подумала она. - Дупел в лесу много. Займу, какое мне понравится свободное, и заживу в нем своим домком!"

Задумать-то задумала, да не так просто оказалось это сделать.

Все дупла в лесу заняты. во всех гнездах птенцы. У кого еще крохотки, голенькие, у кого в пушку, а у кого и в перышках, да все равно желторотые, целый день пищат, есть просят.

Родители хлопчут, овзад-вперед летают, ловят мух, комаров, ловят бабочек, собирают гусениц-червячков, а сами не едят: все птенцам ностя. И ничего: не жалуются, еще песни поют.

Скучно Зиньке одной.

"Дай, - думает, - я помогу кому-нибудь птенчиков покормить. Мне спасибо скажут".

Нашал на ели бабочку, схватила в клюв, ищет, кому бы дать.

Слышит - на дубу пищат маленькие щеглята, там их гнездо на ветке.

Зинька скорей туда - и сунула бабочку одному щегленку в разинутый рот.

Щегленок плотнул, а бабочка не лезет: велика больно.

Глупый птенчик старается, давится - ничего не выходит.

И стал уже задыхаться. Зинька с испугу кричит, не знает, что делать.

Тут щеглиха прилетела. Сейчас - раз! - ухватила бабочку, вытащила у щегленка из горла и прочь бросила.

А Зиньке говорит:

- Марш отсюда! Ты чуть моего птенчика не погубила. Разве можно давать маленькому целую бабочку? Даже крылья ей не оторвала!

Зинька кинулась в чашу, там спряталась: и стыдно ей, и обидно.

Потом много дней по лесу летала, - нет, никто ее в компанию к себе не принимает!

А что ни день, то больше в лес приходит ребят. Все с корзиночками, веселые; идут - песни поют, а потом разойдутся и ягоды собирают: и в рот и в корзиночки. Уже малина поспела.

Зинька все около них вертится, с ветки на ветку перелетает, и веселей синичке с ребятами, хоть она их языка не понимает, а они - ее.

И случилось раз: одна маленькая девочка забралась в малинник, идет тихонько, ягоды берет.

А Зинька над нею по деревьям порхает. И вдруг видит: большой страшный медвеоь в малиннике.

девочка как раз к нему подходит, - его не видит.

И он ее не видит: тоже ягоды собирает. Нагнет лапой куст - и себе в рот.

"Вот сейчас, - думает Зинька, - наткнется на него девочка страшилище это ее и съест! Спасти, спасти ее надо!"

И закричала с дерева по-своему, по-синичьему:

- Зинь-зинь-вень! Девочка, девочка! Тут медведь. Убегай!

Девочка и внимания на нее не обратила: ни слова не поняла.

А медведь-страшилище понял: разом поднялся на дыбы, оглядывается: где девочка?

"Ну, - решила Зинька, - пропала маленькая!"

А медведь увидел девочку, опустил на все четыре лапы - да как кنيется от нее наутек через кусты!

Вот удивилась Зинька:

"Хотела девочку от медведя спасти, а спасла медведя от девочки!
Такое страшилище, а маленького человечка боится!"

С тех пор, встречая ребят в лесу, синичка пела им звонкую песенку:

Зинь-зань-ле! Зань-зинь-ле!

Кто пораньше встает,

Тот грибы себе берет,

А сонливый да ленивый

Идут после за крапивой.

Эта маленькая девочка, от которой убежал медведь, всегда приходила в лес первая и уходила из лесу с полной корзиной.

АВГУСТ

- После июля, - сказал Старый Воробей, - идет август. Третий - и, заметь себе это, - последний месяц лета.

- Август, - повторила Зинька.

И принялась думать, что ей в этом месяце делать.

Ну, да ведь она была синичка, а синички долго на одном месте усидеть не могут. Им бы все порхать да скакать, по веткам лазать то вверх, то вниз головой.

Много так не надумаешь.

Пожила немножко в городе - скучно. И сама не заметила, как опять очутилась в лесу.

Очутилась в лесу и удивляется: что там со всеми птицами сделалось?

Только что все гнали ее, близко к себе и к своим птенцам не подпускали, а теперь только и слышит: "Зинька, лети к нам!", "Зинька, сюда!", "Зинька, полетай с нами!", "Зинька, Зинька, Зинька!".

Смотрит - все гнезда пустые, все дупла свободные, все птенцы выросли и летать научились. Дети и родители все вместе живут, так выводками и летают, а уж на месте никто не видит, и гнезда им больше не нужны. И гостье все рады: веселей в компании-то кочевать.

Зинька то к одним пристанет, то к другим; один день с хохлатыми синичками проведет, другой - с гаечками-пухлячками. Беззаботно живет: тепло, светло, еды сколько хочешь.

И вот удивилась Зинька, когда белку встретила и разговорилась с ней.

Смотрит - белка с дерева на землю спустилась и что-то ищет там в траве. Нашла гриб, схватила его в зубы - и марш с ним назад на дерево. Нашла там сучочек острый, ткнула на него гриб, а есть не есть его: поскакала дальше. И опять на землю - грибы искать.

Зинька подлетела к ней и спрашивает:

- Что ты, белочка, делаешь? Зачем не ешь грибы, а на сучки их накалываешь?

- Как зачем? - отвечает белка. - Впрок собираю, сушу в запас. Зима придет - пропадешь без запаса.

Стала тут Зинька примечать: не только белки - многие зверюшки запасы себе собирают. Мышки, плевки, хомяки с поля зерна за щеками таскают в свои норки, набивают там свои кладовочки. Начала и Зинька кое-что припрятывать на черный день; найдет вкусные семечки, поклюет их, а что лишнее - сунет куда-нибудь в кору, в щелочку.

Солвоей это увидел и смеется:

- Ты что же, синичка, на всю долгую зиму хочешь запасы сделать? Этак тебе тоже нору копать впору.

Зинька смутилась.

- А ты как же, - спрашивает, - зимой думаешь?

- Фьють! - свистнул соловей. - Придет осень, - я отсюда улечу. Далеко-далеко улечу, туда, где и зимой тепло и розы цветут. Там сытно, как здесь летом.

- Да ведь ты соловей, - говорит Зинька, - тебе что: сегодня здесь спел, а завтра - там. А я синичка. Я где родилась, там всю жизнь и проживу.

А про себя подумала:

"Пора, пора мне о своем домке подумать! Вот уж и люди в поле вышли убирают хлеб, увозят с поля. Кончается лето, кончается..."

СЕНТЯБРЬ

- А теперь какой месяц будет? - спросила Зинька у Старого Воробья.

- Теперь будет сентябрь, - сказал Старый Воробей. - Первый месяц осени.

И правда: уже не так стало жечь солнце, дни стали заметно короче, ночи - длиннее, и все чаще стали лить дожди.

Первым делом осень пришла в поле. Зинька видела, как день за днем люди свозили хлеб с поля в деревню, из деревни - в город. Скоро совсем опустело поле, и ветер гулял в нем на просторе. Потом раз вечером ветер улегся, тучи разошлись с неба. Утром Зинька не узнала поля: все оно было в серебре, и тонкие-тонкие серебряные ниточки плыли над ним по воздуху. Одна такая ниточка, с крошечным шариком на конце, опустилась на куст рядом с Зинькой. Шарик оказался паучком, и синичка, недолго думая, клюнула его и проплотила. Очень вкусно! Только нос весь в паутине.

А серебряные нити-паутинки тихонько плыли над полем, опускались на жнитво, на кусты, на лес: молодые паучки рассеялись так по всей земле. Покинув свою летательную паутинку, паучки отыскивали себе щелочку в коре или норку в земле и прятались в нее до весны.

В лесу уже начал желтеть, краснеть, буреть лист. Уже птичьи семьи-выводки собирались в стайки, стайки - в стаи. Кочевали все шире по лесу: готовились в отлет.

То и дело откуда-то неожиданно появлялись стаи совсем незнакомых Зиньке птиц - долгоногих пестрых куликов, невиданных уток. Они останавливались на речке, на болотах; день покормятся, отдохнут, а ночью летят дальше - в ту сторону, где солнце бывает в полдень. Это пролетали с дадекого севсера стаи болотных и водяных птиц.

Раз Зинька повстречала в кустах среди поля всеелую стайку таких же, как она сама, синиц: белощекие, с желтой грудкой и длинным черным галстуком до самого хвостика. Стайка перелетела полем из леска в лесок.

не успела Зинька познакомиться с ними, как из-под кустов с шумом и криком взлетел большой выводок полевых куропаток. Раздался короткий страшный гром - и синичка, сидевшая рядом с Зинькой, не пискнув, свалилась на землю. А дальше две куропатки, перевернувшись в воздухе через голову, замертво ударились о землю.

Зинька до того перепугалась, что осталась сидеть, где сидела, ни жива ни мертва.

Когда она пришла в себя, около нее никого не было - ни куропаток, ни синиц.

Подошел бородатый человек с ружьем, поднял двух убитых куропаток и громко крикнул:

- Ау! Манюня!

С опушки леса ответил ему тоненький голосок, и скоро к бородатому подбежала маленькая девочка. Зинька узнала ее: та самая, что напугала в малиннике медведя. Сейчас у нее была в руках полная корзинка грибов.

Пробегая мимо куста, она увидела на земле упавшую с ветки синичку, остановилась, наклонилась, взяла ее в руки. Зинька сидела в кусту не шевелясь.

девочка что-то сказала отцу, отец дал ей фляжку, и Манюня sprysнула из нее водой синичку. Синичка открыла глаза, вдруг вспорхнула - и забила в куст рядом с Зинькой.

Манюня весело засмеялась и вприпрыжку побежала за уходившим отцом.

ОКТЯБРЬ

- Скорей, скорей! - торопила Зинька Старого Воробья. - Скажи мне, какой наступает месяц, и я полечу назад в лес: там у меня больной товарищ.

И она рассказала Старому Воробью, как бородатый охотник сшиб с ветки сидевшую рядом с ней синичку, а девочка Манюня sprysнула водой и оживила ее.

Узнав, что новый месяц, второй месяц осени, называется октябрь, Зинька живо вернулась в лес.

Ее товарища звали Зинзивер. После удара дробинкой крылышки и лапки еще плохо повиновались ему. Он с трудом долетел до опушки. Тут Зинька отыскала ему хорошенькое дуплишко и стала таскать туда для него червячков-гусениц, как для маленького. А он был совсем не маленький: ему было уже два года, и, значит, он был на целый год старше Зиньки.

Через несколько дней он совсем поправился. Стайка, с которой он летал, куда-то исчезла, и Зинзивер остался жить с Зинькой. Они очень подружились.

А осень пришла уже и в лес. Сперва, когда все листья раскрасились в яркие цвета, он был очень красив. Потом подули сердитые ветры. Они сдирали желтые, красные, бурые листья с веток, носили их по воздуху и швыряли на землю.

Скоро лес поредел, ветки обнажились, а земля под ними покрылась разноцветными листьями. Прилетели с далекого севера, из тундр, последние стаи болотных птиц. Теперь каждый день прибывали новые гости из северных лесов: там уже начиналась зима.

Не все и в октябре дули сердитые ветры, не все лили дожди: выдавались и погожие, сухие и ясные дни. Нежаркое солнышко светило приветливо, прощаясь с засыпающим лесом. Потемневшие на земле листья тогда высыхали, становились жесткими и хрупкими. Еще кое-где из-под них выплывали грибы - грузди, маслята.

Но хорошую девочку Манюню Зинька и Зинзивер больше уж не встречали в лесу.

Синички любили спускаться на землю, прыгать по листьям - искать улиток на грибах. Раз они подскочили так к маленькому грибу, который рос между корнями белого березового пня. Вдруг по другую сторону пня выскочил серый, с белыми пятнами зверь.

Зинька пустилась было наутек, а Зинзивер рассердился и крикнул:

- Пинь-пинь-черр! Ты кто такой?

Он был очень храбрый и улетал от врага, только когда враг на него кидался.

- Фу! - сказал серый пятнистый зверь, кося глазами и весь дрожа. Как вы с Зинькой меня напугали! Нельзя же так топтать по сухим, хрустким листьям! Я думал, что лиса бежит или волк. Я же заяц, беляк я.

- Неправда! - крикнула ему с дерева Зинька. - Беляк летом серый, зимой белый, я знаю. А ты какой-то полубелый.

- Так ведь сейчас ни лето, ни зима. ОИ я ни серый, ни белый. - И заяц захныкал: - Вот сижу у березового пенька, дрожу, шевельнуться боюсь. Снегу еще нет, а у меня уже клочья белой шерсти лезут. Земля черная. Побегу по ней днем - сейчас меня все увидят. И так ужасно хрустят сухие листья! Как тихонько ни крадись, прямо гром из-под ног.

- Видишь, какой он трус, - сказал Зинзивер Зиньке. - А ты его испугалась. Он нам не враг.

НОЯБРЬ

Враг - и старший враг - появился в лесу в следующем месяце. Старый Воробей назвал этот месяц ноябрем и соказал, что это третий

и последний месяц осени.

Враг был очень страшный, потому что он был невидимка. В лесу стали пропадать и маленькие птички и большие, и мыши, и зайцы. Только зазевается зверек, только отстанет от стаи птица - все равно ночью, днем ли, - глядь, их уж и в живых нет.

Никто не знал, кто этот таинственный разбойник: зверь ли, птица или человек? Но все боялись его, и у всех лесных взерей и птиц только и было разговору, что о нем. Все ждали первого снега, чтобы по следам около растерзанной жертвы опознать убийцу.

Первый снег выпал однажды вечером. А на утро следующего дня в лесу не досчитались одного зайчонка.

Нашли его лапку. Тут же, на подтаявшем уже снегу, были следы больших, страшных когтей. Это могли быть когти зверя, могли быть когти и крупной хищной птицы. А больше ничего не оставил убийца: ни пера, ни шерстинки своей.

- Я боюсь, - сказала Зинька Зинзиверу. - Ох, как я боюсь! Давай улетим скорей из лесу, от этого ужасного разбойника-невидимки.

Они полетели на реку. Там были старые дуплистые ивы-ракиты, где они могли найти себе приют.

- Знаешь, - говорила Зинька, - тут место открытое. Если и сюда придет страшный разбойник, он тут не может подкрасться так незаметно, как в темном лесу. Мы его увидим издали и спрячемся от него.

И они поселились за речкой.

Осень пришла уже и на реку. Ивы-ракиты облетели, трава побурела и поникла. Снег выпадал и таял. Речка еще бежала, но по утрам на ней был ледок. И с каждым морозцем он рос. не было по берегам и куликов. Оставались еще только утки. Они кричали, что останутся тут на всю зиму, если река вся не покроется льдом. А снег падал и падал - и больше уж не таял.

Только было синички зажили спокойно, вдруг опять тревога: ночью неизвестно куда исчезла утка, спавшая на том берегу, - на краю своей стаи.

- Это он, - говорила, дрожа, Зинька. - Это невидимка. Он всюду: и в лесу, и в поле, и здесь, на реке.

- Невидимок не бывает, - говорил Зинзивер. - Я выслежу его, вот постой!

И он целыми днями вертелся среди голых веток на верхушках старых ив-раkit: высматривал с вышки таинственного врага. Но так ничего и не заметил подозрительного.

И вот вдруг - в последний день месяца - стала река. Лед разом покрыл ее - и больше уж не растаял.

Утки улетели еще ночью.

Тут Зиньке удалось наконец уговорить Зинзивера покинуть речку: ведь теперь враг мог легко перейти к ним по льду. И все равно Зиньке надо было в город: узнать у Старого Воробья, как называется новый месяц.

ДЕКАБРЬ

Полетели синички в город.

И никто, даже Старый Воробей, не мог им объяснить, кто этот невидимый страшный разбойник, от которого нет спасенья ни днем, ни ночью, ни большим, ни маленьким.

- Но успокойтесь, - сказал Старый Воробей. - Здесь, в городе, никакой невидимка не страшен: если даже он посмеет явиться сюда, люди сейчас же застрелят его. Оставайтесь жить с нами в городе. Вот уже начался месяц декабрь - хвостик года. Пришла зима. И в поле, и на речке, и в лесу теперь голодно и страшно. А у людей всегда найдется для нас, мелких пташек, и приют и еда.

Конечно, Зинька с радостью согласилась поселиться в городе и уговорила Зинзивера. Сперва он, правда, не соглашался, хорохорился, кричал:

- Пинь-пинь-черр! Никого не боюсь! Разущу невидимку!

Но Зинька ему сказала:

- Не в том дело, а вот в чем: скоро будет Новый год. Солнышко опять начнет выплядывать, все будут радоваться ему. А спеть ему первую весеннюю песенку тут, в городе, никто не сможет: воробьи умеют только чирикать, вороны только каркают, а галки - галдят. В прошлом году первую весеннюю песенку солнцу спела тут я. А теперь ее должен спеть ты.

Зинзивер как крикнет:

- Пинь-пинь-черр! Ты права. Это я могу. Голос у меня сильный, звонкий, - на весь нгород хватит. Остаемся тут!

Стали они искать себе помещение. Но это оказалось очень трудно.

В городе не то что в лесу: тут и зимой все дупла, скворешни, гнезда, даже щели за окнами и под крышами заняты. В том воробьином гнездышке за оконницей, где встретила елку Зинька в прошлом году, теперь жило целое семейство молодых воробьев.

Но и тут Зиньке помог Старый Воробей. Он сказал ей:

- Слетайте-ка вон в тот домик, вон - с красной крышей и садиком. Там я видел девочку, которая все что-то ковыряла долотом в полене. Уж не готовит ли она вам - синичкам - хорошенькую дуплянку?

Зинька и Зинзивер сейчас же полетели к домику с красной крышей. И кого же они первым делом увидели в саду, на дереве? Того страшного бородатого охотника, который чуть насмерть не застрелил Зинзивера.

Охотник одной рукой прижимал дуплянку к дереву, а в другой держал молоток и гвозди. Он наклонился вниз и крикнул:

- Так, что ли?

И снизу, с земли, ему ответила тоненьким голоском Манюня:

- Так, хорошо!

И бородатый охотник большими гвоздями крепко прибил дуплянку к стволу, а потом слез с дерева.

Зинька и Зинзивер сейчас же заглянули в дуплянку и решили, что лучшей квартиры они никогда и не видели: Манюня выдолбила в полене уютное углубокое дуплишко и даже положила в него мягкого, теплого пера, пуха и шерсти.

Месяц пролетел незаметно; никто не беспокоил тут синичек, а Манюня каждое утро приносила им еду на столик, нарочно приделанный к ветке.

А под самый Новый год случилось еще одно - последнее в этом году важное событие: Манюнин отец, который иногда уезжал за город на охоту, привез нревиданную птицу, посмотреть на которую сбежались все соседи.

то была большущая белоснежная сова, - до того белоснежная, что когда охотник бросил ее на снег, сову только с большим трудом можно было разглядеть.

- Это злая зимняя гостья у нас, - объяснял отец Манюне и соседям: полярная сова. Она одинаково хорошо видит и днем и ночью. И от ее когтей нет спасенья ни мыши, ни куропатке, ни зайцу на

земле, ни белке на дереве. Летает она совсем бесшумно, а как ее трудно заметить, когда кругом снег, сами видите.

Конечно, ни Зинька, ни Зинзивер ни слова не поняли из объяснения бородатого охотника. Но оба они отлично поняли, кого убил охотник. И Зинзивер так громко крикнул: "Пинь-пинь-черр! Невидимка!" - что сейчас же со всех крыш и дворов слетелись все городские воробьи, вороны, галки посмотреть на чудовище.

А вечером у Манюни была елка, дети кричали и топали, но синички нисколько на них за это не сердились. Теперь они знали, что с елкой, украшенной огнями, снегом и игрушками, приходит Новый год, а с Новым годом возвращается к нам солнце и приносит много норвых радостей.

В Е С Н А

ПЕРВАЯ ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЛЕСУ

Прилетели стаи грачей. Весна началась. Тяжелая, темная туча, закрывавшая все небо, ушла. По синему небу поплыли кучевые облака, похожие на большие сугробы снега. Родились первые зверята. У лосей и козуль отрастают новые рога. В лесу запели чижи, синицы и корольки. Скоро прилетят скворцы и жаворонки. Обнаружена берлога медведя под корнями вывороченной ели. Струйки тающего снега тайно собираются подо льдом. В лесу капель: тапет снег на деревьях. По ночам морозы заново куют лед.

ЛЕСНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

ПЕРВОЕ ЯЙЦО

Самка ворона первую из всех птиц снесла яйцо. Ее гнездо - на высокой ели, густо засыпанной снегом. Чтобы яйцо не застыло и птенчик в нем не замерз, ворониха не оставляет гнезда. Пищу ей приносит ворон.

СОСУНКИ В СНЕГУ

В поле еще снег, а у зайчих уж родятся зайчата.

Зайчата рождаются зрячими, в теплых шубках. Сразу, как появятся на свет, они уже умеют бегать. Наевшись досыта материнского молока, они разбегаются и прячутся под кустами, кочками. Лежат смиренхонько, - не пищат, не балуются, хоть мать и убежала куда-то.

Проходит день, другой, третий. Зайчиха по всем полям скачет, давно уже про них и забыла. А зайчатки все лежат. Бегать им нельзя: ястреб заметит или нападет на след лиса.

Вот, наконец, бежит мимо зайчиха. Нет, не мамаша - тетка какая-то чужая. Зайчата к ней: накорми нас! Ну что ж, пожалуйста, кушайте! Накормила - и дальше.

И опять зайчата под кустиками лежат. А мамаша их где-то чужих зайчат кормит.

Так уж повелось у зайчих: всех зайчат общими считать. Где бы ни повстречала зайчиха зайчат, она их накормит. Все равно, свои они ей или чужие.

Думаете, плохо зайчатам беспризорниками жить? Ничуть! Им тепло: шубка у них. А молоко у зайчих такое сладкое, густое, что зайчонок раз насосется, - потом несколько дней сыт.

А на восьмой-девятый день зайчата начнут травку зубрить.

ВЕСЕННЯЯ ХИТРОСТЬ

В лесу хищники нападают на мирных животных. Где увидят, так и хватают.

Зимой на белом снегу не так-то скоро увидишь зайца-беляка и белую куропатку. А сейчас снег тает, во многих местах уже показалась земля.

Волки, лисицы, ястреба, совы, даже маленькие хищные горностаи и ласки издали замечают белую шерстку и белые перья на черных проталинах.

И вот беляки и белые куропатки пустились на хитрость: они линяют и перекрашиваются.

Беляк стал весь серенький; у куропатки выпало много белых перьев, а на их месте отросли бурого и ржавого цвета новые перья с черными полосами.

Теперь беляка и куропатку не так-то просто заметить: они замаскированы.

Некоторым из нападающих тоже пришлось прибегнуть к маскировке. Ласка была вся белая зимой, горностаи тоже, только кончик хвоста у него был черный. И оим обоим удобно было подкрадываться к мирным животным по снегу: белым по белому.

А сейчас они перелиняли и стали серыми. Ласка вся черая, а у горностаи кончик хвоста как был, так и остался черным.

Но ведь черное пятнышко на одежде не вредит ни зимой, ни летом; ведь и на снегу оесть черные пятна - сорнинки да сщчочки, а на земле и в траве их сколько хочешь.

ЗИМНИЕ ГОСТИ СОБИРАЮТСЯ В ПУТЬ

На проезжих дорогах по всей нашей области замечены стайки маленьких белых птиц, похожих на овсянок. Это наши зимние гости - снежные подорожники-пуночки.

Родина их в тундре, на островах и берегах Северного Ледовитого океана.

Там не скоро еще оттаяет земля.

ОБВАЛЫ

В лесу начались страшные обвалы.

Белка спала в своем теплом гнезде на ветке большой ели.

Вдруг тяжелый ком снега обрушился с вершины дерева прямо на крышу гнезда. Белка выскочила, а ее беспомощные новорожденные бельчата остались в гнезде.

Белка сейчас же принялась раскапывать снег. К счастью, оказалось, что снег только придавил крышу гнезда, сделанную из толстых прутьев. Крупное внутреннее гнездо из теплого мягкого моха осталось цело.

Бельчата даже не проснулись в нем. Они совсем еще маленькие - с крысенок, голые, слепые и глупые.

СЫРЫЕ КВАРТИРЫ

Снег тает и тает. Жителям лесных подвалов плохо приходится: кроты, землеройки, мыши, плевки, лисы и другие зверьки и звери, живущие в норах под землей, уже сейчас страдают от сырости. Что же будет с ними, когда весь снег превратится в воду!

ГОРОДСКИЕ НОВОСТИ

КОНЦЕРТЫ НА КРЫШАХ

По ночам на крышах происходят кошачьи концерты. Кошкам они очень нравятся. Концерты кончаются отчаянной потасовкой между певцами.

ПО ЧЕРДАКАМ

Обойдите дома центрального района города, и вы познакомитесь с условиями жизни населения чердаков.

Птицы, занимающие здесь углы, оказывается, очень довольны своим жильем. Кому холодно, тот жмет к печным трубам и пользуется даровым отоплением. Голубки уже сидят на яйцах, воробьи и галки по всему городу собирают соломинки для гнезд, пух и перья для своих мягких перин.

Жалуются птицы только на кошек и мальчишек, которые разоряют их гнезда.

СОННЫЕ МУХИ

На улице появились большие зеленовато-синие с металлическим отливом мухи. Вид у них сонный, как осенью. Они еще не летают, а только еле ползают по стенам домов, качаясь на токих ножках.

Целый день мухи греются на солнце, а ночью опять заползают в щели и скважины стен и заборов.

МУХИ, БЕРЕГИТЕСЬ БРОДЯГ!

На улицах ленинграда появились пауки-бродяги.

Волка, говорят, ноги кормят. Этих пауков - тоже. Они не плетут хитрых тенет, как пауки-крестовики, а нападают на мух и других насекомых, бросаясь на них прыжками из засады.

ВЕСНЯНКИ

Из воды через трещины речного льда вылезают неуклюжие серые личинки. Они карабкаются на набережную, освобождаются от своих шкурок-чехликов и превращаются в крылатых, стройных насекомых - ни мух, ни бабочек веснянок.

Длиннокрылые, легкие, они еще не могут летать: слабы. Им нужно солнце.

Они пешком переходят мостовую. Их давят прохожие, давят копытами лошади, давят колесами автомобили. Их проворно клюют воробьи. А они все идут да идут - их тысячи, тысячи, тысячи.

И те, кому удалось перейти улицу, взбираются на стены домов - за солнцем.

ГОТОВЬТЕ КВАРТИРЫ

Кто хочет, чтобы в саду у него поселился скворец, пусть скорее готовит ему квартиру. Квартира должна быть чистая и с такой маленькой дверью, чтобы скворец мог в нее пролезть, а кошка не могла.

А чтобы кошка и лапой не могла дотянуться до скворца, к двери с внутренней стороны прибивают ребром деревянный треугольник.

КОМАРИКИ ПЛЯШУТ

В солнечные теплые дни уже пляшут в воздухе комарикпи.

Не бойся их: эти не кусачие, это комары-толкуны.

Легкой стайкой, столбиком держатся в воздухе, толкутся, кружатся.

И там, где их много, - воздух в крапинках, как в веснушках.

ТРУБНЫЕ ЗВУКИ С НЕБА

Жители Ленинграда поражены раздающимися с неба трубными звуками. Звуки слышны совсем ясно на утренних зорях, пока город еще не проснулся и грохота на улицах нет.

Те, у кого глаза хорошие, приглядевшись, замечают под самыми облаками стаи больших белых птиц с длинными прямыми шеями.

Это тянут дикие лебеди - клиуны.

Каждую весну они пролетают над нашим городом и кричат звонкими трубными голосами: "Крру-рру! Крру-рру!" - но мы редко слышим их в шуме и грохоте уличной сутолоки.

Сейчас лебеди спешат на гнездовья на Кольский полуостров, под Архангельск, к берегам Северной Двины.

ПЕРВАЯ ОХОТА

надоело Щенку гонять кур по двору.

"Пойду-ка, - думает, - на охоту за дикими зверями и птицами".

Шмыгнул в подворотню и побежал по лугу.

Увидели его дикие звери, птицы и насекомые и думают каждый про себя.

Выпь думает: "Я его обману!"

Удод думает: "Я его удивлю!"

Вертишейка думает: "Я его напугаю!"

Ящерка думает: "Я от него вывернусь!"

Гусеницы, бабочки, кузнечики думают: "Мы от него спрячемся!"

"А я его прогорю!" - думает Жук-Бомбардир.

"Мы все за себя постоять умеем, каждый по-своему!" - думают они про себя.

А Щенок уже побежал к озерку и видит: стоит у камыша Выпь на одной ноге по колено в воде.

"Вот я ей сейчас поймаю!" - думает Щенок и совсем уж приготовился прыгнуть ей на спину.

А Выпь глянула не него и шагнула в камыш.

Ветер по озеру бежит, камыш колышет. Камыш качается

взад-вперед,

взад-вперед.

У Щенка перед глазами желтые и коричневые полосы качаются

взад-вперед,

взад-вперед.

А Выпь стоит в камыше, вытянулась - тонкая-тонкая, и вся в желтые и коричневые полосы раскрашена.

Стоит, качается

взад-вперед,

взад-вперед.

Щенок глаза выпучил, смотрел, смотрел - не видит Выпи в камыше.

"Ну, - думает, - обманула меня Выпь. не прыгать же мне в пустой камыш! Пойду другую птицу поймаю".

Выбежал на пригорок, смотрит: сидит на земле Удод, хохлом играет, то развернет, то сложит.

"Вот я на него сейчас с пригорка прыгну!" - думает Щенок.

А Удод припал к земле, крылья распластал, хвост раскрыл, клюв вверх поднял.

Смотрит Щенок: нет птицы, а лежит на земле пестрый лоскут и торчит из него кривая игла.

Удивился щенок: "Куда же Удод девался? Неужели я эту пеструю тряпку за него принял? Пойду поскорей маленькую птичку поймаю".

Подбежал к дереву и видит: сидит на ветке маленькая птица Вертишейка.

Кинулся к ней, а Вертишейка юрк в дупло.

"Ага! - думает Щенок. - Попалась!"

Поднялся на задние лапы, заглянул в дупло, а в черном дупле черная змея извивается и страшно шипит. Отшатнулся Щенок, шерсть дыбом поднял - и наутек.

В Вертишейке шипит ему вслед из дупла, головой крутит, по спине у нее змейкой извивается полоска черных перьев.

"Уф! напугала как! Еле ноги унес. Больше не стану на птиц охотиться. Пойду лучше Ящерку поймаю".

Ящерка сидела на камне, глаза закрыла, грелась на солнышке.

Тихненько к ней подкрался Щенок, - прыг! - и ухватил за хвост.

А Ящерка извернулась, хвост в зубах у него оставила, сама - под камень!

Хвост в зубах у Щенка извивается.

Фыркнул Щенок, бросил хвост - и за ней. Да куда там! Ящерка давно под камнем сидит, новый хвост себе отращивает.

"у, - думает Щенок, - уж если Ящерка и та от меня вывернулась, так я хоть насекомых наловою".

Посмотрел кругом, а по земле жуки бегают, в траве кузнечики прыгают, по веткам гусеницы ползают, по воздуху бабочки летают.

Бросился Щенок ловить их, и вдруг - стало кругом, как на загадочной картинке, все тут, а никого не видно - спрятались все.

Зеленые кузнечики в зеленой траве притаились.

гусеницы на веточках вытянулись и замерли, - их от сучков не отличишь.

Бабочки сели на деревья, крылья сложили, - не разберешь, где кора, где листья, где бабочки.

Один крошечный Жук-Бомбардир идет себе по земле, никуда не прячется.

Догнал его Щенок, хотел схватить, а Жук-Бомбардир остановился, да как пальнет в него летучей едкой струйкой - прямо в нос попал!

Взвизгнул Щенок, хвост поджал, повернулся - да через луг, да в подворотню.

Забился в конкуру и нос высунуть боится.

А звери, птицы и насекомые - все опять за свои дела принялись.

УМНАЯ ГОЛОВА

- Чудачка, - шипел Дикий Селезень на Дикую Уточку. - Что ты все здесь, в болоте, прячешься? И не заметишь, как охотник к тебе подкрадется.

- Та-ак, та-ак! - соплаилась дикая Уточка. - Опасно... А куда деваться?

- Смотри, - сказал Дикий Селезень: - вон там, у берега озера, плавают четыре утки. Летим к ним, - и там с ними будем в полной безопасности. Уж это - как дважды два четыре.

- Ка-ак? Ка-ак? - спросила Дикая Уточка. Она не знала оарифметики.

- Да так, - сказал Дикий Селезень, - очень просто. Четыре утки да мы двое - всего нас будет шесть уток. У каждой утки по два зорких глаза. У шести уток - шесть на два - двенадцать зорких глаз. А у нас с тобой только - дважды два - четыре. двенадцать разделить на четыре будет три. В три раза, значит, безопаснее нам с теми четырьмя утками на озере, чем одним на болоте. Это уже точно арифметически.

- Та-ак, та-ак! - согласилась Дикая Уточка. - Только что-то не нравятся мне эти утки. Почему они не кувыркаются в воду вниз головой, почему хвостиков не кажут над водой?

- Чепуха какая! - рассердился Дикий Селезень. - Не обязаны они все время кувыркаться! А разве ты не видишь, что каждая из них, как и полагается в нашей породе, с носка плоска? Разве у каждой голова, хвост, крылья не точь-в-точь такие, как у нас с тобой, и не такого же цвета? Все признаки налицо, а ты...

- Та-ак, та-ак! - соглашалась Дикая Уточка. - Вижу-то вижу, а только что-то боязно мне, только что-то кажется мне, будто эти утки... какие-то не такие.

- А какие же?

- Да... афирметспские!

- Ну, знаешь! - возмутился Дикий Селезень. - не желаешь, как желаешь, - и сиди ошдна в своем болоте, пока охотник не пришел. А я полетел.

- Зря, зря, зря! - закричала ему вслед Дикая Уточка.

Но Дикий Селезень уже перелетел на озеро и с плеском подсел к четырем деревянным уткам-чучелам, мертво покачивающимся на волнах. Прятавшийся в кустах охотник выстрелил, - и голова Дикого Селезня упала в воду.

- Та-ак, та-ак, та-ак! - грустно закрикала Дикая Уточка; она отлично все видела из своего болота и еще глубже запряталась в кочки. - Зря ты, Дикий Селезень, погиб, зря, зря! Умная была голова, а глупышу дана.

КРАСНАЯ ГОРКА

Чик был молодой красноголовый воробей. Когда ему исполнился год от рождения, он женился на Чирике и решил зажить своим домком.

- Чик, - сказала Чирика на воробьином языке, - Чик, а где же мы устроим себе гнездо? Ведь все дупла в нашем саду уже заняты.

- Эка штука! - ответил Чик, тоже, конечно, по-воробьиному. - Ну, выгоним соседей из дому и займем их дупло.

Он очень любил драться и обрадовался такому удобному случаю показать Чирике свою удаль. И, раньше чем робкая Чирика успела его остановить, он сорвался с ветки и помчался к большой рябине с дуплом. Там жил его сосед такой же молодой воробей, как Чик.

Хозяина около дома не было.

"Заберусь в дупло, - решил Чик, - а когда прилетит хозяин, буду кричать, что он хочет отбить у меня дом. Слетятся старики - и вот зададим соседу!"

Он и забыл совсем, что сосед женат и жена его уже пятый день мастерит гнездо в дупле.

Только Чик просунул в дырку голову, - рраз! - кто-то больнощеелкнул его по носу. Пискнул Чик и отскочил от дупла. А сзади уже мчался на него сосед. С криком сшиблись они в воздухе, упали на землю, сцепились и покатались в канаву.

Чик дрался на славу, и соседу его приходилось уже плохо.

Но на шум драки со всего сада слетелись старики воробьи. Они сейчас же разобрали, кто прав, кто виноват, и задали Чикю такую встрепку, что он не помнил, как и выдрался от них.

В себя пришел Чик в каких-то кустах, где прежде ему никогда не случалось бывать. Все косточки у него ныли.

Рядом с ним сидела перепуганная Чирика.

- Чик! - сказала она так грустно, что он, верно бы, расплакался, если б только воробьи умели плакать. - Чик, мы уже никогда больше не вернемся в родной сад! Где мы выведем теперь детей?

Чик и сам понимал, что ему нельзя больше попадаться на глаза старикам воробьям: они забьют его насмерть. Все-таки он не хотел показать Чирике, что трусит. Поправил клювом свои растрепанные перышки, немножко отдышалбся и сказал беспечно:

- Эка штука! Найдем себе другое место, еще получше.

И они отправились куда глаза глядят - искать себе новое место для житья.

Только вылетели они из кустов, как очутились на берегу веселой голубой реки. за рекой поднималась высокая-высокая гора из красной глины и песка. Под самой вершиной обрыва виднелось множество дырок и норок. У больших дырок сидели парочками галки и рыжие соколки-пустельги; из маленьких норок то и дело вылетали быстрые ласточки-береговушки. Целая стая их легкой тучкой носилась над обрывом.

- Смотри, как у них весело! - сказала Чирика. - Давай и мы устроим себе гнездо на Красной горке.

Чик с опаской поглядел на соколов и галок. Он думал: "Хорошо береговушкам; они сами копают себе норки в песке. А мне чужое гнездо отбивать?" И снова у него заныли сразу все костогчки.

- Нет, - сказал он, - тут мне не нравится: такой шум, прямо оглохнуть можно.

И они полетели дальше.

Дальше была роща, а за рощей - домик с дощатым сараем.

Чик и Чирика опустились на ркышу сарая. Чик сразу заметил, что тут нет ни воробьев, ни ласточек.

- Вот где житье-то! - радостно сказал он Чирике. - Гляди, сколько разбросано по двору зерна и крошек. Мы будем тут одни и никого к себе не пустим.

- Чш! - шикнула Чирика. - Смотри, какое страшилище там, на крыльце.

И правда: на крыльце спал толстый Рыжий Кот.

- Эка штука! - храбро сказал Чик. - Что он нам сделает? Гляди, вот как я его сейчас!..

Он слетел с крыши и так стремительно понесся на Кота, что Чирика даже вскрикнула.

Но Чик ловко подхватил у Кота из-под носа хлебную крошку и - раз-раз! - опять был на крыше.

Кот даже не шевельнулся, только приоткрыл один глаз и зорко поглядел на забияку.

- Видела? - хвастал Чик. - А ты боишься!

Чирика не стала с ним спорить, и оба принялись искать удобное место для гнезда.

Выбрали широкую щель под крышей сарая. Сюда принялись они таскать сначала солому, потом конский волос, пух и перья.

Не прошло и недели, как Чирика положила в гнездо первое яичко маленькое, все в розовато-бурых пестринках. Чик был так рад ему, что сложил даже песенку в честь своей жены и себя самого:

Чирик, Чик-чик,
Чирик, Чик-чик,
Чики-чики-чики-чики,
Чики, Чик, Чирик!

Песенка эта решительно ничего не значила, зато ее так удобно было распевать, прыгая по забору.

Когда в гнезде стало шесть яичек, Чирика села их высидывать.

Чик полетел собирать для нее червячков и мух, потому что теперь ее надо было кормить нежной пищей. Он замешкался немного, и Чирике захотелось поглядеть, где он.

Только она высунула нос из щели, как с крыши протянулась за ней рыжая лапа с растопыренными когтями. Рванулась Чирика - и целый пучок перьев оставила в когтях у кота. Еще чуть-чуть - и была бы ее песенка спета.

кот проводил ее глазами, запустил в щель лапу и выволок разом все гнездо - целый ком соломы, перьев и пуха. Напрасно кричала Чирика, напрасно подоспевший Чик смело кидался на Кота, - никто не пришел им на помощь. Рыжий разбойник преспокойно осъел все шесть их драгоценных яичек. Ветер поднял пустое легкое гнездо и скинул его с крыши на землю.

В тот же день воробьи навсегда покинули сарай и переселились в рощу, подальше от Рыжего Кота.

В роще им скоро посчастливилось найти свободное дупло. Они снова принялись таскать солому и целую неделю трудились, строили гнездо.

Соседями у них жили толстоклювый Зяблик с Зяблиц\хой, пестрый Мухолов с Мухоловкой и франтоватый Щегол со Щеглихой. У каждой пары был свой дом, пищи хватало всем, но Чик успел уже подражаться с соседями - просто так, чтобы показать им, какой он храбрый и сильный.

Только Зяблик оказался посильней его и хорошо потрепал забияку. Тогда Чик стал осторожней: он уже не лез в драку, а только топоришил перья и задиристо чирикал, когда мимо пролетал кто-нибудь из соседей. За это соседи на него не сердились: они и сами любили похвастать перед другими своей силой и удалью.

Первый поднял тревогу Зяблик. Он жил дальше других от воробьев, но Чик услышал его громкое тревожное: рюм-пиньк-пиньк! рюм-пиньк-пиньк!

- Скорей, скорей! - крикнул Чик Чирике. - Слышишь, Зяблик запиныкал, - опасность!

И правда: кто-то страшный к ним приближался. После Зяблитка закричал щегол, а там и пестрый Мухолов. Мухолов жил всего за

четыре дерева от воробьев. Если уж он увидел врага, значит, враг был совсем близко.

Чирика вылетела из дупла и села на ветку рядом с Чиком. Соседи предупредили их об опасности, и они ириготовились встретить ее лицом к лицу.

В кустах мелькнула пушистая рыжая шерсть, и лютый враг их - Кот вышел на открытое место. Он видел, что соседи уже овыдали его воробьям и ему теперь не поймать Чирику в гнезде. Он злился.

Вдруг кончик его хвоста зашевелился в траве, глаза прищурились: Кот увидел дупло. Что же, ведь с полдюжины воробьиных яиц - неплохой завтрак! И Кот облизнулся. Он вскарабкался на дерево и запустил в дупло лапу.

Чик и Чирика подняли крик на всю рощу. Но и тут никто не пришел к ним на помощь. Соседи сидели по своим местам и громко кричали от страха. Каждая пара боялась за свой дом.

кот зацепил когтями гнездо и вытащил его из дупла.

Но на этот раз он пришел слишком рано: яиц в гнезде не оказалось, сколько он ни искал.

Тогда он кинул гнездо и сам спустился на землю. Воробьи провожали его криком.

У самых кустов Кот остановился и обернулся к ним с таким видом, точно хотел сказать: "погодите, миленькие, погодите! Никуда вы от меня не денетесь! Устраивайте себе новое гнездо, где хотите выводите птенцов, а я приду и слопаю их, да и вас заодно". И он так грозно фыркнул, что Чирика вздрогнула от страха.

кот ушел, а Чик с Чирикой остались горевать у разоренного гнезда.

Наконец Чирика сказала:

- Чик, ведь через несколько дней у меня непременно будет новое яичко. Летим скорей, найдем себе местечко где-нибудь за рекой. Там уж Кот не достанет нас.

Она не знала, что через реку есть мост и что Кот частенько хаживает по этому мосту. Чик этого тоже не знал.

- Летим, 0- согласился он.

И они полетели.

Скоро очутились они под самой Красной горкой.

- К нам, к нам летите! - кричали им береговушки на своем, на ласточкином языке. - У нас на Красной горке житье дружное, веселое.

- Да, - крикнул им Чик, - а сами драться будете!

- Зачем нам драться? - отвечали береговушки. - У нас над рекой мошек на всех хватает, у нас на Красной горке пустых норок много, - выбирай любую.

- А пустельги? А галки? - не унимался Чик.

- Пуостельги ловят себе в полях кузнечиков и мышей. Нас они не трогают. Мы все в дружбе.

И Чирика сказала:

- Летали мы с тобой, Чик, летали, а краше этого места не видели. давай тут жить.

- Что ж, - сдался Чик, - раз норки у них есть свободные и драться никто не будет, можно попробовать.

Подлетели они к реке, и верно: ни пустельги их не тронули, ни галки.

Стали норку себе по вкусу выбирать: чтобы и не очень глубокая была, и вход пошире. Нашлись такие две рядом.

В одной они гнездо выстроили, и Чирика высиживать села; в другой Чик ночевал.

У береговушек, у галок, у соколов - у всех давно уже вывелись птенцы. Одна Чирика терпеливо сидела в темной своей норке. Чик с утра до ночи таскал ей туда пищу.

Прошло две недели. Рыжий Кот не показывался. Воробьи уже и забыли о нем.

Чик с нетерпением ждал птенцов. Каждый раз, как притаскивал он Чирике червяка или муху, он спрашивал ее:

- Тукают?

- Нет еще, не тукают.;

- А скоро будут?

- Скоро, скоро, - терпеливо отвечала Чирика.

Однажды утром Чирика позвала его из норки:

- Лети скорей: один тукнул!

Чик сейчас же примчался в гнездо. Тут он услышал, как в одном яйце птенчик чуть слышно тукал в скорлупу слабым клювиком.

Чирика осторожно помогла ему: надломил скорлупку в разных местах.

Прошло несколько минут, и птенчик показался из яйца - крошечный, голый, слепой.

На тоненькой-тоненькой шейке моталась большая голая голова.

- Да какой он смешной! - удивился Чик.

- Совсем не смешной! - обиделась Чирика. - Очень хорошенький птенчик. А тебе нечего тут делать, бери вот скорлупки да закинь их куда-нибудь подальше от гнезда.

Пока Чик относил скорлупки, выклюнулся второй птенчик и начал потукивать третий.

Вот туто-то и началась тревога на Красной горке.

Из своей норки воробьи слышали, как пронзительно вдруг закричали ласточки.

Чик выскочил наружу и сейчас же вернулся с известием, что Рыжий Кот карабкается по обрыву.

- Он видел меня! - кричал Чик. - Он сейчас будет здесь и вытащит нас вместе с птенцами. Скорей, скорей летим прочь отсюда!

- Нет, - грустно ответила Чирика. - Никуда я не полечу от маленьких моих птенчиков. Пусть будет, что будет.

И сколько ни звал Чик, она и с места не тронулась.

Тогда Чик вылетел из норки и стал как сумасшедший кидаться на Кота. А Кот лез и лез по обрыву. Тучей вились над ним ласточки, с криком летели на выручку к ним галки и пустельги.

кот быстро вскарабкался наверх и уцепился лапой за край норки.

Теперь ему оставалось только просунуть другую лапу за гнездом и вытащить его вместе с Чирикой, птенцами и яйцами.

Но в эту минуту одна пустельга клюнула его в хвост, другая - в голову, и две галки ударили в спину.

Кот зашипел от боли, повернулся и хотел схватить птиц передними лапами. Но птицы увернулись, и он кубарем покатился вниз. Ему не за что было уцепиться: песок сыпался вместе с ним, и чем дальше, тем скорей, чем дальше, тем скорей.

Птицам стало уже не видно, где Кот; с обрыва несло только облако красной пыли. Плюх! - и облако остановилось над водой. Когда оно рассеялось, птицы увидели мокрую кошачью голову посередине реки. Сзади поспевал Чик и клевал Кота в затылок.

кот переплыл реку и выбрался на берег. Чик и тут от него не отстал. кот был так напуган, что не посмел схватить его, задрал

мокрый хвост и галопом помчался домой.

С той поры ни разу не видели на Красной горке Рыжего Кота.

КТО ЧЕМ ПОЁТ

Слышишь, какая музыка гремит в лесу?

Слушая ее, можно подумать, что все звери, птицы и насекомые родились на свет певцами и музыкантами.

Может быть, так оно и есть: музыку ведь все любят, и петь всем хочется. Только не у каждого голос есть.

Вот послушай, чем и как моют безголосые.

Лягушки на озере начали еще с ночи. Надули пузыри за ушами, высунули головы из воды, рты приоткрыли...

- Ква-а-а-а! - одним духом пошел из них воздух.

Услахыл их Аист из деревни, обрадовался:

- "Целый хор! Будет мне чем поживиться!"

И полетел на озеро завтракать.

Прилетел и сел на берегу. Сел и думает:

"Неужели я хуже лягушек? Поют же они без голоса. Дай-ка и я попробую".

поднял длинный клюв, застучал, затрещал одной его половинкой о другую, то тише, то громче, то реже, то чаще: трещотка трещит деревянная, да и только! Так разошелся, что и про завтрак свой забыл.

А в камышах стояла Выпь на одной ноге, слушала и думала:

"Безголосая я цапля! Да ведь и Аист - не певчая птичка, а вон какую песню наигрывает".

И придумала:

"Дай-ка на воде сыграю!"

Сунула в озеро клюв, набрала полный воды да как дунет в клюв! Пошел по озеру громкий гул:

- Прумб-бу-бу-бумм!.. - словно бык проревел.

- "Вот так песня! - подумал Дятел, услышав Выпь из лесу. Инструмент-то и у меня найдется: чем дерево не барабан, а нос мой чем не палочка?!"

Задом уперся, передом откинулся, размахнулся головой - как задоббит носом по суку! Точь-в-точь - барабанная дробь!

Вылез из-под коры Жук с предлинными усами.

Закрутил, закурил головой, заскрипела его жесткая шея, тоненький-тоненький писк послышался.

Пищит усач, а все напрасно: никто его писка не слышит. Шею натрудил, зато сам своей песней доволен.

А внизу под деревом из гнезда вылез Шмель и полетел петь на лужок.

вокруг цветка на лужку кружит, жужжит жилковатыми жесткими крылышками, словно струна гудит.

Разбудила шмелиная песня зеленую Саранчу в траве.

Стала Саранча скрипочки налаживать. Скрипочки у нее на крылышках, а вместо смычков - длинные задние ножки коленками назад. На крыльях зазубринки, а на лапках - зацепочки. Трет себя Саранча ножками по бокам, зазубринками за зацепочки задевает - стрекочет.

Саранчи на лугу много: целый струнный оркестр.

"Эх, - думает Долгоносый Бекас под кочкой, - надо и мне спеть! Только вот чем? Горло у меня не годится, нос не годится, шея не годится, крылышки не годятся, лапки не годятся... Эй! Была не была, - полечу, не смолчу, чем-нибудь да закричу!"

Выскочил из-под кочки, взвился, залетел под самые облака. Хвост раскрыл веером, выпрямил крылышки, повернулся носом к земле и понесся вниз, переворачиваясь с боку на бок, как брошенная с высоты дощечка. Головой воздух рассекает, а в хвосте у него тонкие, узкие перышки ветер перебирает. И слышно с земли, будто в вышине барашек запел, заблеял.

А это Бекас. Отгадай, чем он поет?

Хвостом!

ПОГАНКИ

Взял я ружье и пошеел на маленькое лесное озеро. Оно густо поросло у берегов травой. На ночь сюда собирались утки.

Пока дошел, стемнело. В тростнике закричали, с шумом поднялись утки. Но я их не видел и стрелять не мог.

"Ладно, - подумал я. - Дождусь утра. Майская ночь совсем короткая. А до света они, может, вернуться".

Я выбрал место, где тростник расступался и открывал полянку чистой воды. Сделал себе шалашик в кустах и забрался в него.

Сперва сидеть было хорошо. Безлунное небо слабо сияло, звезды поблескивали сквозь ветви. И пел-шептал свою приглушенную, несмолкаемую, как ручеек, песню козодой-полуночник.

Но набежал ветерок. Звезды исчезли, козодой умолк. Сразу посвежело, посыпал мелкий жождик. За широрот мне потекли холодные струйки, сидеть стало холодно и неудобно. И уток не слышно было.

Наконец запела зарянка. Ее оцвирикающая переливчатая песенка задумчиво-грустно звучит вечерами. А под утро кажется радостной, почти веселой. Но мне она не обещала ничего хорошего. Я проголодался, продрог и знал, что теперь утки не прилетят. Не уходил уж из упрямства.

Дождик перестал. Начало прибывать свету. Пел уже целый птичий хор.

Вдруг вижу: в траве, в заводинке движутся две птичьих головки. Вот они, утки! Как незаметно сели...

Я тсал прилаживать ружье, чтобы удобно было стрелять, когда выплывут на чистое.

Выплыли.

Смотрю: острые носики, от самых щек на прямые шеи спускается пышный воротник. Да совсем и не утки: поганки!

Вот уж не по душе охотникам эти птицы!

Не то чтобы мясо их на самом деле было поганое, вредное для здоровья. Оно просто невкусное. Одним словом, поганки - не дичь.

А живут там же, где утки, и тоже вдоплавающие;. Охотник обманется и с досады хлопнет птицу. Застрелит и бросит.

Так грибник, приняв в траве рыжую головку какой-нибудь сыроежки за красный гриб, со злости пнет ее ногой и раздавит.

Разозлился и я: стоило целую ночь мерзнуть! Подождите же!

А они плывут рядом, плечо к плечу. Точь-в-точь - солдатики. И воротники распушили.

Вдруг - раз! - как по команде "разом-кнись!" - одна направо, другая налево. Расплылись.

не тратить же на них два заряда!

расплылись немного, повернулись лицами друг к другу и кланяются. Как в танце.

Интересно посмотреть!

Сплылись - и нос к носику: целуются.

потом шеи выпрямили, головы назад откинули и рты приоткрыли: будто торжественные речи произносят.

Мне смешно: птицы ведь, какие они речи держать могут?

Но вмоесто речею они быстро опустили головы, сунули носы в воду и разом ушли под воду. Даже и не булькнуло.

Такая досада: посмотреть бы еще на их игры!

Стал собираться уходить.

Вдруг смотрю: одна, потом другая выскакивают из воды. Стали на воду, как на паркет, во весь свой длинненький рост, - ножки у них совсем сзади. Грудь выпятили, воротники медью на солнце зажглись, - до чего красиво: так и полыхают!

А в клюве у каждой - платочек зеленой тины: со дна достали. И протягивают друг дружке подарок. Примите, дескать, от читстотго сердца ради вашей красоты и прекрасного майского утра!

Сам-то я тут только и заметил, как хорошо утро. Вода блещет. Солнышко поднялось над лесом и так ласково припекает. Золотые от его света комарики толкутся в воздухе. На ветвях молодые листочки раскрывают свои зеленые ладошки. Чудесно кругом.

Сзади сорока налетела, - как затрещит! Я невольно обернулся. А когда опять посмотрел на воду, поганок там уже не было: увидели меня и скрылись.

Они скрылись, а радость со мной осталась. Та радость, которую они мне дали. Теперь ни за что я этих птиц стрелять не буду. И поганками их называть не буду. Ведь у них есть и другое имя, настоящее: нырец или чемга.

Очень они полюбились мне в то утро.

МОРСКОЙ ЧЕРТЁНОЕ

1. В БОРЬБЕ СО СТИХИЯМИ

Сам теперь не пойму, как я отважился на эту отчаянную поездку. Один!

море было грозно, вдали по нему ходили злые барашки. Едва только я отшвартовался, снял конец с прикола, - волны кинули лодку и, ударив ее бортом о пристань, погнали к берегу. С большим трудом я успел поставить в уключины весла и направить лодку носом в море. И тут началась борьба.

Две стихии - море и ветер, - казалось, сговорились, чтобы не дать мне достигнуть цели и погубить меня. Я изо всех сил наваливался на весла, волны рвали их у меня из рук, а ветер, накидываясь то с одной, то с другой стороны, старался повернуть лодку назад к берегу и,

поставив бортом к волне, опрокинуть ее. Очень скоро мои ладони покрылись мозолями. Но я почти не чувствовал боли: все мое внимание было поглощено тем, чтобы держать правильный курс.

Как я желел теперь, что не подговорил с собой кого-нибудь из товарищей! Будь у меня рулевой, он мог бы, сидя на корме, держать руль по курсу, и мне оставалось бы только справляться с леслами. А одному приходилось каждую минуту оборачиваться то через одно, то через другое плечо - смотреть, прямо ли к цели идет моя лодка.

Целью моего плавания были запретные Пять Братьев. Так назывались пять скал, пять камней, дружной грудой возвышавшиеся над волнами невдалеке от берега.

Я сказал: "невдалеке"; правда, преодолеть это расстояние при тихой погоде было бы не трудно. Но сейчас оно казалось огромным.

Несмотря на ветер, пот лил с меня градом. И вдруг я почувствовал облегчение: лодка подошла под прикрытие Пяти Братьев, и тут - в заветерках - сразу перестало рвать ее из стороны в сторону.

Однако пристать к скалам с береговой стороны не было никакой возможности. Надо обогнуть их с запада, войти в проход между двумя старшими Братьями - самыми большими из камней. Это я знал, потому что мне уже дважды пришлось побывать на Пяти Братях. Я знал, что ворота - очень опасное место: прибой там бьет с удесyатеренной силой и может в щепки разбить лодку, бросив ее на камни.

Придержав лодку на месте, я немного отдохнул: надо было набраться сил для последнего, самого рискованного перехода.

Я оглядел берег. На нем никого не было. Да и кто будет выходить в море так рано и в такой ветер?

Наконец я собрался с духом и направил лодку в каменные ворота.

Сильное течение разом загородило мне путь. Мне показалось даже, что лодку тащит назад.

Оборачиваться уже не было времени, но, скосив глаза, я по камню увидел, что потихоньку ползу вперед.

Это придало мне силы. Я налег на весла - и как-то совсем неожиданно легко очутился по другую сторону каменных ворот.

Резко повернув лодку, я без приключений ввел ее в узкую гавань между двумя Братьями - одним из старших и младшим.

Тут было тихо. Я кинул весла на дно лодки, перешел на нос, взял кошку - четырехлапый якорь - и забросил ее на старшего Брата. Подергал, зацепилась крепко.

Опасный переход кончен. Теперь можно собраться с мыслями и приниматься за дело.

2. ИЗ ТЁМНОЙ ПУЧИНЫ

Отдохнув, я разложил в лодке все свои запасы и нацепил на крючок целый клубок червей. Мелкая добыча, что берет на одного червя, меня не интересовала: не за тем я ехал сюда, рискуя жизнью.

Я забросил удочку. Поплавок из сухой камышины вынырнул и лег спокойно. Тогда все исчезло: берег, небо, лодка; осталась только эта камышинка да кусочек моря, на котором она покоилась. Я смотрел на нее, не отрывая глаз.

Смотрел и думал о том, что сегодня ожидает меня необыкновенная добыча. Ведь не на простую ловлю я выехал, не с берега, в мелкую воду, закинул удочку. Я - в море, на скалах. Кто знает, какая тут глубина? И что таит в себе пучина, какие живут в ней огромные, невиданные рыбы? Может быть, сегодня ждет меня счастье, и я вытащу какую-нибудь рыбку, у которой даже названия нет, потому что никто еще не ловил таких. Может быть, тут, под скалами, стоит сейчас целая стая таких рыб, и как начнут они клевать одна за другой - только успевай вытаскивать! Я полную лодку набью добычей.

Поплавок по-прежнему спокойно лежал на воде.

Следуя мысленно за лесой, ушедшей в темную воду, я думал о том, какой невообразимой глубины бывают моря и океаны. Целые километры воды под тобой.

неизведанная глубина!

И мне представился крошечный-крошечный, человек на скорлупке-лодочке. Под ним бездна - пучина морская. И над ним бездна - воздушный океан, межзвездные неизмеримые пространства...

Оторвав на минутку глаза от поплавка, я взглянул вверх и между разорванными ветром тучами увидел бездонное синее небо. "Ведь будет такое время, - подумалось мне,- когда человек научится спускаться в глубь океанов, до самого дна, и подниматься в высь - до луны, до планет, может быть - до самых лалеких звезд".

Я опять перевел глаза на поплавок и не мог дать себе ясного отчета: действительно он дрогнул, или это мне только показалось?

Мгновенно исчезли бездны - вверху и внизу, - глаза мои впились в поплавок.

Он спокойно лежал на воде.

Я выждал несколько минут. Потом повел его удочкой, подальше от скалы: может быть, там клюнет?

Вдруг поплавок встал - и вмиг исчез под водой.

Какая-то неведомая сила увлекала его в темную бездну, натянула лесу, согнула конец моего удилища.

Но другой конец я крепко держал в руках. Вскочив на ноги, я порывистым движением дернул удочку.

Руки мои почувствовали сопротивление: кто-то там, в глубине, упирался.

Я потянул сильнее. Руки у меня дрожали.

Тот - внизу - немножко поддался. Я тянул и тянул.

Из воды показалась камышинка-поплавок.

Поплавок, стоямя, стал подвигаться ко мне.

Но вдруг тот, под водой, стал - и ни с места.

Я рванул. Он поддался, но сейчас же утянул лесу назад. Я рванул изо всей силы.

На конце лесы вылетела из моря рыба, не рыба - настоящее чудовище: все в колючках; голая голова с разинутой зубастой пастью, за ней растопыренные когтистые крылья; спины нет, а сразу хвост, тоже весь в шипах.

Блеснув на солнце темными пятнами, чудовище вместе с лесой опустилось на дно лодки.

Я с торжеством посмотрел на берег: моя взяла!

И хорошо сделал, что посмотрел: оттуда, с берега, грозила мне такая опасность, что я разом забыл даже о своей необычайной добыче.

На берегу стеной стоял сосновый лес. В полукилометре справа он кончался. За ним виднелась дача. От дачи к лесу шел человек в костюме из желтовато-коричневой шерсти, с ружьем за плечами.

Сейчас он войдет в лес. Оттуда ему не будет видно меня. Но если он выйдет из лесу против Пяти Братьев раньше, чем я окажусь на берегу, он сразу заметит меня в море. Тогда я пропал.

Каждая минута была дорога. не обращая внимания на чудовище, отчаянно бившееся на дне лодки, я прыгнул с борта на камень, отцепил кошку, махнул с ней назад в лодку и сел за весла.

Грести к берегу было легко: ветер дул в спину, волны сами несли меня к цели.

В несколько минут я достиг пристани и поставил лодку на прикол.

Схватив удочку, не успев даже отцепить болтающуюся на конце ее добычу, я бегом по мосткам кинулся к берегу.

3. МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Только я соскочил с мостков на песок, из лесу вышел человек с ружьем. Это был мой отец.

Мой отец был строгий человек. Узнай он, что я ездил на Пять Братьев, да еще в такой ветер, - не бывать бы мне больше в лодке до следующего года.

Ведь мне было всего десять лет, и отец строго запретил мне одному, без взрослых, брать лодку.

Но я был на берегу. Отец, наверно, подумает, что я удил с мостков. В этот день мне везло. Солгать отцу я не мог бы. Но, действуя по вдохновению, я избежал прямого вопроса и, можно сказать, выскочил сухим из воды.

- Папа! - закричал я вместо приветствия. - Я поймал морского черта!

- Ну, что за пустяки! - отозвался отец, с любопытством, однако, взглянув на мою добычу, все еще бившуюся на конце удочки. Он был большой знаток природы и с великой страстью изучал ее.

- А любопытно, - прибавил он, перехватив у меня лесу. - Это бычок-подкаменщик. Удивительная мелководная рыбка. Прячется под камнями, а проплывет кто-нибудь мимо - рыбка ли, водяная мокрица, жучья личинка, стрелой вылетит - и в пасть. Обжора страшный!

Я слушал и ликовал: гроза миновала, отец не видел меня на Пяти Братях! Когда-нибудь, когда я буду большой, ся сознаюсь ему в своем проступке. А пока - я герой.

И что же такого, что это не морской черт, а всего чертенок, бычок какой-то, рыбка, уместающаяся на моей ладони? Сам отец говорит, что это удивительная рыба.

И что же такого, что Пять Братьев совсем не скалы, а просто пять камней в каких-нибудь ста метрах от берега и что там не пучина морская, а совсем мелко?

Ведь я-то вправду рисковал жизнью, поехав туда в лодке один, в такой ветер. И я вправду поймал там замечательное маленькое чудовище - все из колючих крыльев-плавников да из хвоста с шипами.

Отец пойдет сейчас дальше - он вышел на охоту, - а я побегу домой и буду хвастать своей необычайной добычей матери и всем своим товарищам. И все будут ахать и удивляться. А кой-кому и товарищей я даже шепну на ушко, как я этого морского черта добыл с риском для жизни.

И все равно, над морем - бездонное небо, а под ним - бездонные моря и океаны, и весь огромный мир кругом меня, надо мной и подо мной полон неизведанных тайн. И я их буду открывать всю жизнь, потому что это самое интересное, самое увлекательное занятие в мире!

ЗАЯЦ, КОСАЧ, МЕДВЕДЬ И ДЕД МОРОЗ

Злой голый осенью вот уж плохо стало жить лесному зверю!
Плачет Заяц в кустах:

- Холодно мне, Заиньке, страшно мне, беленькому! Все кусты облетели, вся трава полегла, - негде мне от злых глаз схорониться. Надел шубку беленькую, а земля черным-черна, - всяк меня видит издалека, всяк меня гонит-ловит. Пропала моя головушка!

Косач-Тетерев с березы бормочет:

- Боюсь понизу бродить, боюсь ягоду клевать! На верховище сижу, кругом пляжу, одни сережки клюю. Ветром меня на ветках качает, дождем меня мочит, - сидеть нет мочи!

Медведь ворчит:

- вовсе в лесу есть нечего стало, - хоть к людям иди, коров дави; давно бы спать завалился, да земля гола, берлога кругом видан, - сейчас охотники найдут, сонного убьют.

Сговорились Заяц, Косач и Медведь, - послали Синицу за Дедом Морозом:

- Приходи к нам, Дед Мороз, принеси нам, Дед Мороз, снега, принеси нам, Дед Морорз, зиму!

Дед Мороз побряхтел, пришел - мешок снега на лес высыпал. Стало кругом бело да ровно.

Медведь сказал:

- Вот и ладно. Спасибо тебе, Дед Мороз!

Залез под кучу валежника. Кучу снегом запорошило - и не видать, что там берлога.

Зяец сказал с оговорочкой:

- Спасибо тебе, Дедушка Мороз! Теперь не видно меня беленького. Хороша твоя пороша, да вот теплая, печатная: снег-то мягкий, пушной. Следишки мои на нем видны. Где ни ляжешь отдохнуть, - сейчас кто-нибудь найдет.

А Косач - тот даже спасибо не сказал.

- Какая это, - бормочет, - зима, когда снегу - курице по колено, когда не прикрыл снег и лежащего полена! Зима наспех - курам на смех. Ни снегу, ни мороза. Что ж мне так всю зиму и болтаться на березе?

Пожалел его Дед Мороз, - давай снег на лес большими мешками валить да примораживать, чтобы крупичатый был.

Косач сказал:

- Вот это дело! - да бух с березы в снег. Там и ночевал: в норке-то тепло и не видно.

Зяец сказал:

- Дедка Мороз, а со мной-то ты что делаешь! Легко ли мне по эдакому снегу бегать! Глубоко. Ведь по уши в него проваливаюсь! А тропой пойдешь, - тут тебе и Лиса встречь, тут тебе и капканы наставлены. Ты меня, Заиньку, пожалей: сделай, чтобы сверху снег был корочкой.

А Медведь - тот ничего не сказал: спал.

Пожалел Дед Мороз Зайца. Стал днем снег растоплять, - побежали под валежник струечки. А ночью сырой-то снег сверху давай мостить-примораживать. Сделал наст - крепкую ледяную корку.

Зяец сказал:

- Вот тебе спасибочко-то, Девушка Мороз! Теперь все ладно. По насту бегу, не проваливаюсь. Даже и следишек моих на нем не видать.

Косач сказал:

- Да ты что, Дед! Я с вечера в мокрый-то снег бухнусь, поглуюже закопаюсь, - ан утром хоть голову себе разбей: ледяная крыша над головой!

А Медведь как выскочит из берлоги, как рявкнет:

- Эй ты, старик! Что снег топишь, струйки пускаешь! Все штаны мне подмочил!

Шарахнулся от него Дед Мороз.

- А ну вас! - говорит. - Привереды! Кому чего, - на всех не угодишь. Я лучше восвояси уберусь.

И ушел.

Ну, сказать, - лесное зверье не больно долго о нем плакало: взамен ему Синица живо Весну привела. А Весна - сами знаете - всем красна. И нам, и всему лесному зверью любя.

Всех утешила и всех развеселила.

А как она это сделала, - о том другой сказ.

ЗАЯЦ, КОСАЧ, МЕДВЕДЬ И ВЕСНА

Прилетела красавица ВЕСНА на лебединых крыльях, - и вот стало шумно в лесу! Снег рушится, бегут-журчат ручьи, льдинки в них позванивают, в ветвях ветер насвистывает. И птицы - птицы щебечут, поют-запевают, ни днем ни ночью покоя не знают!

А Дед Мороз недалеко ушел, - он все слышит.

"То ли дело, - думает, - при мне было. Тишина в лесу, только деревья побрякивают.; Поди, всем надоел весенний-то гам. Будут рады теперь, коли вернусь". Пробрался ночью в лес, схоронился под темной елью.

Вот зорька занялась.

И слышит Дед Мороз: бежит по лесу Заяц, притоптывает, в голос кричит.

"Плохо пришлось Заиньке, - думает Дед Мороз. - Снег-то, почитай, весь сошел, земля серая, а он беленький, - всяк его видит-ловит. Совсем ополоумел косою со страху".

Глядь - выскочил Заяц на тропочку. Только он уж не белый: серый Заяц.

За ним товарищи - такие же серые зайцы. Кричат, притоптывают, одинг через другого скачут.

Дед Мороз и рукава развел:

- Что такое Весна делает! Заяц товарищей со всего леса созвал. Верещит. Чехарду затеял - совсем страх потерял!

Проскакали мимо веселые зайцы.

Зорька ярче.

И видит Дед Мороз: сидит на лугу у опушки Косач-Тетерев, черный как уголь.

"Вот кому беда пришла, - думает Дед Мороз. - Ведь он у меня под снегом ночевал. Теперь снегу нет, а лес еще голый стоит. Негде Косачу спрятаться, покой найти - ни на земле, ни на дереве".

А Косач и не думает прятаться: к нему тетерочки на опушку слетаются, а он-то перед ними красуется, звонким голосом бормочет:

- Чуф-ши! Чуф-ши! Красны броси хороши! Хвост-косицы подниму, круты крылья разверну!

К нему товарищи на луг слетаются. А он их задирает:

- Чуф-шу! Чуф-шу! Выходите на левшу! Я вам перья причешу!

Подпрыгнул, сшиблись, - только пух летит!

"Что Весна делает-то! - Мороз думает. - Мирная птица в драчку полезла. О покое и забыла".

Разгорелся день, - улетели тетерева с луга.

Идет по лесу Медведь. Тощий.

"Каково-то тебе, косолапый? - думает Дед Мороз. - Небось плачешь по берлоге своей? Спал бы да спал в ней - и голода бы не знал".

А Медведь остановился, когтями из земли какие-то корешки выкопал, жует, похрюкивает от удовольствия: видать, сладкие на вкус корешки-то.

Дед Мороз пятерней под шапку полез:

- Что ты скажешь, - и этот Весне рад! Никто по мне не тужит... Пойти спросить у нее, чем она всех с ума свела?

Вылез из-под ели, пошел по лесу Весну разыскивать.

А красавица Весна сама ему навстречу идет, вся в цветах разноцветных, вся в солнечном золоте. Говорит ему свирельным голосом:

- Что, старый? На пляски да песни наши пришел поглядеть? Или напугать кого задумал?

- Напугаешь их!.. - кряхтит Дед Мороз. - Заяц - и тот нынче страх потерял. И что ты сделала им такое, что все тебя славят, все с ума посходили?

Улыбнулась красавица Весна:

- А ты сам их спроси, чему они радуются. Заиграла песню и с песней полетела над лесом, над лесом в зеленой дымке.

Отыскал Дед Мороз Зайца:

- Ты чему рад?

- Весне, Делушка. Рад теплу, солнцу рад, травке шелковой. Ведь всю зиму зеленого росточка не видел, все осинки ободрал, горьку кору плодал. А травка-то сладенька.

Отыскал Дед Мороз Косача:

- Ты чему рад?

- Рад я крылья поразмять, удаль-силу показать. Чуф-ши! Чуф-ши! Красны брови горячи, круты крылья хороши.

Отыскал Дед Мороз Медведя:

- А ты чему рад?

Медведь застыдился, лапой закрылся, шепчет:

- Цветочкам я, Дедушка, рад...

- Ох-ох, насмешил, ох, распотешил! Красным девушкам впору цветам радоваться, не тебе, косолапому. Веночки из них, что ли, плести будешь? Я тебе - хочешь? - мешок цветов накидаю, всю землю ими покрою. Все беленькие - один к одному.

И ну трясти рукавом. А из рукава у него снежинки, снежинки, снежинки, - и закрутилась метелица хлопьями.

Медведь говорит:

- Нет, старик! Твои цветы мертвые. не пахнут они и глаз не радуют. А у Весны-красавицы каждый малый цветочек - радость светлая, каждый счастье сулит. Ты придешь - зиму лютую с собой приведешь. А Весна идет - красно лето за собой ведет. Каждый малый цветочек ее мед в себе копит, каждый летом ягоду нам обещает.

Помолчал Медведь и опять лапой закрылся.

- М мы, - шепчет, - медведи-то, ба-альшие сластены! Я зимой в берлоге сплю, снег да лед надо мной, а сны мне все про сладкое снятся: про мед да про ягоды.

- Ну, - сказал Дед Мороз, - коли уж ты, лохматый, о сладком мечтаешь, так мне и впрямь у вас делать нечего.

Рассердился и ушел так далеко, что скоро Заяц, Косач да Медведь и совсем о нем забыли.

ХИТРЫЙ ЛИС И УМНАЯ УТОЧКА

Очень. Хитрый Лис думает:

"Утки в отлет собрались. Дай-ка схожу на речку - утятинкой раздобудусь!".

Подкрался из-за куста, видит: правда, целая стая уток у берега. Одна Уточка стоит под самым кустом, лапкой перья в крыле перебирает.

Лис хватить ее за крыло!

Со всех силенок рванулась Уточка. Оставила перья у Лиса в зубах.

"Ах ты!.. - Лис думает. - Вырвалась как..."

Стая всполошилась, поднялась на крыло и улетела.

А эта Уточка осталась: крыло у нее сломано, перья вырваны.

Она спряталась в камышах, подальше от берега.

Ушел Лис ни с чем.

Зима. Хитрый Лис думает:

"Замерзло озеро. Теперь Уточка - моя, никуда от меня не денется: по снегу куда ни пойдет, - наследит, - по следу ее найду".

Пришел на речку, - верно: лапки с перепонками наследили на снегу у берега. А сама Уточка под тем же кустом сидит, распушилась вся.

Тут ключ из-под земли бьет, не дает льду намерзнуть, - теплая полынья, и пар от нее идет.

Кинулся Лис на Уточку, а Уточка - нырк от него! - и ушла под лед.

"Ах ты!.. - Лис думает. - Утопилась ведь..."

Ушел ни с чем.

Весна. Хитрый Лис думает:

"Таает лед на речке. Пойду мерзлой утятинкой полакомлюсь".

Пришел, а Уточка плавает под кустом - жива, здоровехонька!

Она тогда нырнула под лед и выскочила в полынью - под другим берегом: там тоже бил ключ.

Так всю зиму и прожила.

"Ах ты!.. - Лис думает. - Стой же, сейчас за тобой в воду кинусь..."

- Зря, зря, зря! - закрикала Уточка. Порх с воды и улетела.

За зиму-то у нее крыло зажило и новые перышки отросли.

НЕПОНЯТНЫЙ ЗВЕРЬ

У нас в колхозе картошку с осени закапывают в сосняке. Там песок, картошка лежит всю зиму и не портится. Весной ее вырывают из песка и садят.

А в сосняке остаются глубокие ямы.

Вот раз шел один наш колхозник по этому сосняку и бслышит: будто скребется кто в яме?

Подошел к яме, а там на дне - совсем незнакомый зверь. Ростом с собачку, толстый, сам весь в белой и черной шерсти.

У колхозника был с собой топор. Долго не раздумывая, колхозник наклонился над ямой да стукнул зверя обухом по голове.

Зверь упал.

Колхозник вытащил его из ямы, перекинул через плечо и пошел домой.

Дома скинул зверя на пол и говорит своим сыносьям:

- Смотрите, какого я зверя пристукнул в сосняке. Совсем непонятный зверь. Даже и прозванья его не знаю.

Старший сынишка поглядел на зверя, - а зверь толстый, ноги короткие, рыло свинячье, - говорит:

- Это лесной поросенок.

Средний сынишка поглядел зверю на когти, - а когти у зверя длинные, страшные, - и говорит:

- Это волчонок.

А младший сынишка поднял зверю верхнюю губу, поглядел на его зубы, а зубы у зверя хищные, клыкастые, - и говорит:

- Медвезенок.

- нет, - сказал колхозник, - не поросенок, не волчонок и не медвежонок. Совсем непонятный зверь. Пойду за лесником. Лесник должен знать.

Взял шапку, вышел и дверь за собой захлопнул.

Через малое время вернулся с лесником, открывает дверь, - а ребята его - все тьрое - на печке сидят, ноги поджали и кричат ему:

- Тятя, не входи!

- Тятя, он живой!

- Кусачий!

Колхозник остановился на пороге, а зверь шасть у него между ног, да с крыльца, да в калитку.

Хрюкнул и пропал в кустах.

А лесник, что стоял позади колхозника, и говорит:

- Плохо ты его стукнул. Это зверь лесной, живучий. По-нашему - язвук, по-ученому - барсук. В норах живет. Ест коренья, да лягушек, да

слизняков.

Ребята спрашивают с печки:

- А людей он не ест?

- Людей не трогает;

- А мы-то страху натерпелись!

И полезли с печки.

- Эх, знатъе бы! Мы печеной картошки ему дали б. Вкусной!

ПРО ОДНОГО МАЛЬЧИКА

ДРОБИНКА

Отец подарил мальчику маленькое дробовое ружье. Мальчик устроил себе на берегу пруда шалашик - и стал ждать уток.

Наконец прилетели два чирка. Селезень был очень красив: весь пестрый и на ржавой голове две ярко-зеленые полосы. А уточка была серенькая, скромная, только на крыльях у нее блестели зеленые перышки.

Когда чирки подплыли к шалашу, мальчик выстрелил. И случилось так, что целился он в красивого селезня, а попал в уточку.

Тогда селезень взвился в небо, дал в воздухе один круг, другой круг, потом вдруг сложил крылья - и камнем полетел вниз. Он упал на берег и, конечно, разбился насмерть.

Мальчик подумал: "Ах, зачем я убил уточку! Вот и селезень не захотел жить без нее".

Мальчик прибежал домой в слезах и стал рассказывать отцу, как он попал в уточку и как селезень тогда нарочно овзвился в облака и оттуда камнем упал на землю.

Отец хорошенько рассмотрел птиц и показал мальчику, что у селезня в голове маленькая ранка.

Значит, селезень не потому упал, что не хотел без подружки жить, а оттого, что ему в голову тоже попала одна дробинка - смертельная.

ПТИЧЬЯ ПЕСЕНКА

Через год этот мальчик научился хорошо стрелять из своего ружья. Попадал в птиц даже на лету.

Один раз он шел лесной просекой. Снег только еще начинал таять. Только что прилетели стайки зябликов.

Зяблики прыгали по голым ветвям деревьев, слетали на проталинки поискать себе еду. Все они были, как на подбор,

красавцы: краснощекие, лиловогрудые, с белыми перевязками на крылышках.

Мальчик знал, что это были самцы: зябличихи прилетят позже, через несколько дней. Зяблики не пеи.

"не время еще им петь, - думал мальчик. - Пока не прилетят зябличихи, не услышишь их песен".

Вдруг что-то серое мелькнуло сбоку между деревьями и упало на проталину.

Как ветром сдуло зябликов с просеки. С тревожным пиньканьем и рюмканьем они скрылись в лесу.

А с проталины перед омальчиком взлетел небольшой серый ястреб. В когтях у него был зяблик.

Пока мальчик снимал с плеча ружье, ястреб повернул и полетел вдоль просеки.

Теперь мальчик видел только его спину. И выстрелил в нее.

На миг ястреб остановился в воздухе. когти его разжались, из них выпорхнул зяблик.

Ястреб мертвый упал на землю.

Спасенный зяблик взлетел на дерево, отряхнулся, повернулся к мальчику - и вдруг запел.

Сперва он будто захлебывался песней, пел тихо. Потом звонче и звонче. И вдруг оборвал на самой веселой ноте.

Мальчику очень понравилась песенка. Он подумал: "Ведь это он благодарит меня за то, что я спас его от ястреба".

Мальчик снял шапку и замахал зяблику:

- Не за что, не за что! Лети себе на здоровье.

Зяблик улетел. Тогда мальчик подобрал застреленного ястреба и побежал домой.

Дома он рассказал отцу, как спас зяблика и как зяблик поблагодарил его звонкой песенкой.

Но отец сказал:

- Все ты выдумываешь. Совсем не для того пел зяблик, чтобы поблагодарить тебя.

- А для чего же? - спросил мальчик.

- Ни для чего. Ушел из когтей ястреба, вот и запел. Поет и сам не знает, - почему, отчего, для кого он поет. А что это ты освободил его от ястреба, он даже и не подумал. Обрадовался, - и запел.

ГОЛУБЫЕ ЛЯГУШКИ

Прошел месяц, снег совсем почти стаял, и все канавки в лесу разлились в целые ручьи. В них громко кричали лягушки.

Мальчик подошел к канаве. Лягушки сразу замолчали и бульк-бульк-бульк! - попрыгали в воду.

Канавка была широка. Мальчик не знал, как через нее перебраться. Он стоял и думал: "Из чего бы тут сделать мостик?!"

Понемногу из воды стали высовываться треугольные головы лягушек. Лягушки со страхом пучеглазились на мальчика. Он стоял неподвижно. Тогда они начали вылезать из воды. Вылезли и запели.

Их пение нельзя было назвать очень красивым. Есть лягушки, которые звонко квакают; другие кричат вроде уток. А эти только громко урчали, хрипели:

- Тур-лур-лурр!

Мальчик взглянул на них - и ахнул от удивления: лягушки были голубые! До этого ему приходилось видеть много лягушек. Но все они были обыкновенного лягушеечьего цвета: серо-буро-коричневые или зеленые. Он даже держал одну зеленую дома, в большой банке из-под варенья. Когда она квакала, она надувала у себя на шее два больших пузыря.

А эти - в канаве - только горлышки раздували, и горлышки у них тоже были красивого светло-голубого цвета.

Мальчик подумал: "Наверно, еще никто на свете не видел голубых лягушек. Это я первый открыл их!"

Он живо поймал трех лягушек, посадил их в кепку и побежал домой.

Дома были гости. Мальчик вбежал в комнату и закричал:

- Смотрите, голубые лягушки!

Все обернулись к нему и замолчали. Он взял и вытряхнул из кепки всех трех лягушек прямо на стол.

Раздался громкий хохот.

Мальчик глянул на лягушек, - раскрыл рот от удивления и густо покраснел: все три его лягушки были не голубые, а обыкновенного лягушеечьего цвета - серо-буро-коричневые.

Но отец мальчика сказал:

- Нечего смеяться над мальчишкой: он ловил лягушек в то время, когда они урчали. Это обыкновенные травяные лягушки, лягушки-

турлушки. Они некрасивы. Но когда их освещает весеннее солнце и они поют, - они очень хорошеют: становятся нежно-голубого цвета.

Не всякий из вас это видел.

ЗЕЛЁНЫЙ ПРУД

- Помните, девочки, - говорила мать, уходя из дому, - можете бегать, где хотите - и во дворе и в саду, только к Зеленому пруду не подходите.

девочки и сами побаивались ходить к Зеленому пруду: про это место рассказывали страшное.

Зеленый пруд был в самом дальнем, в самом темном углу сада. Кругом него стояли великаны-ели. Они растопырили над прудом мохнатые лапы и не пропускали к нему солнечный свет.

Мать говорила, что вода в Зеленом пруду вредная: напьешься заболеешь и умрешь. Говорила, что на дне пруда ил и тина: попадешь ногой и начнет тебя всасывать, всасывать - и засосет с крышкой.

По вечерам из пруда поднимался серый косматый туман. Он медленно пробирался между деревьями, полз к дому. Тогда мать загоняла девочек домой - спать.

К Зеленому пруду никто не ходил, даже взрослые. А девочкам строго-настрого было запрещено бегать в тот темный, сырой угол сада.

Мать ушла. Алла и Нонна уселись на скамейке. Долго сидели молча. Потом Нонна вздохнула:

- Скучно! мамы нет... Хоть бы тетя прислала за нами крысиную коляску.

- Какая тетя? - удивилась Алла.

- Какая, какая!.. Ну, волшебная. Помнишь, Золушке коляску прислала, а вместо лошадей - крысы.

- Фу, глупая! - рассердилась Алла. - Золушка - ведь это в сказке. И тета-фея в сказке.

- Что ж такого... - начала Нонна, но вдруг смолкла: за спиной что-то зашуршало.

Девочки обернулись.

На клумбе, на большом белом цветке сидела стрекоза-красотка.

Она была похожа на игрушечный, красиво раскрашенный аэропланчик. Крылья у нее были темно-синего цвета, а блестящее длинное тельце изумрудно-зеленое.

- Чересчур маленький самолетик, - прошептала Нонна. - Как же мы на него усядемся?

Алла вскочила и хотела поймать стрекозу. Но стрекоза - порх! - и полетела.

Девочки побежали за ней.

Стрекоза - за деревья, - и села на куст.

девочки - к ней. Только протянули руки, а она опять полетела - и дальше, дальше, в глубь сада.

Лети, летит - и присядет. Вспорхнет, полетит - и опять сядет: будто ждет, будто за собой манит.

Бегали, бегали за ней девочки. Наконец совсем уж было настигли, но стрекоза увернулась от них и вдруг пропала в тени, под елями.

девочки смотрят, - она на берегу пруда.

Сумрак и тишина кругом. Молча стоят темные великаны-ели. Густые ветви кустов обвисли с берега в воду. А пруд, как зеленой чешуей, покрыт маленькими круглыми листочками ряски. Только у берега вода чистая, и в ней что-то темнеет - с детский кулачок, круглое, - головка будто чья-то.

Алла схватила Нонну за руку:

- Бежим скорее отсюда! Нам попадет!

- Ведь мы не нарочно, - шепчет Нонна. - И... видишь, видишь!..

Над прудом быстро светлело. По воде побежала темная тень и спряталась в прибрежные кусты. И вдруг сверху хлынул веселый золотой свет: солнце встало над елями.

Кусочек чистой воды у берега осветился, и стало видно, чья э то круглая головка, там пряталась водяная лилия.

Лилия медленно поднималась из воды на длинной, гибкой зеленой ножке. Когда вся головка вышла на воздух, лепестки, закрывавшие ее, стали раскрываться, раскрываться... Венчик зеленых лепестков лег на воду, - и засияло на солнце белое-белое лицо - чашечка. Приоткрылась чашечка, и в ней, как жар, загорелись тонкие золотые язычки.

Тогда откуда-то сверху спустилась и села на белую лилию стрекоза-красотка, - та самая.

- Видишь, видишь! - шепчет Нонна. - Это красавица Белая Лилия послала за нами Стрекозу! Видишь, Стрекоза говорит Лилии, что привела нас...

- Глупости! - отвечает Алла. - Стрекозы не разговаривают с цветами!

Из кустов послышался тоненький звонкий треск, будто заводят крошечный патефон. И вдруг весь воздух зазвенел, точно в кустах грянул целый оркестр скрипачек.

- Я знаю, шепчет Нонна, - это красавица Белая Лилия устроила бал в нашу честь!

- Просто кузнечики, - говорит Алла.

- А вот и танцовальщики! - радуется Нонна.

Откуда ни возьмись, залетали над прудом разноцветные стрекозы.

Были тут зеленые, с темно-синими крылышками, точь-в-точь такие, как та, что прилетала на клумбу. были и другие стрекозы-красотки, с дымчатыми пятнами на белых крыльях. Были и большие коричневые коромысла с толстым телом и прозрачными крыльями. Были и прямые легкие стрекозы-стрелки, ярко-голубые и желтые.

Все они с шелестом носились взад и вперед над белой лилией, неожиданно поворачивали или вдруг неподвижно останавливались в воздухе, шурша крылышками.

- А в воде!.. - шепчет Нонна. - Гаденят-то, гаденят, водолазтиков!

- не водолазтиков, а головастика, - поправляет Алла.

Теперь всю воду пронизал солнечный свет. В ней плавало множество смешных хвостатых головастика разного роста.

У самых маленьких всего и было - голова да хвост. Они собирались под лежащие на воде круглые листья лилии, тыкались носами все в одно место, хвостиками врозь.

У других - побольше - были голова, хвост и ножки с очень тонкими пальчиками.

У третьих были ручки, и ножки, и хвост. Ручки короткие, хвост и ножки длинные. Эти головастики ручками цеплялись за края листьев и высывали из воды носы.

Некоторые из них наполовину вылезали из воды на листья.

А другие совсем вылезли из воды, сидели на листьях и грелись на солнце. У них на месте хвоста был только пупырышек.

Но это были уже не головастики, а настоящие маленькие лягушки. Они пучеглазились на летавших над ними стрекоз.

По воде, между листьями, бегали тонкие водомерки. Расставив ножки, они скользили по воде и прыгали по ней, как по твердому

стеклу.

Но всех забавнее были капельные жучки вертячки. Целая стая их без отдыха, без передышки кружилась у берега в быстром-быстром-быстром вальсе.

Глядя на них, Алла забыла даже, что что перед ней страшный Зеленый пруд. Она нагнулась над водой, чтобы получше рассмотреть вертячек. Но в тот же миг они вдруг исчезли под водой.

Это тень от Аллиной головы упала на веселых жучков и напугала их.

- не мешай им, не мешай! - зашипела Нонна. - ОИ спотри, какие гладыши... кувырканчики... Верх ногами бегают!

Под водой вверх и вниз носились гладкие, как очищенное подсолнечное семечко, клопики. На переднем круглом конце их тельца были, точно нарисованные, глаза. Пониже шевелились четыре крншечные ручки, а посредине тела торчали будто воткнутые в бока булавочные овесла-ножки.

Гладыши махали ножками-веслами и толчками неслись вниз ко дну. Потому вдруг переставали работать ножками, и их разом подкидывало кверху. Они стучались острым кончиком тела в водяной потолок да так и оставались висеть вверх тормашками, широко раскинув ножки в стороны.

- Фокусники какие! - недовольно соказала Алла, - Пусть как следует плавают.

Она сунула руку в воду, схватила одного. На ощупь он был гладкий и жесткий. Он шевелил ножками, вырывался из пальцев.

Алла положила его на воду плашмя, на грудь, и сказала:

- Вот так плавают. Понимаешь?

Но гладыш мигом перевернулся опять головой вниз и сильными толчками ног помчался ко дну.

- Ай, паук! - вскрикнула Нонна.

С берега на воду, как на лед, сошел мохнатый пвучок. Он нырнул - и вдруг сзади у него оказался серебряный воздушный шарик.

Шарик полетел вверх, но сейчас же запутался в густой сетке паутины, сплетенной между водорослями. Тут он и остальвя, сверкая в темной воде, как маленькая полная луна.

Паучок деловито поднялся вверх, вылез на лист. Он посучил задними ножками в воздухе и опять нырнул. И опять у него на

брюшке оказался серебряный воздушный шарик с горошину.

Паучок выпустил второй шарик под паутинную сетку. Шарик стукнулся о первый шарик, оба лопнули и превратились в один шар, - уже с боб величиной.

- Догоадлась! - говорит вдруг Алла. - И совсем никакой здесь не бал, а все работают. Паучок таскает воздух в паутинных мешках.

- Ничего не работает! - говорит Нонна. - Он играет воздушными шариками.

- Нет, не играет: он строит себе под водой дом. Гляди!

Алла схватилась за ветку, свисавшую с берега, Нонна ухватилась за Аллу, и обе девочки наклонились над водой.

Вдруг - трах! - ветка сломалась. Алла и Нонна вскрикнули - и полетели в пруд.

Вода с шумом всплеснула под ними, пошли круги, и во все стороны от них поскакали перепуганные водомерки.

Мать вернулась домой поздно: солнце уже садилось. Она стала у всех расспрашивать, где девочки. Оказалось, никто не видел, куда они пошли.

Мать выбежала на крыльцо, звала, кричала, - девочки не отвечали.

По саду между деревьями медленно пробирался тяжелый туман.

Мать побежала в самый темный, самый страшный угол сада. Раздвинула руками колючие лапы елей-великанов и остановилась, глядя на пруд, не в силах вымолвить слова.

В тумане на берегу двигались две фигурки. Одна фигурка говорила Аллиным голосом:

- И стрекозы не танцевали: они гонялись за мухами. Одна поймала на лету муху, опустилась на куст и съела ее.

Другая фигурка отвечала голосом Нонны:

- А гнладыши кверх ногами бегали? Бегали, бегали!

- Дети! - крикнула мать.

Девочки бросились к ней, обняли, и Нонна быстро-быстро заговорила:

- Мамочка, мамочка, ты не брани нас: мы не нарочно! За нами стрекозка прилетела. А потом мы полетели в воду, и надо же было высушить платя, пока солнышко.

- Упали в пруд?! - мать ахнула и руками всплеснула.

- И вовсе он не страшный, Зеленый пруд! - заговорила Алла. - Совсем и не сосучий и не очень глубокий: только до пояса.

Она строго посмотрела на мать и прибавила:

- А ты говорила - с покрывалом...

- И, знаешь, - говорила Нонна, - когда солнце ушло за елки, красавица Белая Лилия закрыла зеленый венчик, свое мелкое личико в нем спрятала и вот хитрая! - утянулась под воду. И бал кончился...

- И неправда! - перебила Алла. - Никто и не танцевал: тут все работали. Правда ведь, мама?

- нет, танцевали, танцевали!

- Ах, погодите вы, дети! - сказала мать. - У меня от вашей трескотни голова разболелась. Марш отсюда, живо! - И, схватив девочек за руки, повела их домой.

Так и не узнали Алла с Нонной, играли в пруду головостики, водомерки, жучки вертячки, гладыши и водяной паучок или занимались делом.

Придется уж вам самим разузнать это, когда настанет лето и в каждом пруду, в каждой канаве, в каждой зеленой луже около вашего дома закопошатся маленькие чудачки, которых видели Алла и Нонна в Зеленом пруду.

РЫБИЙ ДОМ

На окне в моей комнате в большой банке из-под варенья живет рыбка колюшка, по прозвищу Остропер. Я кормлю ее мотылем и каждый день меняю в банке воду.

Дети приходят ко мне в гости и удивляются: "Зачем ты держишь у себя эту простую рыбку? Купил бы лучше красивых золотых рыбок".

Тогда я рассказываю им, как жил Остропер в другой, чудесной стране и как он попал ко мне.

Вот этот рассказ.

Была весна. Птицы вили нгезда для своих птенцов. Пришла пора и Остроперу подумать о детях. Он и отправился разыскивать подходящее место для дома.

Ему было весело, и он на бегу подпрыгивал до самого неба. Он мог это делать потому, что тсрана, где он тогда жил, была действительно чудесная страна.

Она лежит меж двух крутых песчаных гор. Вместо воздуха там вода. Луга покрыты зеленым илом. В лесах растут длинные желтые

водоросли. А небо той страны низкое, плоское, как потолок, и блестит серебром.

Что там над ним, - Остропер не знал. Ему захотелось взглянуть туда хоть одним глазком. Он взял да и просунул в небо голову.

Там он оувидел над собой другое небо - синее, далекое. Увидел другие, высокие-высокие леса. А прямо перед собой Остропер заметил птицу с большой головой и длинным острым клювом.

На ней был яркий наряд из мягких коричнево-изумрудно-голубых перьев. Она сидела на ветке и задумчиво смотрела вниз. Это был рыбий разбойник-зимородок.

Он сейчас же распустил крылья и стремглав понесся прямо на Остропера.

Остропер вильнул хвостом и мигом очутился снова в своей стране. зимородок тенью мелькнул над ним в серебряном небе - и пропал.

У Остропера сразу прошла охота прыгать в небо. Он отправился дальше и скоро добрался до леса. В зарослях желтых водорослей он отыскал поляну славное место для дома.

Остропер сейчас же принялся за дело. Он забился с головой в мягкий ил и завертелся в нем волчком так шибко, что кусочки или вихрем полетели во все стороны.

Получилась круглая ямка.

Остропер выскочил из нее и... с размаху бац носом прямо в живот другой колюшке!

Чужая колюшка тоже хотела строить себе дом на этой поляне. Теперь обе рыбки непременно должны были подраться: ведь спорить на словах они не умели.

Остропер поставил торчком все свои пять колючек - три на спине, две на брюшке - и кинулся на врага.

Рыбки закружились над полянкой.

Они старались задеть друг друга острыми колючками. Напконец Остроперу удалось пырнуть чужую рыбку в бок. Рыбка - бежать, Остропер - за ней и прогнал ее далеко в лес.

Теперь он стал хозяином поляны и мог строить на ней дом. Строил он одним ртом.

По всей поляне валялись бревна: сломанные стебельки, корешки травинки.

Но не всякое бревно годилось в постройку. Каждое Остропер брал в рот и подкидывал кверху. Если бревнышко было легкое, его подхватывало течением, как ветром, и уносило в лес. Тяжелое падало на землю.

В яму к себе Остропер таскал только тяжелые бревна. Он накладывал их одно на другое и придавливал брюшком. Потом приносил во рту песок с горы и засыпал им бревна. Чтобы стены вышли еще прочнее, от терся о них своими боками: все тело его было покрыто липким клеем. А дырки между бревнами он затыкал мхом.

Через три дня дом был готов. Это был очень прочный дом с круглой крышей и двумя дверями - как маленькая муфта.

Теперь остроперу оставалось только залучить в дом хозяйку.

Но тут приключилась беда: с крутой горы на поляну поползла тонкая струйка песку.

Ситруйка становилась все шире, песок полз все дальше и дальше - прямо на Остроперов дом. Остропер перепугался. Он никак не мог понять: отчего вдруг песок пополз с горы и когда, наконец, перестанет?

А дело было просто. В берегу, как раз над Остроперовым домом, зимородок рыл себе нору. Он не умел вить гнезда на деревьях, как другие птицы. Он рыл и рыл песок носом, пока не зарылся глубоко в берег.

Там он устроил маленькую комнату - детскую - и тогда перестал рыть.

Перестал и песок сыпаться вниз с горы. Он не дошел до Остроперова дома, и Остропер успокоился. Теперь он отправился на смотрины - выбирать себе жену.

Он был очень красив тогда в своем праздничном весеннем наряде. Каждая чешуйка на нем отливала серебром, спина была синяя, живот и щеки ярко-красные, глаза - голубые.

Хороши весной и самки колюшки: все в серебристо-голубых нарядах из тонких чешуек. Они стайкой гуляли в тростниковой роще.

Остропер выбрал самую толстую и повел ее к своему дому.

Рыбка юркнула в дверь. Наружу торчал только ее хвостик. Он дрожал и дрыгал: рыбка метала икру. Вдруг она выскочила через другие двери и аомчалась прочь. Теперь она была худа, как щепка.

Остропер заглянул в дом. Там на полу лежала целая груда икринок. Он полил их молоками.

Беглянку он не стал разыскивать; снова отправился в лес и привел другую рыбку.

Но рыбки были все на один лад. Одна за другой они оставляли ему свою икру и удирали.

Скоро дом был набит доверху. Остропер забил обе двери травой и стал сторожить икру.

Сторожить пришлось зорко. Здесь рыскали прожорливые чудовища: искали, где бы поживиться вкусной икоркой или маленькими рыбками.

Много раз на поляну заглядывали и пучеглазые жуки плавунцы. Над домом проносились, извиваясь, как змеи, их отвратительные хищные личинки.

Но всего больше боялся Остропер, когда с шумом и плеском разрывалось плоское небо. Сверху просовывался длинный, острый, как ножницы, клюв и раз! - хватал завезавшуюся рыбку. Это охотился зимородок: он уносил свою добычу на берег и там съедал ее. А тонкие рыбки косточки он таскал к себе в гору и выстилал ими пол в спольне своих детей.

Остропер то и дело поглядывал на небо и, как только показывалась тень быстрых крыльев, живо скрывался св лесу. Там зимородку было не поймать его.

Но и в лесу было беспокойно. хищные рыбы прятались в водорослях, стояли за корягами, стерегли добычу из засады.

Раз Остропер отправился в лес поискать себе на обед червяков. Вдруг из чащи на него выскочил большой окунь. Остропер успел прыгнуть в сторону, - и окунь пролетел мимо.

Когда он вернулся, маленький храбрец и не подумал бежать. Емиу надо было защищать свой дом: окунь легко мог найти и съесть икру.

Хищник уже разинул рот, чтобы с налету проплотить смелого малыша. Тогда Остропер неожиданно бросился вперед и вбок.

Одна из колючек царапнула окня по щеке. Это был ловкий удар. Все тело окуня покрыто толстой чешуей. В такой броне ему не страшны колючки. Но глаза и щеки его не защищены.

Окунь испугался, что Остропер выколет ему глаз, и отступил.

Дни шли за днями.

Как-то утром Остропер открыл обе двери своего дома и стал проветривать помещение. Он проделывал это каждый день, чтобы икра не покрывалась плесенью.

Он встал около двери и быстро-быстро замахал крылышками-плавниками. Легкие волны пробежали через весь дом. Вдруг икринки одна за другой начали лопаться. Из икринок выходили крошечные рыбки. Они были совсем прозрачные, точно из стекла. У каждой под брюшком висел большой желточный пузырь. Слабенькие рыбки качались на своих пузырях, словно привязанные к поплавкам. Это у них были узелки с провизией: новорожденные колюшата питаются желтком, пока не выучатся ловить червяков.

Настало для Остропера самое трудное время. Надо было пасти шалунов-ребятишек. А их было так много: целая сотня!

тут еще на беду появилась в лесу громадная щука. щука эта была самым сильным, самым прожорливым и самых хитрым чудовищем. Она хвостищем поднимала со дна муть, кругом нее становилось темно, и не было видно, где она прячется.

И вот раз целая стайка Остроперовых ребятишек, шая, удрала в лес. остропер живо загнал остальных колюшат в дом и кинулся за шалунами. А щука уже заметила рыбешек. Она разинула зубастую пасть и - хап! - проглотила разом полстайки колюшат. Хап! - и другая кучка исчезла в ее широкой плотке.

Тут Остропер сам кинулся в раскрытую пасть чудовища.

Но щука мигом запахла рот. Ей совсем не хотелось плотать Остропера: его острые, твердые иглы насквозь продырявили бы ей кишки. Другое дело молодые колюшата: иглы у них еще мягкие, как у новорожденного ежика.

Осталось у Остропера еще много ребят. С каждым днем их пропадало все больше и больше: то щуке попадутся, то окуню, то жукам. Но хлопот не убавлялось: чем меньше становились узелки под брюшком у рыбешек, тем труднее было отцу поспевать за ребятами. Они становились все проворнее.

Наконец молодые колюшки съели всю свою провизию в узелках и научились таскать червяков из-под камешков. Иглы их выросли и стали твердыми. Теперь они не нуждались больше в заботах отца: сами имогли находить себе еду и защищаться от врагов.

Последняя стайка ребят скрылась в лесу, - и вот Остропер остался один на полянке.

Яркие краски на его теле давно потускнели, весь он стал серый, худой и невзрачный. Он так устал, что забыл даже глядеть на небо: не малькает ли там тень быстрых крыльев?

Вот туто-то и схватил его рыбий разбойник - зимородок.

Быстро просунулись из серебряного неба острые ножницы, ущемили Остропера поперек тела и потащили вверх - в пустоту.

Еще раз увидел Остропер другое, синее-синее небо, мелькнули у него перед глазами высокие зеленые деревья. Потом круглый рот его широко раскрылся. остропер стал задыхаться, задыхаться, задыхаться... и вдруг почувствовал, что летит вниз.

Острые колючки и тут сослужили ему верную службу: зимородок больно наколол себе о них плотку и выпустил свою добычу.

Я проходил в это время по берегу речки и видел, как он выронил рыбку из клюва. Она упала на песок как раз у моих ног.

Я поднял израненного Остропера, отнес домой и посадил в банку из-под варенья.

Теперь остропер выздоровел. Он не так красив, как золотые рыбки, но куда интереснее их.

Когда придет весна, я пушу к нему серебристо-голубых самок. Он сейчас же примется строить себе дом. И уж тут, в стеклянной банке, все мои гости могут увидеть, как ловко это делает простая рыбка-колюшка и сколько трудов ей стоит выходить смешных маленьких колюшат с большим пузырем под брюшком.

Л Е Т О

ПЕРВАЯ ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЛЕСУ

Наступило лето. Пора выводить птенцов. В лесу каждый построил себе дом. Весь лес сверху донизу сейчас занят под жильё. Свободного местечка нигде не осталось. Живут на земле, под землей, на воде, под водой, на деревьях, в деревьях, в тарве и в воздухе.

ЛЕСНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

У КОГО ДОМ ЛУЧШЕ ВСЕХ?

Ребята решили отыскать самый лучший дом. Оказалось - не так просто решить, какой дом лучше всех других.

Самое большое гнездо у орла.

Оно сделано из толстых сучьев и помещается на громадной толстой сосне.

Самое маленькое гнездо у желтоголового королька. У него весь дом с кулачок, да и сам-то он ростом меньше стрекозы.

Самый хитрый дом у крота. У него столько запасных ходов и выходов, что никак его не накроешь в его подземной норе. Самый искусный дом у слоника-листоверта - маленького жучка с хоботком. Слоник перегрыз жилки у березовых листьев и, когда листья начали вянуть, скрутил их в трубочку и склеил слюной. В этот домик-трубочку слониха-самочка снесла свои яички.

Самые простые гнезда у куличка-галстучника и козодоя-полуночника. Галстучник положил свои четыре яйца прямо в песок на берегу речки, а козодой - в ямочку, в сухие листья под деревом. Они оба не много потрудились над постройкой дома.

Самый красивый домик у пеночки-пересмешки. Она свила себе гнездышко на березовой ветке, убрала его лишайником и легкой березовой кожуркой и вплела для украшения кусочки разноцветной бумаги, что валялись в саду какой-то дачи.

Самое уютное гнездышко у долгохвостой синицы. Эту птицу зовут еще о п л о в н и ч е к, потому что она похожа на разливательную ложку ополовник. Ее гнездо свито изнутри из пуха, перьев и шерстинок, а снаружи - из мха и шишайников. Оно все круглое, как тыскочка, и вход в него круглый, маленький, в самой середине гнезда.

Самые удобные домики у личинок ручейников.

Ручейники - крылатые насекомые. Когда они садятся, они складывают крылья крышей у себя на спине и прикрывают ими все свое тело.

А личинки ручейников бескрылые, голые, им нечем прикрыться. Живут они на дне ручьев и речек.

Найдет личинка сучочек или камышинку величиной со спичку, склеит на них трубочку из песчинок и залезает в нее задом, задом.

Очень удобно получается: хочешь - совсем спрячься в трубочку и спи там спокойно, никто тебя не увидит; хочешь - высунь передние ножки и ползи по дну вместе с домом: домик-то легкий.

А один ручейник нашел валявшуюся на дне тоненькую пипироску, залез в нее да так и путешествует в ней.

Самый удивительный дом у водяного паука-серебрянки. Этот паук растянул паутину под водой между водорослями, а под паутинку на мохнatom брюшке натаскал пузырьки воздуха. Так и живет паук в домике из воздуха.

ПО ЧУЖИМ ДОМАМ

Кто не сумел или поленился сам себе дом выстроить, устроился в чужом дому.

Кукушки подкинули свои яйца в гнезда трясогузок, зарянок, славок и других маленьких домовитых птичек.

Лесной кулик-черныш отыскал старое воронье гнездо и выводит в нем своих птенцов.

Пескарям очень понравились покинутые хозяевами рачьи норки в песчаном берегу под водой. Рыбки выметали в них свою икру.

А один воробей устроился очень хитро.

Выстроил он себе гнездо под крышей, - мальчишки разорили его.

Выстроил в дупле, - ласка все яйца повытаскала.

Тогда воробей пристроился в громадном гнезде орла. Между толстыми сучьями этого гнезда свободно поместился его маленький домик.

Теперь воробей живет спокойно, никого не боится. Огромный орел и внимания не обращает на такую мелкую птаху. Зато уж ни ласка, ни кошка, ни ястреб, ни даже мальчишки не разорят воробьиного гнезда: орла-то каждый боится.

ОБЩЕЖИТИЯ

Есть в лесу и общежития.

Пчелы, осы, шмели и муравьи строят дома на сотни и тысячи жильцов.

Грачи заняли сады и рощи под свои гнездовые колонии, чайки - болота, песчаные острова и отмели, а ласточки-береговушки изрешетили обрывистые берега рек воими норками-пещерками.

ЧТО ЖЕ В ГНЁЗДАХ?

А в гнездах яйца - у всех разные.

И неспроста разные у разных птиц.

У бекаса-куличка они все в пятнышках да в крапинках, а у вертиголовки - белые, чуть только розоватые.

А дело в том, что вертиголовкины яйца лежат в глубоком темном дупле, - их и не увидишь, у бекаса - прямо на кочке, совсем открыто.

Всякий бы увидел, если б они белые были. Вот они и выкращены под цвет кочки, скорей наступишь, чем заметишь.

У диких уток тоже яйца почти белые, а гнезда у них на кочках открытые. Зато уткам и приходится пускаться на хитрость. Когда утка сходит с гнезда, она выщипывает пух у себя на животе и прикрывает им яйца. Их и не видно.

А почему у бекаса такие заостренные яйца? Ведь вот у большого хищного сарыча они круглые.

Опять понятно: бекас-куличок - птичка маленькая, раз в пять меньше сарыча. Как же он высидит и прикроет своим тельцем такие большие яйца, если они не лягут так удобно - носок к носку, острыми концами вместе, чтобы занимать как можно меньше места?

А почему у маленького бекаса такие же крупные яйца, как у большого сарыча?

На этот вопрос придется ответить позже - когда выклюнутся птенцы из яиц.

СКОЛЬКО У КОГО ДЕТЕЙ?

В большом лесу за городом Ломоносовом живет молодая лосиха. У нее в этом году родился один лосенок.

У орла-белохвоста гнездо в том же лесу. В гнезде два орленка.

У чиха, зяблика, овсянки - до пяти птенцов.

У вертиголовки - восемь.

У ополовничка (долгохвостой синицы) - двенадцать.

У серой куропатки - двадцать.

У колюшки в гнезде из каждой икринки вывелось по мальку-колюшонку, всего - сотня колюшат.

У леща - сотни тысяч.

У трески не перечесть: наверно, миллион мальков.

БЕСПРИЗОРНЫЕ

Лещ и треска совсем о своих детях не заботятся. Выметали икру и ушли. А ребятишки пускай сами, как знают, выводятся, живут и кормятся.

Да как же и быть, если у тебя сотни тысяч ребятишек. За всеми не усмотришь.

У лягушки всего одна тысяча ребят, и то она о них не думает.

Конечно, беспризорным не легко живется. Под водой много прожорливых чудовищ, и все они падки до вкусной рыбеи и

лягушечьей икорки, до рыбешек и лягушат.

Сколько гибнет рыбьих мальков и головастиков, сколько опасностей им грозит, пока они не вырастут в больших рыб и лягушек, - прямо подумать страшно.

ЗАБОТЛИВЫЕ РОДИТЕЛИ

Зато лосиха и все птицы-матери - вот уж заботливые родители.

Лосиха готова жизнь отдать за своего единственного детеныша. Попробуй напасть на нее хоть сам медведь: она так начнет брыкаться и передними и задними ногами, так отделает его копытами, что в другой раз мишка и близко не сунется к лосенку.

ребятам попался в поле куропаткин сын: из-под самых ног у них выскочил и помчался в траву прятаться.

Они его поймали, а он - как пискнет! Откуда ни возьмись мать-куропатка. Усидела сына в руках людей, заметалась, заклохтала, на землю припала, крыло волочит.

ребята подумали: она раненая. Куропатчонка бросили, за ней погнались.

Куропатка ковыляет по земле - вот-вот рукой схватишь; но только руку протянешь - она в сторону. Гнались-гнались так за куропаткой, - вдруг она крыльями захлопала, поднялась над землей - и улетела как ни в чем не бывало.

Вернулись наши ребята назад - за куропатчонком, - а его и след простыл. Это нарочно мать раненой притворялась, отводила от сына, чтобы спасти его.

Она за каждого своего летеныша так заступается: ведь у нее их всего только двадцать.

КАКИЕ ВВЕЛИСЬ ПТЕНЦЫ У БЕКАСА И САРЫЧА?

У маленького сарыча, только что вылупившегося из яйца, на носу белая шишечка. Это - "яйцевой зуб". Им-то птенец и разбивает скорлупу, когда ему пора из яйца выходить.

Сарычонок вырастет и будет кровожадным хищником - грозой грызунов.

А сейчас он забавный малыш, весь в пуху, полуслепой.

Он такой беспомощный, такой неженка: шагу ступить не может без папы и мамы. Он умер бы с голоду, если б они его не кормили.

А есть среди птенцов других птиц и боевые ребята: как только выклюнутся из яйца, сейчас вскочат на ножки - и пожалуйста: уж и

пищу сами себе добывают, и воды не боятся, и от врагов сами прячутся.

А вот сидят два бекасенка. Они только день как из яйца, а ух гнездо свое покинули и сами себе отыскивают червячков. Потому и были у бекаса такие большие яйца, чтобы бекасята в них подрастать могли.

Куропаткин сын, о котором вы рассказывали, - тоже боевой. Только что родился, а уж бежит со всех ног.

Вот еще дикий утенок - крохаль.

Он, как только на свет появился, сейчас же заковылял к речке, бултых в воду! - и стал купаться. Он и нырять уже умеет и потягиваться, приподнявшись на воде, - совсем как большой.

А пищухина дочь - ужасная неженка. Целые две недели в гнезде просидела, теперь вылетела и сидит на пне.

Вот как надулась: недовольна, что мать долго не летит с кормом.

Самой скоро уже три недели, а все еще пищит и требует, чтоб мать запихивала ей в рот гусениц и другие лакомства.

КОЛОНИЯ НА ОСТРОВЕ

На песчаной отмели одного острова живут на даче маленькие чайки.

По ночам они спят в песчаных лунках (ямках) - по трое в лунке. Вся отмель в лунках: такая большая колония чаек.

Днем они учатся летать, плавать и ловить мелкую рыбешку под руководством старших.

Старые чайки учат и зорко охраняют своих ребят.

Когда приближается враг, они слетаются стаей и кидаются на него с таким криком и гамом, что всякому страшно станет.

Даже громадный морской орел-белохвост спешит удрать от них подальше.

КУПАНИЕ МЕДВЕЖАТ

наш знакомый охотник шел берегом лесной реки и вдруг услышал громкий треск сучьев. Он испугался и влез на дерево.

Из чащи вышли на берег большая бурая медведица, с ней два веселых медвежонка и пестун - ее годовалый сын, медвежья нянька.

Медведица села. Пестун схватил одного медвежонка зубами за шиворот и давай окутать его в речку.

Медвежонок визжал и брахатался, но пестун не выпускал его, пока хорошенько не выполоскал в воде.

Другой медвежонок испугался холодной ванны и пустился удирать в лес.

Пестун догнал его, надавал шлепков, а потом - в воду, как первого.

Полоскал, полоскал его - да ненароком и выронил в воду. Медвежонок как заорет! Тут в один миг подскочила медведица, вытащила сынишку на берег, а пестуну таких плух надавала, что он, бедный, взвыл.

ФОКУС МАЛЕНЬКИХ КРУТИГОЛОВОК

Наша кошка увидела на дереве дупло и подумала, что там гнездо какой-нибудь птички. Она захотела съесть птенчиков, полезла на дерево и видит: на дне дупла гадючата копошатся, извиваются. Да как зашипят! Котка струсила, прыг с дерева - только бы ноги унести!

А в дупле-то были совсем не гадючата, а птенцы крутиголовки (вертишейки). ЭЖто у них фокус такой, чтоб от врагов защищаться: головами крутят, шеями вертят, - шейки у них, как змейки, извиваются. Да при этом они еще и шипят по-гадючьи. Ядовитых-то гадюк всякий боится. Вот маленькие крутиголовки и подражают гадюке, чтобы врагов напугать.

ВЕСНЫЕ ДОМИШКИ

Высоко над рекой, над крутым обрывом, носились молодые ласточки-береговушки. Гонялись друг за другом с визгом и писком: играли в пятнашки.

была в их стае одна маленькая Береговушка, такая проворная: никак ее догнать нельзя было - от всех увертывается.

Погонится за ней пятнашка, а она - туда, сюда, вниз, вверх, в сторону бросится, да как пустится лететь - только крылышки мелькают!

Вдруг, откуда ни возьмись, Чеплок-Сокол мчится. острые изогнутые крылья так и свистят.

Ласточки перепошились: все - врассыпную, кто куда, - мигом разлетелась вся стая.

А проворная Береговушка от него без оглядки за реку, да над лесом, да через озеро!

Очень уж страшной пятнашкой был Чеплок-Сокол.

Летела, летела Береговушка - из сил выбилась.

Обернулась назад - никого сзади нет. Кругом оплянулась, - а место совсем незнакомое. Посмотрела вниз, - внизу река течет. Только не своя чужая какая-то. Испугалась береговушка.

Дорогу домой она не помнила: где ж ей было запомнить, когда она неслась без памяти от страха? А уж вечер был; ночь скоро. Как тут быть? Жутко стало маленькой Береговушке. Полетела она вниз, села на берегу и горько заплакала.

вдруг видит: бежит мимо нее по песку маленькая желтая птичка с черным галстучком на шее.

береговушка обрадовалась, спрашивает у желтой птички:

- Скажите, пожалуйста, как мне домой попасть?

- А ты чья? - спрашивает желтая птичка.

- Не знаю, - отвечает Береговушка.

- Трудно же будет тебе свой дом разыскать! - говорит желтая птичка. Скоро солнце закатится, темно станет. Оставайся-ка лучше у меня ночевать. Меня зовут Зук. А дом у меня вот тут - рядом.

Зук пробежал несколько шагов и показал клювом на песок. Потом закланялся, закачался на тоненьких ножках и говорит:

- Вот он, мой дом. Заходи!

Взглянула Береговушка: кругом песок да галька, а дома никакого нет.

- Неужели не видишь? - удивился Зук. - Вот сюда гляди, где между камешками яйца лежат.

Насилу-насилу разглядела Береговушка: четыре яйца в бурых крапинках лежат рядышком прямо на песке среди гальки.

- Ну, что же ты? - спрашивает Зук. - Разве тебе не нравится мой дом?

береговушка не знает, что и сказать: скажешь, что дома у него нет, еще хозяин обидится. Вот она ему и говорит:

- не привыкла я на чистом воздухе спать, на голом песке, без подстилочки.

- Жаль, что не привыкла! - говорит Зук. - Тогда лети-ка вон в тот еловый лесок. Спроси там голубя по имени Витютень. Дом у него с полом. У него и ночуй.

- Вот спасибо! - обрадовалась Береговушка.

И полетела в еловый лесок.

Там она скоро отыскала лесного голубя Витютня и попросилась к нему ночевать.

- Ночуй, если тебе моя хата нравится, - говорит Витютень.

А какая у ОВитютня хата? Один пол, да и тот, как решето, весь в дырках. Просто прутьики на ветви накиданы как попало. На прутьиках белые голубиные яйца лежат. Снизу их видно: просвечивают сквозь дырявый пол.

Удивилась Береговушка.

- У вашего дома, - говорит она Витютню, - один пол, даже стен нет. Как же в нем спать?

- Что же, - говорит Витютень, - если тебе нужен дом со стенами, лети, разыщи Иволгу. У нее тебе понрпавится.

И Витютень сказал Береговушке адрес Иволги: в роще на самой красивой березе.

Полетела Береговушка в рощу.

А в роще березы одна другой красивее. Искала, искала Иволгин дом и вот, наконец, увидела: висит на березовой ветке крошечный легкий домик. Такой уютный домик и похож на розу, сделанную из тонких листков серой бумаги.

"Какой же у Иволги домик маленький, - подумала Береговушка. - Даже мне в нем не поместиться".

Только она хотела постучаться, - вдруг из серого домика вылетели осы.

Закружились, зажужжали, - сейчас ужалят!

Испугалась береговушка и скорей улетела прочь.

Мчится среди зеленой листвы.

Вот что-то золотое и черное беснуло в нее перед глазами.

Подлетела ближе, видит: на ветке сидит золотая птица с черными крыльями.

- Куда ты спешишь, маленькая? - кричит золотая птица Береговушке.

- Иволгин дом ищу, - отвечает Береговушка.

- Иволга - это я, - говорит золотая птица. - А дом мой вот зхдесь, на этой красивой березе.

Береговушка остановилась и посмотрела, куда Иволга ей показывает. Сперва она ничего различить не могла: все только зеленые листья да белые березовые ветви. А когда всмотрелась - так и ахнула.

Высоко над землей к ветке подвешена легкая плетеная корзиночка.

И видит Береговушка, что это и в самом деле домик. Затеяливо так свит из пеньки и стебельков, волосков и шерстинок и тонкой березовой кожурки.

Ух! - говорит Береговушка Иволге. - Ни за что не останусь в этой зыбкой постройке! Она качается, и у меня все перед глазами вертится, кружится... Того и гляди, ее ветром на землю сдует. Да и крыши у вас нет.

- Ступай к Пеночке! - обиженно говорит ей золотая Иволга. - Если ты боишься на чистом воздухе спать, так тебе, верно, понравится у нее в шалаше под крышей.

Полетела Береговушка к Пеночке.

Желтая маленькая Пеночка жила в траве как раз под той самой березой, где висела Иволгина воздушная колыбелька.

береговушке очень понравился ее шалашик из сухой травы и мха. "Вот славно-то! - радовалась она. - Тут и пол, и стены, и крыша, и постелька из мягких перышек! Совсем как у нас дома!"

Ласковая Пеночка стала ее укладывать спать. Вдруг земля под ними задрожала, загудела.

береговушка встрепелулась, прислушивается, а Пеночка ей говорит:

- Жто кони в рощу скачут.

- А выдержит ваша крыша, - спрашивает Берговушка, - если конь на нее копытом ступит?

Пеночка только головой покачала печально и ничего ей на это не ответила.

- Ох, как страшно тут! - сказала Береговушка и вмиг выпорхнула из шалаша. - Тут я всю ночь глаз не сомкну: все буду думать, что меня раздавят. У нас дома спокойно: там никто на тебя не наступит и на землю не сбросит.

- Так, верно, у тебя такой дом, как у Чемги, - догадалась Пеночка. У нее дом не на дереве - ветер его не сдует, да и не на земле - никто не раздавит. Хочешь, провожу тебя туда?

- Хочу! - гговорит Береговушка.

Полетели они к оЧемге.

Прилетели на озеро и видят: посреди воды на тростниковом островке сидит большеголовая птица. на голове у птицы перья торчком стоят, словно рожки.

тут Пеночка с Береговушкой простилась и наказала ей к этой рогатой птице ночевать попроситься.

Полетела Береговушка и села на островок. Сидит и удивляется: островок-то, оказывается, плавучий. Плывет по озеру куча сухого тростника. Посреди кучи - ямка, а дно ямки мягкой болотной травой устлано. На траве лежат Чемгины яйца, прикрытые легкими сухими тростиночками.

А сама Чемга рогатая сидит на островке с краешка, разъезжает на своем суденышке по всему озеру.

береговушка рассказала Чемге, как она искала и не могла найти себе ночлега, и попросилась ночевать.

- А ты не боишься спать на волнах? - спрашивает ее Чемга.

- А разве ваш дом не пристанет на ночь к берегу?

- Мой дом - не пароход, - говорит Чемга. - Куда ветер гонит его, туда он и плывет. Так и будем всю ночь на волнах качаться.

- Боюсь... - прошептала Береговушка. - Домой хочу, к маме...

Чемга рассердилась.

- Вот, - говорит, - какая привередливая! Никак на тебя не угодишь! Лети-ка поищи сама себе дом, какой нравится.

Прогнала Чемга береговушку, та и полетела.

Летит и плачет.

А уж ночь наступает; солнце зашло, темнеет.

Залетела Береговушка в густой лес, смотрит: на высокой ели, на толстом суку, выстроен дом.

Весь из сучьев, из палок, круглый, а изнутри мох торчит теплый, мягкий.

"Вот хороший дом, - думает она, - прочный и с крышей".

Подлетела маленькая Береговушка к большому дому, постучала клювиком в стенку и просит жалобным голоском:

- Пустите, пожалуйста, хозяйюшка, переночевать!

А из дому вдруг как высунется рыжая звериная морда с оттопыренными усами, с желтыми зубами. да как зарычит страшилище:

- С каких это пор птахи по ночам стучат, ночевать просятся к белкам в дом?

Обмерла Береговушка, сердце камнем упало. Отшатнулась, взвилась над лесом - да стремглав, без оглядки, наутек!

Летела, летела - из сил выбилась. Обернулась назад - никого сзади нет. Кругом оглянулась, - а место знакомое. Посмотрела вниз - внизу река течет. Своя река, родная!

Стрелой бросилась вниз к речке, а оттуда - вверх, под самый обрыв крутого берега.

И пропала.

А в обрыве - дырки, дырки, дырки. Это все ласточкины норки. В одну из них и юркнула Береговушка. Юркнула и побежала по длинному-длинному, узкому-узкому коридору.

Добежала до его конца и впорхнула в просторную круглую комнату.

Тут давно ждала ее мама.

Сладко спалось в ту ночь усталой маленькой Береговушке у себя на мягкой теплой постельке из травинок, конского волоса и перьев...

Покойной ночи!

МАСТЕРА БЕЗ ТОПОРА

Загадали мне загадку: "Без рук, без топоренка построена избенка". Что такое?

Оказывается, - птичье гнездо.

Поплядел я, - верно! вот сорочье гнездо: как из бревен, все из сучьев сложено, пол глиной вымазан, соломкой устлан, посередке вход; крыша из веток. Чем не избенка? А топора сорока никогда и в лапках не держала.

Крепко тут пожалел я птицу: трудно, ох как трудно, поди, им, горемычным, свои жилища без рук, без топоренка строить! Стал я думать: как тут быть, как их горю пособить?

рук им не приделаешь.

А вот топор... Топоренок для них достать можно.

Достал я топоренок, побежал в сад.

Глядь, - козодой-полуночник на земле между кочек сидит. Я к нему:

- Козодой, козодой, трудно тебе гнезда вить без рук, без топоренка?

- А я и не вью гнезда! - говорит козодой. - Глянь, где яйца ввсиживаю.

Вспорхнул козодой, - а под ним ямка между кочек. А в ямке два красивых мраморных яичка лежат.

"Ну, - думаю про себя, - этому ни рук, ни топоренка не надо. Сумел и без них строиться".

Побежал дальше.

Выбежал на речку. Гоядь, там по веткам, по кусточкам ремез-синичка скачет, - тоненьким своим носиком с ивы пух собирает.

- На что тебе пух, ремез? - спрашиваю.

0- Гнездо из него делаю, - говорит. - Гнездо у меня пуховое, мягкое, - что твоя варежка.

"Ну, - думаю про себя, - этому топоренок тоже ни к чему - пух собирать..."

Побежал дальше.

Прибежал к дому. Глядь, под коньком ласточка-касаточка хлопчет гнездышко лепит. Носиком глинку приминает, носиком ее на речке еолупает, носиком носит.

"Ну, - думаю, - и тут мой топоренок ни при чоем. И показывать его не стоит".

Побежал дальше.

Прибежал в рощу. Глядь, там на елке певчего дрозда гнездо. Загляденье, что за гнездышко: снаружи все зеленым мхом украшено, внутри как чашечка гладкое.

- Ты как такое себе гнездышко смастерил? - спрашиваю. - Ты чем его внутри так хорошо отделал?

- Лапками да носом мастерил, - отвечает певчий дрозд. - Внутри все цементом обмазал из древесной трухи со слюной со своей.

"Ну, - думаю, - опять я не туда попал. надо таких искать птиц, что полтничают".

И слышу: "Ту-тук-тук-тук! Тук-тук-тук-тук!" - из лесу.

Я туда. ОА там дятел.

Сидит на березе и плотничает, дупло себе делает - детей выводить.

Я к нему:

- Дятел, дятел, стой носом тукать! Давно, поди, голова разболелась. Гляди, какой я тебе инструмент принес: настоящий

топоренок!

Поплядел дятел на топоренок и говорит:

- Спасибо, только мне твой инструмент ни к чему. Мне и так плотничать ладно: лапками держусь, на хвост обопрюсь, пополам согнусь, головой размахнусь, - носом ка-ак стукну! Только щепки летят да труха!

Смутил меня дятел: птицы-то, видно, все - мастера без топора.

Тут увидел я гнездо орла. Большущая куча столстых сучьев на самой высокой сосне в лесу.

"Вот, - думаю, кому топор-то нужен: сучья рубить!"

Подбежал к той сосне, кричу:

- Орел, орел! А я тебе топоренок принес!

Рознял орел крылья и клекочет:

- Вот спасибо, парнишка! Кинь свой топоренок в кучу. Я сучков на него еще навалю - прочная будет постройка, доброе гнездо.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУРАВЬИШКИ

Залез Муравей на березу. Долез до вершины, посмотрел вниз, - а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает:

"Отдохну немножко - и вниз".

У муравьев ведь строго: только солнышко на закат - все домой бегут. Сядет солнце, - муравьи все ходы и выходы закроют - и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

Муравей сидит на листке и думает:

"Ничего, поспею: вниз ведь скорей".

А листок был плохой: желтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несется листок через лес, через реку, через деревню.

Летит Муравьишка на листке, качается - чуть жив от страха.

Занес ветер листок на луг за дедервней, да там и бросил. Листок упал на камень, Муравьишка себе ноги отшиб.

Лежит и думает:

"Пропала моя головушка! Не добраться мне теперь до дому. Место кругом ровное. Был бы здоров - сразу бы добежал, да вот беда: ноги болят. Обидно,

- хоть землю кусай".

Смотрит Муравей: рядом Гусеница-%Землемер лежит. Червяк червяком, только спереди - ножки и сзади - ножки.

Муравьишка говорит Землемеру:

- Землемер, Землемер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

- А кусаться не будешь?

- Кусаться не буду.

- Ну садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спину к Землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост - к голове. Потом вдруг встал во весь рост, да так и лег на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нем росту, и опять в дугу скрючился. так и пошел, так и пошел землю мерить. Муравьишка то к земле летит, то к небу, то вниз головой, то вверх.

- не могу больше! - кричит. - Стой! А то укушу!

Остановился Землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле отдышался. Огляделся, видит: луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу Паук-Сенокосец шагает: ноги как ходули, между ног голова качается.

- Паук, а Паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

- Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось Муравьишке по паучьей ноге вверх лезать до коленки, а с коленки вниз спускаться Пауку на спину: коленки у Сенокосца торчат выше спины.

Начал Паук свои ходули переставлять, одна нога тут, другая там: все восемь ног, будто спицы, в глазах у Муравьишки замелькали. А идет Паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела Муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он Паука, да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку.

Остановился Паук.

- Слезай, - говорит. - Вот Жужелица бежит, она резвей меня.

Слез Муравьишка.

- Жужелка, Жужелка, снеси меня домой! У меня ножки болят.

- Садись, прокачу.

Только успел Муравьишка вскарабкаться Жужелице на спину, она как пустится бежать! Ноги у нее ровные, как у коня.

Бежит шестиногий конь, бежит не трясет, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

- А теперь слезай, - говорит Жужелица. - Не с моими ногами по картофельным грядкам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для Муравьишки - лес густой. тут и со здоровыми ногами - целый день бежать. А солнце уж низко.

Вдруг слышит Муравьишка, пищит кто-то:

- А ну, Муравей, полезай ко мне на спину. Поскачем.

Обернулся Муравьишка - стоит рядом Жучок-Блошачок, чуть от земли видно.

- Да ты маленький! Тебе меня и не поднять.

- Ты-то большой! Лезь, говорю!

Кое-как уместился Муравей на спине у Блошачка. Только-только ножки поставил.

- Влез?

- Ну влез.

- А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки, - а они у него - как пружинки складные, - да щелк! - распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щелк! - на другой. Щелк! - на третьей.

Так весь огород и отщеелкал до самого забороа.

Муравьишка спрашивает:

- А через забор можешь?

- Через забор не могу: высок очень. Ты Кузнечика попроси: он может.

- Кузнечик, Кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

- Садись на загривок.

Сел Муравьишка Кузнечику на загривок.

Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их и подскочил высоко в воздух, как Блошачок. Но тут с треском развернулись в него за спиной крылья, перенесли Кузнечика через забор и тихонько опустили на землю.

- Стоп! - сказал Кузнечик. - Приехали.

Муравьишка глядит вперед, а там широкая река: год по ней плвыи - не переплывешь.

А солнце еще ниже.

Кузнечик говорит:

- Через реку и мне не перескочить: очень уж широкая. Стой-ка, я Водомерку кликну: будет тебе перевозчик.

Затрещал во-своему, глядь - бежит по воде лодочка на ножках.

Подбежала. Нет, не лодочка, а Водомерка-клоп.

- Водомер, Водомер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

- Ладно, садись, - перевезу.

Сел Муравьишка.

Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху, А солнце уж совсем низко.

- Миленький, шибче! - просит Муравьишка. - Меня домой не пустят.

- Можно и пошибче, - говорит Водомер.

Да как припустит! Оттолкнется, оттолкнется ножками и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

- А по земле не можешь? - спрашивает Муравьишка.

- По земле мне трудно, ноги не скользят. Да и, гляди-ка, впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел Муравьишка вперед и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось. Нет, не попасть Муравьишке домой!

- Гляди, - говорит Водомер, - вот тебе и конь ползет.

Видит Муравьишка: ползет мимо Майский Хрущ - тяжелый жук, неуклежий жук.

Разве на таком коне далеко усачешь?

Все-таки послушался Водомера:

- Хрущ, Хрущ, снеси меня домой! У меня ножки болят.

- А ты где живешь?

- В муравейнике за лесом.

- Далеконько... Ну что с тобой делать? Садись, довезу.

Полз Муравьишка по жесткому жучьему боку.

- Сел, что ли?

- Сел.

- А куда сел?

- На спину.

- Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез Муравьишка Жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил Жук спину надвое, два жестких крыла приподнял.

Крылья у Жука точно два перевернутые корыта, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал Жук пыхтеть, надуваться: "Уф, уф, уф!" Будто мотор заводит.

- Дяденька, - просит Муравьишка, - поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает Жук, только пыхтит:

- Уф, уф, уф!

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали.

- Жжж! Тук-тук-тук!.. - поднялся Хрущ на воздух. Как пробку, выкинуло его ветром вверх - выше леса. Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал Хрущ - у Муравьишки даже дух захватило.

- Жжж! Тук-тук-тук! - несется Жук, буравит воздух, как пуля.

Мелькнул под ним лес - и пропал.

А вот и береза знакомая, и муравейник под ней.

А над самой вершиной березы выключил Жук мотор и - шлеп! - сел на сук.

- Дяденька, миленький! - взмолился Муравьишка. - А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил Жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жесткими корццами прикрыл. Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал.

Подумал и говорит:

- А уж как тебе вниз спуститься - не знаю. Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам, как знаешь.

Глянул Муравьишка вниз: а там под самой березой его дом родной.

Глянул на солнышко: солнышко уже по пояс в землю ушло.

Глянул вокруг себя: сучья да листья, листья да сучья.

не попасть Муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся!

Вдруг видит: рядом на листке Гусеница-Листовертка сидит, шелковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

- Гусеница, Гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минуточка осталась, - не пустят меня домой ночевать.

- Отстань! Видишь, дело делаю: пряжу пряду.

- В се меня желели, никто не гнал, - ты первая!

Не удержался Муравьишка, кинулся на нее да как куснет!

С перепугу гусеница лапки поджала, да кувырк с листа - и полетела вниз.

А Муравьишка на ней висит - крепко вцепился. Только недолго они падали: что-то их сверху - дерг!

И закачались они оба на шелковой ничтоке: ничточка-то на сучок была намотана.

Качается Муравьишка на Листовертке, как на качелях. А ниточка все длинней, длинней делается: выматывается у Листовертки из брюшка, тянется, не рвется.

Муравьишка с Листоверткой все ниже, ниже, ниже опускаются.

А внизу, в муравейнике, муравьи хлопчут, спешат, входы-выходы закрывают.

Все закрыли - один, последний вход остался. Муравьишка с гусеницы кувырк - и домой!

Тут и солнышко зашло.

ТЕРЕМОК

Стоял в лесу дуб. Толстый-претолстый, старый-престарый.

Прилетел Дятел пестрый, шапка красная, нос вострой.

По стволу скок-поскок, носом стук-постук - выстукал, выслушал и давай дырку долбить. Долбил-долбил, долбил-долбил - выдолбил глубокое дупло. Лето в нем пожил, детей вывел - и улетел.

Миновала зима, опять лето пришло.

Узнал про то дупло Скворец. Прилетел. Видит: дуб, в дубу дырка.

Чем Скворцу не теремок?

Спрашивает:

- Терем-теремок, кто в тереме живет?

Никто из дупла не отвечает, ппустой стоит терем.

Натаскал Скворец в дупло сена и да соломы, стал в дупле жить, детей выводить.

Год живет, другой живет - сохнет старый дуб, крошится, - больше лупло, шире дыра.

На третий год узнал про то дупло желтоглазый Сыч.

Прилетел. Видит: дуб, в дубу - дырка с кошачью голову.

Спрашивает:

- Терем-теремок, кто в тереме живет?

- Жил Дятел пестрый, нос вострый, теперь я живу - Скворец, первый в роще певец. А ты кто?

- Я - Сыч. Попадешься мне в когти - не хнычь. Ночью прилечу - цоп! и проглочу. Ступай-ка из терема вон, пока цел!

Испугался Скворец Сыча, улетел.

Ничего не натаскал Сыч, стал так в дупле жить: на своих перышках.

Год живет, другой живет, - крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло Белка. Прискакала. Видит: дуб, в дубу - рыдка с собачью голову. Спрашивает:

- терем-теремок, кто в тереме живет?

- Жил Дятел пестрый, нос вострый, жил Скворец - первый в роще певец, теперь я живу - Сыч. Попадешь мне в когти - не хнычь. А ты кто?

- Я Белка - по веткам скакалка, по дуплам сиделка. У меня зубы долги, остры, как иголки. Ступай из терема вон, порка цел!

Испугался Сыч- белки, улетел.

Натаскала Белка моху, стала в дупле жить.

Год живет, другой живет - крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло Куница. Прибежала, видит: дуб, в дубу - дыра с человечесью голову. Спрашивает:

- Терем-теремок, кто в тереме живет?

- Жил Дятел пестрый, нос вострый, жил Скворец - первый в роще певец, жил Сыч - попадешь к нему в когти - не хнычь, теперь я живу 0 Белка - по веткам скакалка, по дуплам сиделка. А ты кто?

- Я - Куница - лесная хищница. С трашной Хоря, со мной не спорь зря. Ступай-ка из терема вон, пока цела.

Испугалась Белка Куницы, ускакала.

Ничего не татаскала Куница, стала так в дупле жить: на своей шерстке.

Год живет, другой живет - крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнали про то дупло пчелы. Прилетели.; Видят: дуб, а дубу - дыра с лошадиную голову. Кружат, жужжат, спрашивают:

- Терем-теремок, кто в тереме живет?

- Жил Дятел пестрый, нос вострый, жил Скворец - первый в роще певец, жил Сыч - попадешь к нему в когти - не хнычь, жила Белка - по

веткам скакалка, по дуплам сиделка, теперь я живу - Куница - лесная хищница. А вы кто?

- Мы пчелиный рой - друг за дружку горой; Кружим, жужжим, жалим, грозим большим и малым. Ступай-ка из терема вон, пока цела!

Испугалась Куница пчел, убежала.

Натаскали пчелы воску, стали в дупле жить. Год живут, другой живут крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнал про то дупло Медведь. Пришел. Видит: дуб, в дубу - дырища в целое окнище. Спрашивает:

- Терем-теремок, кто в тереме живет?

- Жил Дятел пестрый, нос вострый, жил Скворец - первый в роще певец, жил Сыч - попадешь емиу в когти - не хнычь, жила Белка - по веткам скакалка, по дуплам сиделка, жила Куница - лесная хищница, теперь мы живем - пчелиный рой - друг за дружку горой. А ты кто?

- А я Медведь, Мишка, вашему терему крышка!

Влез на дуб, просунул голову в дупло, да как нажмет!

Дуб-то пополам и расселся, а из него - считай-ка, сколько лет копилося:

шерсти,
да сена,
да воску,
да моху,
да пуху,
да перьев,
да пыли,
да пх-х-х!..

Теремка-то и не стало.

ЧЕЙ НОС ЛУЧШЕ?

Мухолов-Тонконос сидел на ветке и смотрел по сторонам. Как только полетит мимо мужа или бабочка, он сейчас же погонится за ней, поймакет и пролотит. потом опять сидит на ветке и опять ждет, высматривает. Увидал поблизости дубоноса и стал жаловаться ему на свое горькое житье.

- Очень уж мне утомительно, - говорит, - пропитание себе добывать. Целый день трудишься-трудишься, ни отдыха, ни покоя не знаешь, а все впроголодь живешь. Сам подумай: сколько мошек надо

поймать, чтобы сытым быть. А зернышки клевать я не могу: нос у меня слишком тонок.

- Да, твой нос никуда не годится! - сказал Дубонос. - То ли дело мой! Я им вишневую косточку, как скорлупу, раскусываю. Сидишь на месте и клюешь ягоды. Вот бы тебе такой нос.

Услыхал его Клест-Крестонос и говорит:

- У тебя, Дубонос, совсем простой нос, как у Воробья, только потолще. Вот посмотри, какой у меня замысловатый нос! Я им круглый год семечки из шишек вылуциваю. Вот так.

Клест ловко поддел кривым носом чешуйку еловой шишки и достал семечко.

- Верно, - сказал Мухолов, - твой нос хитрей устроен!

- Ничего вы не понимаете в носах! - прохрипел из болота Бекас-Долгонос. - Хороший нос должен быть прямой и длинный, чтоб им козявок из тины доставать удобно было. Поглядите на мой нос!

Посмотрели птицы вниз, а там из камыша торчит нос длинный, как карандаш, и тонкий, как спичка.

- Ах, - сказал Мухолов, - вот бы мне такой нос!

- Постой! - запищали в один голос два брата кулика - Шилонос и Кроншнеп-Серпонос. - Ты еще наших носов не видал!

Поглядел Мухолов и увидал перед собой два замечательных носа: один смотрит вверх, другой - вниз, и оба тонкие, как иголка.

- Мой нос для того вверх смотрит, - сказал Шилонос, - чтоб им в воде всякую мелкую живность поддевать.

- А мой нос для того вниз смотрит, - сказал Кроншнеп-Серпонос, чтобы им червяков да букашек из травы таскать.

- ну, - сказал Мухолов, - лучше ваших носов и не придумаешь!

- да ты, видно, настоящих носов и не видал! - крикнул из лужи Широконос. - Смотри, какие настоящие носы бывают: во-о!

Все птицы так и прыснули со смеху, прямо Широконосу в нос!

- Ну и лопата!

- Зато им воду щелокчить-то как удобно! - досадливо сказал Широконос и поскорей опять кувырнулся головой в лужу.

- Обратите внимание на мой носик! - прошептал с дерева скромный серьенький Козодой-Сетнонос. - У меня он крохотный, однако служит мне и сеткой и плоткой. Мошкара, комары, бабочки

целыми толпами в сетку-плотку мою попадают, когда я ночью над землей летаю.

- Это как же так? - удивился Мухолов.

- А вот как! - сказал Козодой-Сетконос, да как разинет зев, - все птицы так и шарахнулись от него.

- Вот счастливец! - сказал Мухолов. - Я по одной мошке хватаю, а он ловит их сразу сотнями!

- Да, - согласились птицы, - с такой пастью не пропадешь!

- Эй вы, мелюзга! - крикнул им Пеликан-Мешконос с озера. - Поймали мошку - и рады. А того нет, чтобы про запас себе что-нибудь отложить. Я вот рыбку поймаю - и в мешок себе отложу, опять поймаю - и опять отложу.

Поднял толстый Пеликан свой нос, а под носом у него мешок, набитый рыбой.

- Вот так нос! - воскликнул Мухолов, - целая кладовая! Удобней уж никак не выдумаешь!

- Ты, должно быть, моего носа еще не видал, - сказал Дятел. - Вот, полюбуйся!

- А что же на него любоваться? - сказал Мухолов. - Самый обыкновенный нос: прямой, не очень длинный, без сетки и без мешка. Таким носом пищу себе на обед доставать долго, а о запасах и не думай.

- нельзя же все только об еде думать, - сказал Дятел-Долбонос. - Нам, лесным работникам, надо инструмент при себе иметь для плотничьих и столярных работ. Мы им не только корм себе добываем, но и дерево долбим: жилище устраиваем, и для себя и для других птиц. Вот у меня какое долото!

- Чудеса! - сказал Мухолов. - Столько носов видел я нынче, а решить не могу, какой из них лучше. Вот что, братцы: становитесь вы все рядом. Я посмотрю на вас и выберу самый лучший нос.

Выстроились перед Мухоловом-Тонконосом Дубонос, Крестонос, Долгонос, Шилонос, Широконос, Сетконос, Мешконос и Долбонос.

Но тут упал сверху серый Ястреб-Крюконос, схватил Мухолова и унес себе на обед.

А остальные птицы с перепугу разлетелись в разные стороны.

ЧЬ И ЭТО НОГИ?

Летал Жаворонок высоко над землей, под самыми облками. Поглядит вниз - сверху ему далеко видно, - и поет:

Я ношусь под облаками,
Над полями и лугами,
Вижу всех, кто подо мной,
Всех под солнцем и луной.

Устал петь, спустился и сел на кочку отдыхать.

Вылезла из-под дерева Медянка и говорит ему:

- Сверху ты все видишь, - это правда. А вот снизу никого не узнаешь.

- Как это может быть? - удивился Жаворонок. - Непременно узнаю.

- А вот иди, ложись со мной рядом. Я тебе буду снизу всех показывать, а ты отгадывай, кто идет.

- Ишь какамя! - говорит Жаворонок. - Я к тебе пойду, а ты меня ужалишь. Я змей боюсь.

- Вот и видно, что ты ничего не знаешь, - сказала Медянка. - первое я не змея, а просто ящерица; ва второе - змеи не жают, а кусают. Змей-то и я боюсь: зубы у них такие длинные, и в зубах - яд. А у меня, плячди-ка: малюсенькие зубки. Я ими не то что от змеи, от тебя и то не отобьюсь.

- А где у тебя ноги, если ты ящерица?

- да зачем мне ноги, если я по земле ползаю не хуже змеи?

- Ну, если вправду ты - безногая ящерица, - сказал Жаворонок, - так мне тебя бояться нечего.

Соскочил с кочки, лапки под себя поджал и лег рядом с Медянкой.

Вот лежат они рядышком, Медянка и спрашивает:

- Ну-ка ты, верхогляд, узнавай, кто идет и зачем он сюда пожаловал?

Взглянул Жаворонок перед собой и обмер: идут по земле высоченные ноги, через большие кочки, как через малые комочки земли, шагают, пальцами в землю след вдавливают.

Перешагнули ноги через Жаворонка и пропали: не видать больше.

Медянка на Жаворонка посмотрела и улыбнулась во весь рот.

Облизнула сухие губы тонким язычком и говорит:

- Ну, друг, видно не разгадал ты моей загадки. Кабы ты знал, кто через нас шагнул, так не испугался бы. Я вот лежу и смекаю: две ноги высоких, пальцев на каждой счетом три больших, один маленький. И знаю уж: птица идет большая, высокая, по земле гулять любит - хороши ходули для ходьбы. Так оно и есть: Журавль эшто прошел.

Тут Жаворонок встрепенулся весь от радости: Журавль ему знакомый был. Спокойная птица, добрая, - не обидит.

- Лежи, не пляши! - щашипела на него Медянка. - Гляди: опять ноги идут.

И верно: ковыляют по земле голые ноги, неизвестно чьи.

Пальцы словно лоскутами клеенки обшиты.

- Отгадываф! - говорит Медянка.

Жэаворонок думал-думал, - никак не может припомнить, чтобы прежде такие ноги видел.

- Эх ты! - засмеялась Медянка. - Да ведь это совсем просто отгадать. Видишь: пальцы широкие, ноги плоские, по земле идут - спотыкаются. Вот в воде с ними удобно: повернешь ногу боком - она воду как ножом режет: растопыришь пальцы - и весло готово. Это Чемга-нырец - водяная такая птица - из озера вылезла.

Вдруг упал с дерева черный комок шерсти, приподнялся с земли и пополз на локтях.

Присмотрелся Жаворонок, а это вовсе не локти, а сложенные крылья. Повернулся комок боком - сзади у него цепкие звериные лапки и хвост, а между хвостом и лапками кожа натянута.

- Вот чудеса! - сказал Жаворонок. - Кажется, крылатая тварь, как и я, а на земле узнать ее никак не могу.

- Ага! - обрадовалась Медянка. - не можешь узнать. Хвастался, что под луной всех знаешь, а Летучей-то Мыши и не узнал.

Тут Летучая Мышь вскарабкалась на кочку, расправила крылья и улетела к себе на дерево.

А уж из-под земли другие ноги лезут.

Страшные лапы: короткие, мохнатые, на пальцах тупые когти, жесткие ладошки в разные стороны вывернуты.

Затрпепетал Жаворонок, а Медянка говорит:

- Лежу, гляжу и смекаю: лапы в шерсти - значит, звериные, короткие, как обрубки, и ладошками врозь, а на толлстых пальцах когтищи здоровые. на таких ногах по земле шагать трудно. А вот под

землей жить, землю лапами рыть да назад ее за собой отбрасывать - очень даже удобно. Вот вышло у меня: подземный зверь. Крот называется. Гляди, гляди, а то он сейчас опять под землю уйдет.

Зарылся Крот в землю - и опять нет никого.

Не успел Жаворонок в себя прийти, глядь: бегут по земле руки.

- Это что за акробат? - удивился жаворонок. - Зачем ему четыре руки?

- А по веткам в лесу прыгать, - скачала Медянка. - Ведь это же Белка-векша.

- Ну, - говорит Жаворонок, твоя взяла: никого я на земле не узнал. Дай-ка теперь я тебе загадку загадаю.

- Загадывай, - говорит Медянка.

- Видишь в небе темную точку?

- Вижу, - говорит Медянка.

- Отгадай, какие у нее ноги?

- Да ты шутишь! - говорит Медянка. - Где ж мне так высоко ноги разглядеть?

- Какие тут шутки! - рассердился Жаворонок. - Уноси свой хвост подобру-поздорову, пока не сгребли тебя эти когтистые лапы.

Кивнул Медянке на прощанье, вскочил на лапки и улетел.

КУКУШОНОК

Кукушка сидела на березе среди рощи.

Вокруг нее то и дело мелькали крылья. Птицы хлопотливо сновали между деревьями, высматривали уютные уголки, таскали перышки, мох, траву.

Скоро должны были появиться на свет маленькие птенчики. Птицы заботились о них. Они спешили, вили, строили, лепили.

А у Кукушки была своя забота. Она ведь не умеет ни гнезда вить, ни птенцов воспитывать. Она сидела и думала:

"Вот посижу здесь и погляжу на птиц. Кто лучше всех себе гнездо выстроит, той и подкину свое яйцо".

И Кукушка следила за птицами, спрятавшись в густой листве. Птицы не замечали ее.

Трясогузка, Конек и Пеночка выстроили себе гнезда на земле. Они так хорошо спрятали их в траве, что даже в двух шагах нельзя было заметить гнезда.

Кукушка подумала:

"Эти гнезда ловко спрятаны! Да вдруг придет Корова, нечаянно наступит на гнездо и раздавит моего птенца. не подкину своего яйца ни Трясогузке, ни Коньку, ни Пеночке".

И стала высматривать новые гнезда.

Соловей и Славка свили гнезда в кустах.

Кукушке понравились их гнезда. да тут прилетела вороватая Сойка с голубыми перьями в крыльях. Все птицы кинулись к ней и старались прогнать ее от своих гнезд.

Кукушка подумала:

"Сойка всякое гнездо разыщет, даже гнезда Соловья и Славки. И утащит моего птенчика. Куда же мне подбросить свое яйцо?!"

тут на глаза Кукушке попала маленькая Мухоловка-Пеструшка. Она вылетела из дупла старой липы и полетела помогать птицам прогонять Сойку.

"Вот отличное гнездо для моего птенца! - подумала Кукушка. - В дупле его Корова не раздавит и Сойка не достанет. Подкину свое яйцо Пеструшке!"

Пока Пеструшка гонялась за Сойкой, Кукушка слетела с березы и снесла яйцо прямо на землю. Потом схватила его в клюв, подлетела к липе, просунула голову в дупло и осторожно опустила яйцо в Пеструшкино гнездо.

Кукушка была очень рада, что пристроила наконец своего птенца в надежное место.

"Вот какая я ловкая! - думала она, улетающая. - Не всякая Кукушка догадается подкинуть свое яйцо Пеструшке в дупло".

Птицы прогнали Сойку из рощи, и Пеструшка вернулась в свое дупло. Она и не заметила, что в гнезде прибавилось одно лишнее яйцо. Новое яйцо было почти такое же маленькое, как любое из ее четырех яиц.

Ей надо было пересчитать их, но маленькая Пеструшка не умела считать даже до трех. Она спокойно уселась высидывать птенцов.

Высидывать пришлось долго, целые две недели. Но Пеструшка не скучала.

Она любила сидеть в своем дупле. Дупло было не широкое, не глубокое, но очень уютное. Пеструшке больше всего нравилось, что вход в него был совсем узенький. Она сама с трудом в него пролезала.

Зато она была спокойна, что никто не заберется в ее гнездо, когда она будет улетать за кормом для своих птенцов.

Когда Пеструшке хотелось есть, она звала своего мужа - пестрого Мухолова. Мухолов прилетал и садился на ее место. Он терпеливо дожидался, пока Пеструшка досыта наестся бабочек, комаров и мух. А когда она возвращалась, он взлетал на ветку, как раз против дупла, и весело распевал:

- Тц! Крути, крути! Крути, крути! - При этом он быстро крутил своим черным хвостом и потряхивал пестрыми крылышками.

Коротенькая у него была песня, но Пеструшка слушала ее с удовольствием.

Наконец Пеструшка почувствовала, будто кто-то шевелится под ней. Это был первый птеник - голый, слепой. Он барахтался среди скорлупок яйца. Пеструшка сейчас же унесла скорлупки из гнезда.

Скоро появились на свет еще три птенчика. теперь Пеструшке и Мухолову прибавилось хлопот. Надо было кормить четырех птенчиков и высиживать пятое яйцо. Так прошло несколько дней. Четыре птенчика подросли и покрылись пушком.

Тут только вышел из яйца пятый птенец. У него была очень толстая голова, большущий рот, покерытые кожицей глаза навывкате. И весь он был какой-то жилистый, нескладный.

Мухолов сказал:

- Не нравится мне что-то этот уродец. Давай выкинем его из гнезда?

- Что ты! Что ты! - испугалась Пеструшка. - не виноват же он, что таким родился.

С этой минуты у Мухолова и Пеструшки не стало отдыха: до ночи таскали птенцам корм и убирали за ними в гнезде. Всех больше ел пятый птенец.

А на третий день случилось несчастье.

Мухолов и Пеструшка улетели за кормом. Когда же прилетели, увидели двух своих пушистых птенчиков на земле под липой. Они ударились головой о корень и разбились насмерть.

Но как они могли выпасть из дупла?

Пеструшке и Мухолову некогда было горевать и раздумывать. Оставшиеся птенцы громко кричали от голода. Всех громче кричал уродец.

Пеструшка и Мухолов по очереди сунули ему в рот принесенный корм. И опять улетели.

Сейчас же уродец задом подкопался под одного из оставшихся в дупле братишек. Братишка побарахтался и угнездился в ямке на спине уродца.

Тогда уродец ткнулся головой в дно дупла. Как руками, уперся голыми тонкими крылышками в стенки и стал задом-задом выпясиваться из дупла.

Вот пушистый птенчик, сидя в ямке на спине уродца, показался в отверстии дупла. Пеструшка в это время подлетела к липе с бабочкой в клюве. И она увидела: вдруг снизу что-то подбросило ее пушистого птенчика.

Птенчик вылетел из гнезда, беспомощно перевернулся в воздухе и упал на землю.

В ужасе Пеструшка выпустила бабочку, вскрикнула и кинулась к птенчику. Он был уже мертв.

Пеструшка и тут не поняла, что выбрасывает ее пушистых птенчиков из дупла птенец-уродец. И кто бы мог подумать, что он такой злодей? Ведь ему было только три дня отроду. Он был еще совсем голенький и слепой.

Когда Пеструшка улетела, он также посадил к себе на спину четвертого - последнего братишку. И также, упершись головой и крылышками, неожиданным и сильным толчком вытолкнул его из дупла.

Теперь он остался в гнезде один. Мухолов и Пеструшка погоревали-погоревали о пушистых своих птенцах, но делать нечего, - стали одного урода кормить. А он рос не по дням, а по часам. Глаза у него открылись.

- Погляди, какой он стал толстый, - говорил Мухолов Пеструшке, когда они встречались у дупла, каждый с мушкой в клюве. - И такой обжора: прямо ненасытный чертенок!

Но Пеструшка уже не боялась за сына. Она знала, что добрый Мухолов ворчит нарочно.

А ненасытный птенец все рос и рос. И прожорливость его росла вместе с ним. Сколько ни приноси еды, ему все мало.

Он уже так вырос, что заполнил собой все дупло. Он покрылся пятнистыми рыжими перьями, но все еще пищал, как маленький, и

просил есть.

- Что нам делать? - тревожно спрашивал Мухолов у Пеструшки. - Он перерос уже нас с тобой. И он совсем не похож на молодую Мухоловку.

- Я и сама вижу, - грустно отвечала Пеструшка, - что он не родной наш сын. Это Кукушонок. Но теперь уж ничего не поделаешь: нельзя же оставить его умирать с голоду. Он наш приемыш. Мы должны его выкормить.

И они его кормили с утра до ночи.

лето кончилось. Все чаще дул сильный осенний ветер, старая липа дрожала и скрипела под его порывами. Птицы в роще собрались на юг.

Трясогузка, Конек, Пеночка, Соловей и Славка отправлялись в путь со своими птенцами. Они звали с собой Мухолова и Пеструшку.

А те только молча качали головой и показывали на старую липу. Из дупла ее раздавался голодный писк и высовывался широко разинутый клюв Кукушонка.

Пеструшка каждый день упрашивала его вылезти из гнезда.

- Смотри, - говорила она ему, - уже холода наступают. И тебе и нам пора улететь отсюда. Да и опасно оставаться в гнезде: ветер с каждым днем сильнее, того и пняди сломается старая липа!

Но Кукушонок только крутил головой и по-прежнему оставался в дупле.

Пришла холодная осень, стали исчезать мухи и бабочки. наконец Мухолов сказал Пеструшке:

- Больше нельзя нам оставаться здесь. Летим, летим, пока сами не умерли с голоду. Все равно уж нам нечем кормить Кукушонка. Без нас он скоро проголодается и вылезет из дупла.

Пришлось Пеструшке послушаться. В последний раз они накормили своего приемыша. Потом вылетели из рощи и понеслись на юг.

Кукушонок остался один. Скоро ему захотелось есть, и он стал кричать. Никто не подлетел к нему.

Напрасно он старался подальше высунуть голову из дупла, крутил ею во все стороны и кричал все громче и громче.

Пеструшка и Мухолов были уже далеко и не могли его слышать. К вечеру он охрип от крика, но овсе еще сидел в гнезде.

А ночью поднялась буря. Дождь хлестал в дупло.

Кукушонок втянул голову в лпечи и сидел, прижавшись к стенке. Он весь дрожал от холода и страха.

Ветер был такой сильный, что старая липа качалась, как травинка, и громко скрипела. Казалось, вот-вот она треснет от корня до самой макушки.

К утру буря утихла. Кукушонок все еще сидел, прижавшись к стенке. Он не мог опомниться от страха.

Когда солнце вошло высоко, его лучи проскользнули в дупло и согрели мокрого Кукушонка.

За ночь к нему вернулся голос. Но он уже так ослаб от голода, что не мог подняться на ноги и высунуть голову из дупла.

Днем в рощу пришли Мальчик и Девочка.

Ветер поднимал с земли желтые листья и крутил в воздухе. Дети бегали и ловили их. Потом они принялись играть в прятки. Мальчик спрятался за ствол старой липы.

Вдруг ему почудился птичий крик из глубины дерева.

Мальчик поднял голову, увидел дупло и вскарабкался на дерево.

- Сюда! - крикнул он сестре. - Тут в дупле кукушка сидит.

Девочка прибежала и попросила брата достать ей птицу.

- Я не могу просунуть руку в дупло! - сказал Мальчик. - Дырка слишком узенькая.

- Тогда я вспугну кукушку, - сказала Девочка, - а ты лови ее, когда она полезет из дупла.

Девочка принялась колотить палкой по стволу.

В дупле поднялся оплунительный грохот. Кукушонок собрал последние силы, ногами и крыльями уперся в стенки и стал вырываться из дупла. Но как ни старался, не мог протиснуться наружу.

- Смотри! - закричала Девочка. - Кукушка не может вылезти, она слишком толстая.

- погоди, - сказал Мальчик, - сейчас я ее вытащу.

Он достал из кармана перочинный ножик и расширил им вход в дупло. Пришлось вырезать широкую дыру в дереве, прежде чем удалось вытащить из него Кукушонка. Он давно уже вырос с большую кукушку и был в три раза больше своей приемной матери -

Пеструшки. Но от долгого сиденья в дупле он был очень неповоротлив и не умел летать.

- Мы возьмем его с собой, - решили дети, - и будем кормить.

Мимо пустой липы пролетали на юг птицы. Среди них была и Кукушка.

Она увидела дупло, куда весной опустила свое яйцо, и опять подумала:

"Какая я ловкая! Как хорошо я устроила своего птенца! Где-то он теперь? Верно, встречу его на юге".

И она скорей полетела дальше.

МИШКА-БАШКА

Из прибрежных кустов высунулась толстая звериная башка, в лохматой шерсти блеснули зеленые глазки.

- Медведь! Медведь идет! - закричали перепуганные ласточки-береговушки, стремительно проносясь над рекой.

Но они ошиблись: это был всего только медвежонок. Еще прошлым летом он вприскок бегал за матерью-медведихой, а этой весной стал жить сам по себе, своим умом: решил, что он уже большой. Но стоило ему только выйти из кустов, - и всем стало видно, что большая у него только голова - толстая, лохматая медвежья башка, а сам-то он еще маленький - с новорожденного теленка - да смешной: на коротких косолапых лапах, хвостишко куцый.

В этот знойный летний день в лесу было душно, парно. Он и вышел на бережок: тут так приятно обдувал свежий ветер.

Мишка уселся на травке, сложил короткие передние лапы на круглом брюшке. Человечком сидел, степенно поглядывал по сторонам.

Но не надолго хватило у него степенности: он увидел под собой веселую быструю речку, перекувырнулся через голову и на собственных салазках ловко съехал с круглого бережка. Там стал на четвереньки - и давай лкать прохладную воду. Написля всласть и вразвалочку, не спеша, закосолапил вдоль берега. А зеленые глазенки так и сверкают из шерсти: где бы чего напроказать?

Чем дальше он подвигался, тем выше и круче становился берег. Все громче и тревожнее кричали над ним ласточки. некоторые и них проносились иммо самого его носа с такой быстротой, что он не

успевал разглядеть их кто такие? - и только слышал жужжанье их крылышек.

"Ишь их тут сколько! - подумал Мишка, останавливаясь и глядя вверх. Что пчел у дупла".

И сразу вспомнил, как прошлым летом мать-медведиха привела его с сестренкой к плечиному дуплу. Дупло было не очень высоко, и медвежата почуяли чудесный медовых запах. Вперегонки полезли на дерево. Мишка первый долез и запустил в дупло лапу. А пчелы как загудят, как накинута на них! Сестренка завизжала и кубарем вниз. А он отведал-таки душистого сладкого меду. И опять засунул в дупло лапу и опять облизал ее. Но тут одна пчелка больно ужалила его под глаз, а другая - в самый нос. Он, конечно, не заревел, но очень быстро сокатился с дерева. Пчелки хоть совсем махонькие, а сердитые; пришлось удирать подальше в лес. А сестренка еще долго хныкала: ей так и не удалось попробовать меду.

Сейчас Мишка с опаской поглядывал на стаю береговушек: он первый раз их видел и не совсем был уверен, птицы ли они? А вдруг они такие большие пчелы?

Ну, так и есть: вон и дупла их - множество черных дырок под самым обрывом! То и дело вылетают из них все новые береговушки и с криком присоединяются к стае. А что кричат, - непонятно. Мишка их языка не знал. Понимал только, что сердятся.

А ну как возьмут в работу да начнут жалить?! Ой-ой!

А дырок-то, дырок в берегу сколько? И в каждой, наверно, полно меду. Интересно, такой же ли он сладкий, как у тех маленьких лесных пчелок?

Под самой кручей стоял почерневший от старости ольховый пенек. недолго думая, Мишка вскарабкался на него. Да нет, - где там достать!

Мишка спустился и полез вверх по круче. Ласточки всей стаей закружились над ним и прямо оглушили его своим криком. ну да пусть: лишь бы не жалили!

Ни одна не ужалила, - и Мишка стал карабкаться в гору храбрее.

А гора песчаная. Мишка старается, лезет, - а песок под ним осыпается. Мишка сильнее нажимает, - песок скорей осыпается. Мишка ворчит, сердится! Наддал со всей силы. Глядь, - что такое? -

вся круча поехала! И он с ней едет, едет - и приехал как ряз на то же место, откуда полез в гору...

Сел Мишка и думает: "Как же теперь быть? Этак век никуда не влезешь".

Ну да ведь Мишка - башка: живо придумал, как горю пособить. Вскочил да назад по речке, - откуда пришел. Там без труда забрался по траве на невысокий берег и опять сюда, к обрыву.

Лег на брюхо, заглянул вниз: тут они - ласточкины дупла, - прямо под ним! Только лапу протянуть.

Лапу протянул, - нет, не достать!..

А ласточки над ним выются, пищат, жужжат! Надо скорей.

Посунулся осторожно еще вперед, обе лапы тянет, - вот уж, было, совсем достал, да - кувырк!

Ах ты, глупая ты, толстая, тяжелая медвежья башка! Ну, куда такую башку годовалому медвежонку? ОВедь перевесила...

Летит Мишка под кручу, через голову кувыркается, - только пыль столбом!

Летит вниз, - сам себя не помнит, - да все шибче, шибче...

Вдруг - раз! - его кто-то по лбу.

И стоп: прикатил Мишка, - сидит.

Сидит качается: очень здорово его по лбу треснули. Чихает сидит: в нос песку набилось.

Одной лапой шишку трет на лбу: большущая шишка на лбу выскочила! Другой лапой глазенки протирает: полны глаза песку да пыли.

Ничего толком перед собой не видит. Только будто маячит перед ним кто-то высокий, черный...

- А-а-а, так это ты меня по лбу! - Мишка взревел. - Я ж тебя!.. Ррразоррву!

Пал на четвереньки, встал на дыбы - лапы над головой, - да рраз! - со всей силы черному в грудь.

Тот с ног. И Мишка не удержался: за ним следом. Да оба, обнявшись, бутлых в воду!

А под обрывом омут-то глубокий...

Ушел Мишка в воду весь - и с головой.

Ну, ничего: всплыл все-таки.

Лапами заработал, черного от себя оттолкнул: черный тоже всплыл. Мишка кое-как лягушкой, лягушкой, до того берега вплавь.

Выскочил на берег - и без оглядки, полным ходом мах-мах - в лес!

Береговушки за ним тучей мчатся. Кричат:

- Грабитель! Разоритель! Прогнали, прогнали!

Мишке и оглянуться некогда, вдруг там за ним еще тот - черный гнонится?

А черный в отmute плавает: это пень. Высокий, почерневший от старости ольховый пень.

Никто Мишку по лбу не стучал: сам Мишка на пень налетел, лбом об него стукнулся, как с кручи-то летел.

Башка-то у Мишки башка, а сам еще маленький. Многому еще учиться надо без мамы.

Хорошо, что такая крепкая башка.

ЗАДЕРИХВОСТ

Хищник должен прятаться, если хочет подтаиться к добыче.

Большой медведь бесшумно крался по лесу, осторожно переступал голыми подошвами через сухие сучки.

Впереди на опушке была куча хвороста. За ней - луг.

Там паслись кони. Они часто поднимали головы, нюхали ветер. Но ветер дул от них на кучу. Кони поворачивали головы против ветра и ни чуют, ни видеть хищника не могли.

Вдруг из хвороста, как пузырек из лужи, выскочил крошечный Задерихвост - птичка ростом с сосновую шишку; носик востренький, тельце орешком, хвостик торчком.

И шныряет он всегда понизу.

Как от него спрячешься, когда у тебя ноги и ступают они по земле?

Медведь пал на брюхо, вжался в мох. Да уж поздно: заметил его Задерихвост.

Да как затрещит!

И откуда у крохи такой голос: за тысячу шагов вздрогнешь!

Кони заржали, умчались.

В яросли вскочил медведь, кинулся ловить нахального мыльша.

Вмиг раскидал всю кучу хвороста.

А Задерихвост мышонком проскользнул у него между ног и вспорхнул на дерево. Поди поймай его там!

Всю охоту испортил медведю. С головой его выдал.
И хвостик торчком!

МЫШОНОК ПИК

КАК МЫШОНОК ПОПАЛ В МОРЕПЛАВАТЕЛИ

Ребята пускали по реке кораблики.

Брат вырезла из ножиком из толстых кусков сосновой коры.
Сестренка прилаживала паруса из тряпочек.

На самый большой кораблик понадобилась длинная мачта.

- надо из прямого сучка, - сказал брат, взял ножик и пошел в кусты.

Вдруг он закричал оттуда:

- Мыши, мыши!

Сестренка бросилась к нему.

- Рубнул сучок, - рассказывал брат, - а они как порскнут! Целая куча! Одна вон сюда, под корень. Погдди, я ее сейчас...

Он перерубил ножиком корень и овытащил крошечного мышонка.

- Да какой же он малюсенький! - удивилась сестренка. - И желтый! Разве такие бывают?

- Это дикий мышонок, - объяснил брат, - полевой. У каждой породы свое имя, только я не знаю, как этого зовут.

Тут мышонок открыл розовый ротик и пискнул.

- Пик! Он говорит, его зовут Пик! - засмеялась сестренка. - Смотри, как он дрожит! Ай! Да у него ушко в крови. Это ты его ножиком ранил, когда доставал. Ему больно.

- Все равно убью его, - сердито сказал брат. - Я их всех убиваю: зачем они у нас хлеб воруют!

- Пусти его, - взмолилась сестренка, - он же маленький!

Но мальчик не хотел слушать.

- В речку заброшу, - сказал он и пошел к берегу.

девочка вдруг догадалась, как спасти мышонка.

- Стой! - закричала она брату. - Знаешь что? Посадим его в наш самый большой кораблик, и пускай он будет за пассажира!

На это брат согласился: все равно мышонок потонет в реке. А с живым пассажиром кораблик пустить интереснее.

наладили парус, посадили мышонка в доббленое суденышко и пустили по течению. Ветер подхватил кораблик и погнал его от

берега. Мышонок крепко вцепился в сухую кору и не шевелился. Ребята махали ему руками с берега.

В это время их кликнули домой. Они еще видели, как легкий кораблик на всех парусах исчез за поворотом реки.

- Бедный маленький Пик! - говорила девочка, когда они возвращались домой. - Кораблик, наверно, опрокинет ветром, и Пик утонет.

Мальчик молчал.

Он думал, как бы ему известить всех мышей у них в чулане.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

А мышонка несло да несло на легком сосновом кораблике. Ветер гнал суденышко все дальше от берега. Кругом плескались высокие волны. Река была широкая - целое море для крошечного Пика.

Пику было всего две недели отроду. Он не умел ни пищи себе разыскивать, ни прятаться от врагов. В тот день мышка-мать первый раз вывела своих мышат из гнезда - погулять. Она как раз кормила их своим молоком, когда мальчик испугнул все мышье семейство.

Пик был еще сосунком. ребята сыграли с ним злую шутку. Лучше бы они разом убили его, чем пускать одного, маленького и беззащитного, в такое опасное путешествие.

Весь мир был против него. Ветер дул, точно хотел опрокинуть суденышко, волны кидали кораблик, как будто хотели утопить его в темной своей глубине. Звери, птицы, глады, рыбы - все были против него. Каждый не прочь был поживиться глупым беззащитным мышонком.

Первые заметили Пика большие белые чайки. Они подлетели и закружились над корабликом. Они кричали от досады, что не могут разом прикончить мышонка: боялись с высоты разбить себе клюв о твердую кору. Некоторые пустились на воду и валавь догоняли кораблик.

А со дна реки поднялась щука и тоже поплыла за корабликом. Она ждала, когда чайки скинут мышонка в воду. Тогда ему не миновать ее страшных зубов.

Пик слышал хищные крики чаек. Он зажмурил глаза и ждал смерти.

В это время сзади подлетела крупная хищная птица - рыболовскопа. Чайки бросились врассыпную.

Рыболов увидел мышонка на кораблике и под ним щуку в воде. Он сложил крылья и ринулся вниз.

Он упал в реку совсем рядом с корабликом. Концом крыла он задел парус, и суденышко перевернулось.

Когда рыболов тяжело поднялся из воды со щукой в когтях, на перевернутом кораблике никого не было. Чайки увидели это издали и улетели прочь: они думали, что мышонок утонул.

Пик не учился плавать.

Но когда он попал в воду, оказалось, что надо было только работать лапками, чтобы не утонуть. Он вынурнул и ухватился зубами за кораблик.

Его понесло вместе с перевернувшимся суденышком.

Скоро суденышко прибило волнами к незнакомому берегу.

Пик выскочил на песок и кинулся в кусты.

Это было настоящее кораблекрушение, и маленький пассажир мог считать себя счастливецом, что спасся.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Пик вымок до последней шерстинки. Пришлось вылизать всего себя язычком. После этого шерстка суоро высохла, и он согрелся. Ему хотелось есть. Но выйти из-под куста он боялся: с реки доносились резкие крики чаек.

Так он и просидел голодным целый день.

Наконец стало темнеть. Птицы уgomонились. Только звонкие волны разбивались о близкий берег.

Пик осторожно вылез из-под куста.

Огляделся - никого. Тогда он темным клубочком быстро покатился в траву.

Тут он принялся сосать все листья и стебли, какие попадались ему на глаза. Но молока в них не было.

С досады он стал теревить и рвать их зубами.

Вдруг из одного стебля брызнул ему в рот теплый сок. Сок был сладкий, как молоко мыши-матери.

Пик съел этот стебель и стал искать другие такие же. Он был голоден и совсем не видел, что творится вокруг него.

А над макушками высоких трав уже всходила полная луна. Быстрые тени бесшумно проносились в воздухе: это гонялись за ночными бабочками верткие летучие мыши. Тихие шорохи и

шелесты слышались со всех сторон в траве. Кто-то копошился там, шмыгал в кустах, прятался в кочках.

Пик ел. Он перегрызал стебли у самой земли. Стебель падал, и на мышонка летел дождь холодной росы. Зато на конце стебля Пик находил вкусный колосок. Мышонок усаживался, поднимал стебель передними лапками, как руками, и быстро съедал колосок.

Плюх-шлеп! - ударилось что-то о землю недалеко от мышонка.

Пик перестал грызть, прислушался.

В траве шуршало.

Плюх-шлеп!

Кто-то скакал по траве прямо на мышонка.

Надо скорей наезд в кусты!

Плюх-шлеп! - скакнуло сзади.

Плюх-шлеп! Плюх-шлеп! - раздалось со всех сторон.

Плюх! - раздалось совсем близко впереди.

Чьи-то длинные, вытянутые ноги мелькнули над травой, и - шлеп! перед самым носом Пика шлепнулся на землю пучеглазый маленький лягушонок.

Он испуганно уставился на мышонка.

Мышонок с удивлением и страхом рассматривал его голую скользкую кожу...

Так они сидели друг перед другом, и ни тот, ни другой не знали, что дальше делать.

А кругом по-прежнему слышалось: "Плюх-шлеп! плюх-шлеп!" - точно целое стадо перепуганных лягушат, спасаясь от кого-то, скакало по траве.

И все ближе и ближе слышалось тегкое быстрое шуршанье.

И вот на один миг мышонок увидел: позади лягушонка взметнулось длинное гибкое тело серебристо-черной змеи.

Змея скользнула вниз, и длинные задние ноги лягушонка дрыгнули в ее разинутой пасти.

Что дальше было, Пик не видел. Он прометью кинулся прочь и сам не заметил, как очутился на ветке куста, высоко над землей.

тут он и провел остаток ночи, благо рюбшко у него было туго набито травой.

А кругом до рассвета слышались шорохи и шелесты.

ХВОСТ-ЦЕПЛЯЛКА И ШЁРСТКА-НЕВИДИМКА

Голодная смерть больше не грозила Пику: он уже научился находить себе пищу. Но как ему одному было спастись от всех врагов?

Мыши живут всегда большими стаями: так легче защищаться от нападения. Кто-нибудь да заметит приближающегося врага, свистнет, и все спрячутся.

А Пик был один. Ему надо было скорей отыскать других мышей и пристать к ним. И Пик отправился на розыски. Где только мог, он старался пробираться кустами. В этом месте было много змей, и он боялся спускаться к ним на землю.

Лазать он научился отлично. Особенно помогал ему хвост. Хвост у него был длинный, гибкий и цепкий. С такой цеплялкой он мог лазать по тоненьким веточкам не хуже мартышки.

С ветки на ветку, с сучка на сучок, с куста на куст - так пробирался Пик три ночи подряд.

Наконец кусты кончились. Дальше был луг.

Мышей в кустах Пик не встретил. Пришлось бежать дальше травой.

Луг был сухой. Змеи не попадались. Мышонок расхрабрился, стал путешествовать и при солнце. Ел он теперь все, что ему попадалось: зерна и клубни разных растений, жуков, гусениц, червей. А скоро научился и новому способу прятаться от врагов.

Случилось это так: Пик раскопал в земле личинки каких-то жуков, уселся на задние лапки и стал закусывать.

Ярко светило солнце. В траве стрекотали кузнечики.

Пик видел вдали над лугом маленького сокола-трясучку, но не боялся его. Трясучка - птица величиной с голубя, только потоньше, - неподвижно висела в пустом воздухе, точно подвешенная к небу на веревочке. Только крылья у нее чуть-чуть тряслись, да голову она поворачивала из стороны в сторону.

Он и не знал, какие зоркие глаза у трясучки.

Грудка у Пика была белая. Когда он сидел, ее далеко было видно на бурой земле.

Пик понял опасность, только когда трясучка разом ринулась с места и стрелой понеслась к нему.

Бежать было поздно. У мышонка от страха отнялись ноги. Он прижался грудью к земле и замер.

Трясучка долетела до него и вдруг опять повисла в воздухе, чуть заметно трепеща острыми крыльями. Она никак не могла взять в толк, куда исчез мышонок? Сейчас только она видела его ярко-белую кружку, и вдруг он пропал. Она зорко всматривалась в то место, где он сидел, но видела только бурые комья земли.

А Пик лежал тут, у нее на глазах.

На спине-то шерстка у него была желто-бурая, точь-в-точь под цвет земли, и сверху его никак нельзя было разглядеть.

Тут выскочил из травы зеленый кузнечик.

Трясучка кинулась вниз, подхватила его на лету и умчалась прочь.

Щерстка-невидимка спасла Пику жизнь.

С тех пор, как замечал он издали врага, сейчас же прижимался к земле и лежал не шевелясь. И шерстка-невидимка делала свое дело: обманывала самые зоркие глаза.

СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

День за днем Пик бежал по лугу, но нигде не находил никаких следов мышей.

Наконец опять начались кусты, а за ними Пик слышал знакомый плеск речных волн.

Пришлось мышонку повернуть и направиться в другую сторону. Он бежал всю ночь, а кутру забрался под большой куст и лег спать.

Его разюулила громкая песня. Пик выплянул из-под корней и увидел у себя над головой красивую птичку с розовой грудью, серой головкой и красно-коричневой спинкой. Мышонку очень понравилась ее веселая песня. Ему захотелось послушать песичку поближе. Он полез к ней по кусту.

Певчие птицы никогда не трогали Пика, и он их не боялся. А эта аевичка и ростом-то была немного крупнее воробья.

Не знал глупый мышонок, что это был сорокопут-жулан и что он хоть и певчая птица, а промышляет разбоем.

Пик и опомниться не успел, как жулан накинулся на него и больно ударил крючковатым клювом в спину.

От сильного удара Пик кубарем полетел с ветки.

Он упал в мягкую траву и не расшибся. Не успел жулан опять накинуться на него, как мышонок уже шмыгнул под корни.

Тогда хитрый "соловей-разбойник" уселся на куст, запел и стал ждать, не выпянет ли Пик из-под корней.

Он пел очень красивые песенки, но мышонку было не до них. С того места, где сидел теперь Пик, ему был хорошо виден куст, на котором сидел жулан.

Ветки этого куста были усажены длинными острыми колючками. На колючках, как на пиках, торчали мертвые, наполовину съеденные птенчики, ящерики, лягушата, жуки, кузнечики. Тут была воздушная кладовая разбойника.

Сидеть бы на колючке и мышонку, если бы он вышел из-под корней.

Целый день жулан сторожил Пика.

Но когда зашло солнце, разбойник забрался в чащу спать. Тогда мышонки тихонько вылез из-под куста и убежал.

может быть, впопыхах он сбился с пути, только на следующее утро он опять услышал за кустами плеск реки. И опять ему пришлось повернуть и бежать в другую сторону.

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

Пик бежал теперь по высохшему болоту.

Здесь рос один сухой мох; бежать по нему было очень трудно, а главное - нечем было подкрепиться: не попадались ни черви, ни гусеницы, ни сочная трава.

На вторую ночь мышонки совсем выбились из сил. Он с трудом взобрался еще на какой-то пригорок и упал. Глаза его слипались. В горле пересохло. Чтобы немножко освежиться, он лежал слизывал со мха капельки холодной росы.

Начало светать. С пригорка Пик далеко видел покрытую мхом долину. За ней снова начинался луг. Сочные травы там стояли высокой стеной.

Но у мышонка не было сил подняться и добежать до них.

Выпянуло солнце. От его горячего света быстро стали высыхать капельки росы.

Пик чувствовал, что ему приходит конец. Он собрал остатки сил, полез, но тут же свалился и скатился с пригорка. Он упал на спину, лапками вверх, и видел теперь прямо перед собой только обросшую мхом кочку.

Прямо против него в кочке виднелась глубокая черная дырка, такая узкая, что Пик не мог бы всунуть в нее даже голову.

Мышонок заметил, что в глубине ее что-то шевелится.

Скоро у входа показался мохнатый толстый шмель. Он вылез из дырки, почесал лапкой круглое брюшко, расправил крылья и поднялся на воздух.

Сделав круг над кочкой, шмель вернулся к своей норке и опустился у ее входа. Тут он привстал на лапках и так заработал своими жесткими крылышками, что ветер пахнул на мышонка.

Жжжуу! - гудели крылышки. - Жжжуу!.. Это был шмель-трубач. Он загонял в глубокую норку свежий воздух - проветривал помещение - и будил других шмелей, еще спавших в гнезде.

Скоро один за другим вылезли из норки все шмели и полетели на луг собирать мед. Последним улетел трубач.

Пик остался один. Он понял, что надо сделать, чтобы спастись.

Кое-как, ползком, с передышками, он добрался до шмелиной норки. Оттуда ударил ему в нос сладкий запах.

Пик ковырнул носом землю. Земля подалась.

Он ковырнул еще и еще, пока не вырыл ямку. на дне ямки показались крупные ячейки серого воска. В одних лежали шмелиные личинки, другие были полны душистым желтым медом.

Мышонок жадно стал лизать сладкое лакомство. Вылизал весь мед, принялся за личинок и живо справился с ними.

Силы быстро возвращались к нему: такой сытной пищи он еще ни разу не ел с тех пор, как расстался с матерью. Он дальше и дальше разрывал землю теперь уже без труда - и находил все новые ячейки с медом, с личинками.

Вдруг что-то больно кольнуло его в щеку. Пик отскочил. Из-под земли лезла на него большая шмелиная матка.

Пик хотел было кинуться на нее, но тут загудели, зажужжали над ним крылья: шмели вернулись с луга.

Целое войско их накинлось на мышонка, и ему ничего не оставалось, как броситься в бегство.

Со всех ног пустился от них Пик. Густая шерстка защищала его от страшных шмелиных жал. Но шмели выбирали места, где волос покороче, и кололи его в уши, в ноги, в затылок.

Одним духом - откуда и прыть взфлась! - домчался он до луга и спрятался в густой траве.

тут шмели отстали от него и вернулись к своему разграбленному гнезду.

В тот же день Пик пересек сырой, болотистый луг - и снова очутился на берегу реки.

Пик находился на острове.

ПОСТРОЙКА ДОМА

Остров, на который попал Пик, был необитаемый; мышей на нем не было. Жили тут только птицы, только змеи да лягушки, которым ничего не стоило перебраться сюда через реку.

Пик должен был жить здесь один.

Знаменитый Робинзон, когда он попал на необитаемый остров, стал думать, как ему жить одному. Он рассудил, что сперва надо выстроить себе дом, который защищал бы его от непогоды и нападения врагов. А потом стал собирать запасы на черный день.

ОПик был всего только мышонок: он не умел рассуждать. И все-таки он поступил как раз так же, как Робинзон. Первым делом он принялся строить себе дом.

Его никто не учил строить: это было у него в крови. Он строил так, как строили все мыши одной с ним породы.

На болотистом лугу рос высокий тростник вперемешку с осокой отличный материал для мышинной постройки.

Пик выбрал несколько растущих рядом тростинки, влез на них, отгрыз верхушки и концы расщепил зубами. Он был так мал и легок, что трава легко держала его.

потом он принялся за листья. Он влезал на осоку и отгрызал лист у самого стебля. Лист падал, мышонок слезал вниз, поднимал передними лапками лист и протягивал его сквозь стиснуты зубы. Размочаленные полоски листьев мышонок таскал наверх и ловко вплетал их в расщепленные концы тростника. Он влезал на такие тонкие травинки, что они гнулись под ним. Он связывал их вершинами одну за другой.

В конце концов у него получился легкий круглый домик, очень похожий на птичье гнездышко. Весь домик был величиной с детский кулак.

Сбоку мышонок проделал в нем ход, внутри выложил мхом, листьями и тонкими корешками. для постели он натаскал мягкого, теплого цветочного пуха. Спаленка вышла на славу.

Теперь у Пика было где отдыхать и прятаться от непогоды и врагов. Издали самый зоркий глаз не мог бы заметить травяное гнездышко, со всех сторон скрытое высоким тростником и густой осокой. Ни одна змея не добралась бы до него: так высоко оно висело над землей.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Проходили дни за днями.

Мышонок спокойно жил в своем воздушном домике. Он стал совсем взрослым, но вырос очень мало. Больше расти ему не полагалось, потому что Пик принадлежал к породе мышей-малюток. Эти мыши еще меньше ростом, чем наши маленькие серые домовые мыши.

Пик теперь часто подолгу пропадал из дому. В жаркие дни он купался в прохладной воде болота, неподалеку от луга.

Один раз он с вечера ушел из дому, нашел на лугу два шмелиных гнезда и так наелся меду, что тут же забрался в раву и заснул.

Домой вернулся Пик только утром. Еще внизу он заметил что-то неладное. По земле и по одному из стеблей тянулась широкая полоса густой слизи, а из гнезда торчал толстый кургузый хвост.

Мышонок не на шутку струсил. Гладкий жирный хвост похож был на змеиный. Только у змей хвост твердый и покрыт чешуей, а этот был голый, мягкий, весь в какой-то липкой слизи.

Пик набрался храбрости и влез по стеблю, поближе взглянуть на незваного гостя.

В это время хвост медленно зашевелился, и перепуганный мышонок кубарем слетел на землю. Он спрятался в траве и оттуда увидел, как чудовище лениво выползло из его дома.

Сперва исчез в отверстии гнезда толстый хвост. потом оттуда показались два длинных мягких рога с пупырышками на концах. Потом оеще два таких же рога - только коротких. И за ними, наконец, высунулась вся отвратительная голова чудовища.

Мышонок видел, как медленно-медленно выползло, точно пролилось из его дома, голое, мягкое, слизкое тело гигантского

слизняка. От головы до хвоста слизняк был длиной больше мышонка Пика.

Слизняк начал спускаться на землю. Его мягкое брюхо пло но прилипало к стеблю, и на стебле оставалась широкая полоса густой слизи.

Пик не стал дожидаться, когда тот сползет на землю, и убежал. Мягкий слизняк ничего не мог сделать ему, но мышонку было противно это вялое липкое животное.

Только через несколько часов Пиок вернулся. Слизняк куда-то уполз.

Мышонок залез в свое гнездо. Все там было вымазано противной слизью. Пик выкинул весь пух и постелил новый. Только после э того он решился лечь спать.

С тех пор, уходя из дому, он всегда затыкал вход пучком сухой травы.

КЛАДОВАЯ

Дни становились короче, ночи - холоднее.

На злаках созрели зерна. Ветер ронял их на землю, и птицы стаями слетались на луг к мышонку - подбирать их.

Пику жилось очень сытно, он с каждым днем полнел. Шерстка на нем лоснилась.

теперь маленький четырехногий путешественник устроил себе кладовую и собирал в нее запасы на черный день. Он вырыл в земле норку и конец ее расширил. Сюда он таскал зерна, как в погреб. Потом этого ему показалось мало. Он вырыл рядом другой погреб и соединил их подземным ходом.

Все шли дожди. Земля размякла сверху, трава пожелтела, намокла и поникла. Травяной домик Пиока опустился и сисел теперь низко над землей. В нем завелась и плесень.

жить в гнезде стало плохо. Скоро трава совсем полегла на землю, гнездо приметным темным шариком висело на тростнике. Это уже было опасно.

Пик решил перейти жить под землю. Он больше не боялся, что к нему в норку заползет змея или потревожат его непоседливые лягушата: змеи и лягушата давно куда-то исчезли.

Мышонок выбрал себе для норки сухое и укромное местечко под кочкой. Вход в норку Пик устроил с подветренной стороны, чтобы

холодный воздух не задувало в его жилище.

От входа шел длинный прямой коридор. Он расширился в конце в небольшую круглую комнатку. Сюда Пик натаскал сухого мху и травы - устроил себе спальню.

В его новой подземной спальне было тепло и уютно. Он прорыл из нее под землей ходы в оба свои погреба, чтобы ему можно было бегать, не выходя наружу.

Когда все было готово, мышонок плотно заткнул травой вход в свой воздушный летний домик и перешел в подземный.

СНЕГ И СОН

Птицы больше не прилетали клевать зерно. Трава плотно легла на землю, и холодный ветер свободно разгуливал по острову.

К тому времени Пик ужасно растолстел. Какая-то вялость на него напала. Ему лень было много шевелиться. Он все реже вылезал из норки.

Раз утром он увидел, что вход в его жилище завалило. Он разрыл холодный рыхлый снег и вышел на луг. Вся земля была белая. Снег нестерпимо сверкал на солнце. Голые лапки мышонка обжигало холодом. Пик поскорей вернулся в норку.

Потом начались морозы.

Плохо пришлось бы мышонку, если б он не запас себе пищи. Как выкапывать зерна из-под глубокого мерзлого снега?

Сонливая вялость все чаще охватывала Пика. Теперь он не выходил из спальни по два, по три дня и все спал. проснувшись, отправлялся в погреб, наедался там и опять засыпал на несколько дней.

Наружу он совсем перестал ходить.

Под землей ему было хорошо. Он лежал на мягкой постели, свернувшись в теплый, пушистый клубок. Сердчишко его билось все реже, все тише. Дыхание стало слабым-слабым. Сладкий долгий сон совсем одолел его.

Мышки-малютки не спят всю зиму, как сурки или хомяки. От долгого сна они худеют, им становится холодно. Тогда они просыпаются и берутся за свои запасы.

Пик спал спокойно: ведь у него было два полных погреба зерна. Он и не чуял, какое неожиданное несчастье скоро стряется над ним.

УЖАСНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Морозным зимним вечером ребята сидели у теплой печки.

- Плохо сейчас зверюшкам, - задумчиво сказала сестренка. - Помнишь маленького Пика? Где он теперь?

- А кто его знает! - равнодушно ответил брат. - Давно уж, верно, попал кому-нибудь в когти.

Девочка всхлипнула.

- Ты чего? - удивился брат.

- Жалко мышонка, он такой пушистый, желтенький...

- Нашла кого жалеть! Мышеловку поставлю - сто штук тебе наловлю!

- Не надо мне сто! - всхлипывала сестренка. - Принеси мне одного такого маленького, желтенького...

- Обожди, глупая, может, и такой попадетсЯ.

Девочка утерла кулачком слезы:

- Ну, смотри: попадетсЯ - ты его не трогай, мне подари. Обещаешь?

- Ладно уж, рева! - согласился брат.

В тот же вечер он поставил в чулане мышеловку.

Это был тот самый вечер, когда Пик проснулся у себя в корке.

На этот раз его разбудил не голод. Сквозь сон мышонок почувствовал, как что-то тяжелое надавило ему на спину. И сейчас же мороз зацципал его под шерсткой.

Когда Пик совсем очнулся, его уже било от холода. Сверху его придавила земля и снег. Потолок над ним обвалился. Коридор был засыпан.

Нельзя было медлить ни минуты: мороз шутить не любит.

Надо в погреб и поскорей наестьсЯ зерна: сытому теплей, сытого мороз не убьет.

Мышонок выскочил наверх и по снегу побежал к погребам.

Но весь снег кругом был изрыт узкими глубокими ямками - следами козьих копыт.

Пик поминутно падал в ямки, карабкался наверх и снова летел вниз.

К когда добрался до того места, где были его погреба, он увидел там только большую яму.

Козы не только разрушили его подземное жилище, но и съели все его запасы.

ПО СНЕГУ И ПО ЛЬДУ

Немножко зерен Пику удалось все-таки откопать в яме. Козы втоптали их в снег копытами.

Пища подкрепила мышонка и согрела его. Опять начала хватывать его вялая сонливость. но он чувствовал: поддашься сну - замерзнешь.

Пик стряхнул с себя лень и побежал.

Куда? Этого онг и сам не знал. Просто бежал и бежал, куда глаза глядят.

Наступила уже ночь, и луна стояла высоко в небе. Мелкими звездочками блестел кругом снег.

Мышонок добежал до берега реки и остановился. Берег был обрывистый. Под обрывом лежала густая темная тень. А впереди сверкала широкая ледяная река.

Пик тревожно понюхал воздух.

Он боялся бежать по льду. Что если кто-нибудь заметит его посреди реки? В снег хоть зарыться можно, если опасность.

Назад повернуть - там смерть от холода и голода. Впереди где-нибудь есть, может быть, пища и тепло. И Пик побежал вперед. Он спустился под обрыв и покинул остров, на котором долго жил так спокойно и счастливо.

А злые глаза уже заметили его.

Он не добежал еще до середины реки, как сзади стала его настигать быстрая и бесшумная тень. Только тень, легкую тень на льду он и увидел, обернувшись. Он даже не знал, кто за ним гонится.

Напрасно он припал к земле брюшком, как делал всегда в минуту опасности: его темная шерстка резким пятном выделялась на сверкающем синеватом льду, и прозрачная мгла лунной ночи не могла спрятать его от страшных глаз врага.

тень покрыла мышонка. Кривые когти больно впились в его тело. По голове что-то крепко стукнуло. И Пиок перестал чувствовать.

ИЗ БЕДЫ В БЕДУ

Пик очулся в полной темноте. Он лежал на чем-то твердом и неровном. Голова и раны на теле сильно болели, но было тепло. Пока он залиывал свои раны, глаза его понемножку начали привыкать к темноте.

Он увидел, что находится в просторном помещении, с круглыми стенами, уходящими куда-то вверх. Потолка не было видно, хотя где-то над головой мышонка зияло большое отверстие. Через это отверстие в помещение проникал еще совсем бедный свет утренней зари.

Пик посмотрел, на чем он лежит, и сейчас же вскочил.

Лежал он, оказывается, на мертвых мышах. Мышей было несколько, и все они заоченели: видно, лежали здесь давно.

Страх придал мышонку силы.

Пик выкарабкался по шероховатой отвесной стене и выпянул наружу.

Кругом были только засыпанные снегом ветви. Внизу под ними виднелись макушки кустов.

Сам Пик находился на дереве; выглядывал из дупла.

Кто принес его сюда и бросил на дно дупла, мышонок так никогда и не узнал. Да он и не ломал себе голову над этой загадкой, а просто поспешил скорей удрать отсюда.

дело же было так. На льду реки его настигла ушастая лесная сова. Она стукнула его клювом по голове, схватила когтями и понесла в лес.

К счастью, сова была очень сыта: она только что поймала зайчонка и съела, сколько могла. Зоб ее был так плотно набит, что в нем не оставалось места даже для маленького мышонка. Она и решила оставить Пика про запас.

Сова отнесла его в лес и кинула в дупло, где у нее была кладовая. Она еще с осени натаскала сюда с десятков убитых мышей. Зимой добывать пищу бывает трудно, и даже таким ночным разбойникам, как сова, случается голодать.

Конечно, она не знала, что мышонок только оглушен, а то сейчас же проломила бы ему череп своим острым клювом. Обыкновенно ей удавалось приканчивать мышей с первого удара.

Пику повезло на этот раз.

Он благополучно спустился с дерева и юркнул в кусты.

Тут только Пик заметил, что с ним творится что-то неладное, дыхание вылетало у него из горла со свистом.

Раны не были смертельны, но совиные когти что-то повредили у него в груди, и вот он начал свистеть после быстрого бега.

Когда он отдохнул и стал дышать ровно, свист прекратился. Мышонок наелся горькой коры с куста и снова побежал - подальше от страшного места.

Мышонок бежал, а позади него оставалась в снегу тонкая двойная дорожка: его след.

И когда Пик добежал до поляны, где за забором стоял большой дом с дымящимися трубами, на след его уже напала лиса.

Нюх у лисы очень тонкий. Она сразу поняла, что мышонок пробежал тут только что, и пустилась его догонять.

Ее огненно-рыжий хвост так и замелькал меж кустов, и уж, конечно, она бежала гораздо быстрее мышонка.

ГОРЕ-МУЗЫКАНТ

Пик не знал, что лиса гонится за ним по пятам. Поэтому, когда из дома выскочили две громдные собаки и с лаем кинулись к нему, он решил, что погиб.

Но собаки, понятно, его даже не заметили. Они увидели лису, которая выскочила за ним из кустов, и кинулась на нее.

Лиса мигом повернула назад. Ее огненный хвост мелькнул в последний раз и исчез в лесу.

Собаки громадными прыжками пронеслись над головой мышонка и тоже пропали в кустах.

Пик без всяких приключений добрался до дома и шмыгнул в подполье.

Первое, что Пик заметил в подполье, был сильный запах мышей.

У каждой породы зверей свой запах, и мыши различают друг друга по запаху так же хорошо, как мы различаем людей по их виду.

Поэтому Пик узнал, что тут жили мыши не его породы. Но все-таки это были мыши, и Пик был мышонок.

Он так же обрадовался им, как Робинзон обрадовался людям, когда вернулся к ним со своего необитаемого острова.

Сейчас же Пик и побежал отыскивать мышей.

Но разыскать мышей здесь оказалось не так просто. Мышиные следы и запах их были всюду, а самих мышей нигде не было видно.

В потолке подполья были прогрызены дырки. Пик подумал, что мыши, может быть, живут там, наверху, взобрался по стенке, вылез через дырку и очутился в чулане.

На полу стояли большие, туго набитые мешки.

Один из них был прогрызен внизу, и крупа высыпалась из него на пол.

А по стенам чулана были полки. Оттуда доносились замечательно вкусные запахи. Пахло и копченым, и сушеным, и жареным, и еще чем-то очень сладким.

Голодный мышонок жадно набросился на еду.

после горькой коры крупа показалась ему такой вкусной, что он наелся прямо доотвала. Так наелся, что ему даже дышать стало трудно.

И тут опять в горле у него засвистело и запело.

А в это время из дырки в полу высунулась усатая острая мордочка. Сердитые глазки блеснули в темноте, и в чулан выскочила крупная серая мышь, а за ней еще четыре такие же.

Вид у них был такой грозный, что Пик не решился кинуться им навстречу. Он робко топтался на месте, и от волнения свистел все громче и громче.

Серым мышам не понравился этот свист.

Откуда взялся этот чужой мышонок-музыкант?

Серые мыши чулан считали своим. Они иногда принимали к себе в подполье диких мышей, прибежавших из лесу, но таких свистунов никогда еще не видали.

Одна из мышей броилась на Пика и больно куснула его в плечо. За ней налетели другие.

Пик еле-еле успел улизнуть от них в дырочку под каким-то ящиком. Дырочка была так узка, что серые мыши не могли туда пролезть за ним. Тут он был в безопасности.

Но ему было очень горько, что его серые родственники не захотели принять его в свою семью.

МЫШЕЛОВКА

Каждое утро сестренка спрашивала у брата:

- Ну что, поймался мышонок?

Брат показывал ей мышей, какие попадались ему в мышеловку. Но это были все серые мыши, и девочке они не нравились. Она даже немножко боялась их. Ей непременно надо было маленького желтого мышонка.

- Отпусти их, - говорила она грустно. - Эти не такие хорошие.

Брат уносил пойманных мышей. А в последние дни мыши что-то совсем перестали ему попадаться.

Удивительней всего было, что приманку кто-то съедал каждую ночь.

С вечера мальчик насадит пахучий кусочек копченой ветчины на крючок, насторожит тугие дверцы мышеловки, а утром придет - на крючке нет ничего, и дверцы захлопнуты.

Он уж и мышеловку сколько раз осматривал: нет ли где дырки? Но больших дырок - таких, через которые могла бы пролезть мышь, - в мышеловке не было.

Так прошла целая неделя, а мальчик никак не мог понять, кто ворует у него приманку.

И вот утром на восьмой день мальчик прибежал из чулана и еще в дверях закричал:

- Поймал! Гляди: желтенький!

- Желтенький, желтенький! - радовалась сестренка. - Смотри, да это же наш Пик: у него и ушко разрезано. Помнишь, ты его ножиком тогда?.. Беги скорей за молоком, а я оденусь пока.

Она еще лежала в постели.

Брат побежал в другую комнату, а она поставила мышеловку на пол, выскочила из-под одеяла и быстро накинула на себя платье.

Но когда она снова взглянула на мышеловку, мышонка там уже не было.

Пик давно научился удирать из мышеловки. Одна проволочка была в ней немножко отогнута. Серые мыши не могли протиснуться в эту лазейку, а он проходил свободно.

Он попадал в ловушку через открытые дверцы и сейчас же дергал за приманку.

Дверцы с шумом захлопывались, но он быстро оправлялся от страха, спокойно съедал приманку, а потому ходил через лазейку.

В последнюю ночь мальчик случайно поставил мышеловку у самой станки и как раз тем боком, где была лазейка, и Пик попался. А когда девочка оставила мышеловку среди комнаты, он выскочил и спрятался за большой сундук.

МУЗЫКА

Брат застал сестренку в слезах.

- Он убежал! - говорила она сквозь слезы. - Он не хочет у меня жить!

Брат поставил блюдечко с молоком на стол и принялся ее утешать:

- Распустила нюни! Да я его сейчас поймаю в сапог.

- Как в сапог? - удивилась девочка.

- Очень просто! Сниму сапог и положу его голенищем по стенке, а ты погонишь мышонка. Он побежит вдоль стенки, - они всегда у самой стенки бегают, - увидит дырку в голенище, подумает, что это норка, и шмыг туда! Тут я его и схвачу, в сапоге-то.

Сестренка перестала плакать.

- А знаешь что? - сказала она задумчиво. - Не будем его ловить. Пусть живет у нас в комнате. Кошки у нас нет, его никто не тронет. А молочко я буду ставить ему вот сюда, на пол.

- Всегда ты выдумываешь! - недовольно соказал брат. - Мне-то что? Этого мышонка я тебе подарил, делай с ним что хочешь.

Девочка поставила блюдце на пол, накрошила в него хлеба. Сама села в сторонку и стала ждать, когда мышонок выйдет. Но он так и не вышел до самой ночи. Ребята решили даже, что он убежал из комнаты.

Однако утром молоко оказалось выпитым и хлеб съеденным.

"Как же мне его приручить?! - думала девочка.

Пику жилось теперь очень хорошо. Он ел всегда вдоволь, серых мышей в комнате не было, и его никто не трогал.

Он натаскал за сундук тряпок и бумажек и устроил себе там гнездо.

Людей он остерегался и выходил из-за сундука только ночью, когда ребята спали.

Но раз днем он услышал красивую музыку. Кто-то играл на дудочке. Голос у дудочки был тонкий и желобный.

И опять, как в тот раз, когда Пик услышал "соловья-разбойника" жулана, мышонок не мог справиться с искушением послушать музыку ближе. Он вылез из-за сундука и остановился на полу среди комнаты.

На дудочке играл мальчик.

Девочка сидела рядом с ним и слушала. Она первая заметила мышонка.

Глаза у нее стали вдруг большие и темные. Она тихонько подтолкнула брата локтем и прошептала ему:

- Не шевелись!.. Видишь, Пик вышел. Играй, играй, он хочет слушать!

Брат продолжал дудеть.

дети сидели смирно, боясь пошевелистъя.

Мышонок слушал грустную песенку дудочки и как-то совсем забыл про опасность.

Он даже подошел к блюдцу и стал лакать молоко, точно в комнате никого не было. И скоро наакался так, что сам стал свистеть.

- Слышишь? тихонько сказала девочка брату. - Он поет.

Пик опомнился только тогда, когда мальчик опустил дудочку, и сейчас же убежал за сундук.

Но теперь ребята знали, как приручить дикого мышонка. Они тихонько дудели в дудочку. Пик выходил на середину комнаты, садился и слушал.

А когда он сам начинал свистеть, у них получались настоящие концерты.

ХОРОШИЙ КОНЕЦ

Скоро мышонок так привык к ребятам, что совсем перестал их бояться. Он стал овыходить без музыки. Девочка приучила его даже брать хлеб у нее из рук. Она садилась на пол, а он карабкался к ней на колени.

Ребята сделали ему маленький деревянный домик с нарисованными окнами и настоящими дверями.

В этом домике он жил у них на столе, а когда выходил гулять, по старой привычке затыкал дверь всем, что попадалось ему на глаза: тряпочкой, мяток бумажкой, ватой.

Даже мальчик, который так не любил мышей, очень привязался к Пику. Больше всего ему нравилось, что мышонок ест и умывается передними лапками, как руками.

А сестренка очень любила слушать его тоненький-тоненький свист.

- Он хорошо поет, - говорила она брату, - он очень любит музыку.

Ей в голову не приходило, что мышонок пел совсем не для своего удовольствия. Она ведь не знала, какие опасности пережил маленький Пик и какое трудное путешествие он совершил, раньше чем попал к ней.

И хорошо, что оно так хорошо кончилось.

СОВА

Соидит Старик, чай пьет. Не пустой пьет - молоком белит. Летит мимо Сова.

- Здорово, - говорит, - друг!

А Старик ей:

- Ты, Сова, - отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. ты от солнца хоронишься, людей сторонишься, - какой я тебе друг!

Рассердилась Сова.

- Ладно же, - говорит, - старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить, - сам лови.

А Старик:

- Вишь, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.

Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит.

Ночь пришла. на стариковом лугу мыши в норах свистят-перекликаются:

- Погляди-как, кума, не летит ли Сова - отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

- Не видать Совы, не слышать Совы. Наныче нам на лугу раздолье, нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы худа не вышло: мыши-то, говорят, на охоту пошли.

- А пускай идут, - говорит Старик. - Чай, мыши не волки, не зережут телки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнезда ищут, землю роют, шмелей ловят.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: все шмели твои разлетелись.

- А пускай летят, - говорит Старик. - Что от них толку: ни меду, ни воску, - волдыри только.

Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели гудят, с луга прочь летят, на клевер не плядят, цветень с цветка на цветок не носят.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: не пришлось бы тебе самому цветень с цветка на цветок переносить.

- И ветер разнесет, - говорит Старик, а сам в затылке скребет.

Поо лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадает цветень с цветка на цветок, - не родится клевер на лугу; не по нраву это Старику.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Корова твоя мычит, клеверу просит, - трава, слышь, без клеверу, что каша без масла.

Молчит Старик, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощать, стала молока сбавлять; поило лижет, а молоко все жиже да жиже.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Говорила я тебе: придешь ко мне кланяться.

Старик бранится, а дело-то не клеится. Сова в дубу сидит, мышей не ловит.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнезда ищут. Шмели на чужих лугах гуляют, а на стариков луг и не заглядывают. Клевер на лугу не родится. корова без клеверу тощает. Молока у коровы мало. вот и чай белить Старику нечем стало.

Нечем стало Старику чай белить, - пошел Старик Совет кланяться:

- Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручай: нечем стало мне, старому, белить чай.

А Сова из дупла глазищами луп-луп, ножищами туп-туп.

- То-то, - говорит, - старый. Дружно не грузно, а врозь хоть брось. Думаешь, мне-то легко без твоих мышейж?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей ловить.

Мыши со страху попрятались в норы.

Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.

Клевер красный стал на лугу наливаться.

Корова пошла на луг клевер жевать.

Молока у коровы много.

Стал Старик молоком чай белить, чай белить - Сову хвалить, к себе в гости звать, уваживать.

ЛЕСНОЙ КОЛОБОК - КОЛЮЧИЙ БОК

Жили-были старик со старухой - те самые, от которых Колобок укатился. Пошли они в лес. Старик и говорит старухе:

- Глянь-ка, старуха, никак под кустиком-то наш Колобок лежит?

Старик плохо видел, да и у старухи глаза слезились. Наклонилась она поднять Колобок - и наткнулась на что-то колючее. Старуха: "Ой!" - а Колобок вскочил на коротенькие ножки и покатил по дорожке.

Катится Колобок по дорожке, - навстречу ему Волк:

- Колобок, Колобок, я тебя съем!

- Не ешь меня, Серый Волк, я тебе песенку спою:

Я лесной колобок - колючий бок!

Я по коробу не скребен,

По сусеку не метен,

На сметане не мешен.

Я под кустиком рос,

Весь колючками оброс,

Я на ощупь нехорош,

Меня голыми руками не возьмешь!

Я от дедушки ушел,

Я от бабушки ушел,

От тебя, Волк, подавно уйду!

Волк рассердился - хватя его лапой! Колючки в лапу впились, - Волку, ой, больно! А Колобок подскочил и покатился по дорожке, - только его Волк и видел!

Катится Колобок, - навстречу ему Медведь:

- Колобок, Колобок, я тебя съем!

- Где тебе, косолапому, съесть меня!

Я лесной колобок - колючий бок!

Я по коробу не скребен,

По сусеку не метен,

На сметане не мешен.

Я под кустиком рос,

Весь колючками оброс,

Я на вкус нехорош,

Меня в рот не возьмешь!

Я от дедушки ушел,

Я от бабушки ушел,

Я от Волка ушел,

От тебя, Медведь, подавно уйду!
Медведь разозлился, хотел его в пасть схватить, - губы наколол, - ой, больно! А Колобок опять покатился, - только Медведь его и видел.

Катится Колобок, - навстречу ему Лиса:

- Колобок, Колобок, куда катишься?

- Качусь по дорожке.

- Колобок, Колобок, спой мне песенку!

Колобок и запел:

- Я лесной колобок - колючий бок!

Я по коробу не скребен,

По сусеку не метен,

На сметане не мешен.

Я под кустиком рос,

Весь колючками оброс,

Я кругом нехорош;

Как меня ты возьмешь?

Я от дедушки ушел,

Я от бабушки ушел,

Я от Волка ушел,

От Медведя ушел,

От тебя, Лисы, не хитро уйти!

И только было покатился по дорожке, - лиса его тихонечко, одними коготками, толк в канаву! Колобок - плюх! - в воду. Мигом развернулся, заработал лапками, - поплыл. Тут все и увидели, что это совсем не Колобок, а настоящий лесной еж.

РОСЯНКА - КОМАРИНАЯ СМЕРТЬ

Летел комар над прудом и трубил:

- Я - Комарище

Жигать мастерище,

Носом востер,

Зол и хитер.

Все меня боятся:

За всех умею взяться,

Зверя и птицы

Крови напиться.

Недруги ищут

Меня, Комарища,

А я удал:

Жиг! - и умчал.

Никому меня, Комара, не словить!

Услыхала его Стрекоза и говорит:

- Не хвались, комар, храбростью да ловкостью! В лесу дремучем на болоте топучем живет Росянка - Комариная Смерть. Изловит тебя, кровопийцу, Росянка.

- А вот не изловит! - говорит Комар.

Затрубил и полетел в лес.

Прилетел в лес дремучий, - видит: видит на сосне Копалуха. Перо у Копалухи плотное, ноги жесткие, нос костяной. Поди подступись к ней!

А Комар сел ей на бровь, - где перышек нет, изловчился, - жиг ее в бровь!

Сорвалась Копалуха с сосны, заклохтала, загремела крыльями по лесу!

А Комар увернулся, в сторону метнулся, повыше поднялся, летит, трубит:

- Не словила меня, Комара, Копалуха!

Летит по лесу дремучему, видит: в кустах Грибник пробирается, суковатым батожком подпирается, картузом от мошки отбивается. На теле у Грибника рубаха, на ногах - штаны, а внизу - сапоги. Поди подступись к нему!

Комар сел ему на нос, - где на коже нет ожежи, - изловчился, - жиг его в нос!

Вскрикнул Грибник, замахал батожком, грибы выронил.

А Комар увернулся, в сторону метнулся, повыше поднялся, летит, трубит:

- не словил меня, Комара, Грибник!

Летит по лесу дремучему, видит: из чащи Сохатый прет, бородой трясет, рогами дерева задевает, ногами бурелом сокрушает. Все тело Сохатого длинной шерстью поросло, а рога да копыта костяные. Поди-ка к нему подступись!

А Комар подлетел, на веко ему, - где шерсть коротка, - сел, - жиг в глаз!

Взревел Сохатый, рогом дерево с корнем вырвал, копытами землю взрыл.

а Комар увернулся, в сторону метнулся, повыше поднялся, летит, трубит:

- Не словил меня, Комара, Сохатый!

Летел-летел, глядит, - среди леса дремучего болото топучее. Никого на болоте нет, только мох кругом, а во мху малая Травинка растет.

Спустился Комар на олово, сел на Травинку.

Спрашивает Травинку:

- Уж не ты ли Росянка - Комариная Смерть?

Отвечает Травинка сладким голоском:

- Погляди, комар, на мои цветочки.

Поглядел Комар на цветочки. Белые цветочки в взеленых колокольчиках. Солнце за тучку,- цветочки в колокольчики. Солнце из тучки, - и цветочки выпянут.

Говорит Комар Травинке:

- Хороши у тебя цветочки! А не видала ты Росянки - Комариной Смерти?

Говорит Травинка сладким-пресладким голоском:

- погляди, комар, на мой колосок...

поглядел Комар на колосок.

Колосок прямой, зеленый, стройненький.

Говорит Комар Травинке:

- Ничего себе колосок. А не слыхала ты про Росянку - Комариную Смерть?

Говорит Травинка приторным голоском:

- Погляди, комар, на мои листочки!

Поглядел Комар на листочки. Круглые листочки лежат на земле, по краям их частые булабочки, на булабочках медвяная роса капельками.

Как увидел Комар ее капельки, - сразу пить захотел. Слетел на листок, опустил в каплю носок, стал росу медвяную пить.

Летела мимо Стрекоза, увидала Комара на листке и говорит:

- Попался Комар Росянке!

Хотел Комар крыльями взмахнуть, - крылья к листку пристали; хотел ногами шагнуть, - ноги увязли, хотел нос вытащить, - нос прилип!

Изогнулись гибкие булабочки, вонзились в комариное тело, прижали Комара к листику, - и выпила Росянка комариную кровь, как пил комар кровь звериную, птичью и человеческую.

Тут Комару и смерть пришла.

А Росянка и по сей день на болоте живет и других комаров к себе ждет.

МУЗЫКАНТ

Старый медвежатник сидел на завалинке и пиликал на скрипке. Он очень любил музыку и старался сам научиться играть. Плохо у него выходило, но старик и тем был доволен, что у него своя музыка. Мимо проходил знакомый колхозник и говорит старику:

- Брось-ка ты свою скрипку-то, берись за ружье. Из ружья у тебя лучше выходит. Я сейчас медведя видел в лесу.

Старик отложил скрипку, расспросил колхозника, где он видел медведя. Но не нашел даже и следа его.

Устал старик и присел на пнек отдохнуть.

Тихо-тихо было в лесу. Ни сучок нигде не треснет, ни птица голосу не подаст. Вдруг старик услышал: "Дзенн!.."

Немного погода яопять: "Дзенн!.."

Старик удивился:

"Кто же это в лесу на струне играет?!"

А из лесу опять "Дзенн!.." - да так звонко, ласково.

Старик встал с пенька и осторожно пошел туда, откуда слышался звук. Звук слышался с опушки.

Старик подкрался из-за елочки и видит: на опушке разбитое грозой дерево, из него торчат длинные щепки. А под деревом сидит медведь, схватил одну щепку шапой. Медведь потянул к себе щепку и отпустил ее. Щепка выпрямилась, задрожала, и в воздухе раздалось: "Дзенн!.." - как струкна пропела.

Медведь наклонил голову и слушает.

Старик тоже слушает: хорошо поет щепка!

Замолк звук, - медведь опять за свое: оттянул щепку и пустил.

Вечером знакомый колхозник еще раз проходит мимо избы медвежатника. Старик опять сидел на завалинке со скрипкой. Он пальцем дергал одну струну, и струна тихонечко пела: "Дзинн!". Колхозник спросил старика:

- Ну что, убил медведя?

- Нет, - ответил старик.

- Что ж так?

- Да как же в него стрелять, когда он такой же музыкант, как и я?

И старик рассказал клохознику, как медведь играл на расщепленном грозой дереве.

ПОДКИДЫШ

Мальчишки разорили гнездо каменки, разбили ее яички. Из разбитых скорлупок выпали голые, слепенькие птенчики.

Только одно из шести яичек мне удалось отобрать у мальчишек целым.

Я решил спасти спрятанного в нем птенчика.

Но как это сделать?

Кто выведет его из яйца?

Кто вскормит?

Я знал неподалеку гнездо другой птички - пеночки-пересмешки. Она только что отложила свое четвертое яичко.

Но примет ли персмешка подкидыша? Яйцо каменки ычисто-голубое. Оно больше и совсем не похоже на яички пересмешки: те - розовые с черными точечнами. И что будет с птенцом каменки? Ведь он вот-вот должен выйти из яйца, а маленькие пересмешки выклюнутся только еще дней через двенадцать.

Станет ли персмешка выкармливать подкидыша?

Гнездо персмешки помещалось на березе так невысоко, что я мог достать его рукой.

Когда я подошел к березе, персмешка слетела с гнезда.

Она порхала по ветвям соседних деревьев и жалобно посвистывала, словно умоляла не трогать ее гнрезда.

Я положил голубок яичко к ее малиновым, отошел и спрятался за куст.

Персмешка долго не возвращалась к гнезду. А когда, наконец, подлетела, не сразу уселась в него: видно было, что она с недоверием разглядывает чужое голубое яйцо.

Но все-таки она села в гнездо. Значит, приняла чужое яйцо. Подкидыш стал приемышем.

Но что будет завтра, когда маленькая каменка выклюнется из яйца?

Когда утром на следующий день я подошел к березе, с одной стороны гнезда торчал носик, с другой - хвост пересмешки.

Сидит!

Когда она слетела, я заглянул в гнездо. Там было четыре розовых яичка и рядом с ними - голый слепенький птенчик каменки.

Я спрятался и скоро увидел, как прилетела пересмешка с гусеничкой в клюве и сунула ее в рот маленькой каменке.

Теперь я был уже почти уверен, что пересмешка выкормит моего подкидыша.

Прошло шесть дней. Я каждый день подходил к гнезду и каждый раз видел торчащие из гнезда клювик и хвост пересмешки.

Очень меня удивляло, как она поспевает и каменку кормить, и высиживать свои яйца.

Я скорей отходил прочь, чтоб не помешать ей в этом важном деле.

На седьмой день не торчали над гнездом ни клювик, ни хвост.

Я подумал: "Все кончено! Пересмешка покинула гнездо. Маленькая каменка умерла с голоду".

Но нет, - в гнезде лежала живая каменка! Она спала и даже не тянула вверх головку, не разевала рта: значит, была сыта.

Она так вырнула за эти дни, что покрывала своим тельцем чуть видные из-под нее розовые яички.

Тогда я догадался, что приемыш отблагодарил свою новую мать: теплотой своего тельца он грел ее яички - высиживал ее птенцов.

Так оно и было.

Пересмешка кормила приемыша, приемыш высиживал ее птенцов.

Он вырос и вылетел из гнезда у меня на глазах.

И как раз к этому времени выклюнулись птенчики из розовых яичек.

Пересмешка принялась выкармливать своих родных птенцов - и выкормила их на славу.

АРИШКА-ТРУСИШКА

Колхозницы Федоры дочурку все Аришкой-Трусишкой звали. До того трусливая была девочка, - ну просто ни шагу от матери! И в хозяйстве от нее никакой помощи.

- Слышь, Аришка, - скажет бывало мать, - возьми ведерочко, натаскай из пруда воды в корыто: постираться надо.

Аришка уж губы надула:

- Да-а!.. В пруду - лягушки.

- ну и пусть лягушки. Тебе что?

- А они прыгучие. Я их боюсь.

Натаскает Федора воды сама, белье постирает:

- Поди, доченька, на чердаке белье развесь - посушиться.

- Да-а!.. На чердаке - паук.

- Ну и пусть паук.

- Он ползучий. Я его боюсь.

Махнет Федра рукой на дочь, сама на чердак полезет:

- А ты, Аришка, пока хть в чулан сходи, молока крынку принеси.

- Да-а!.. А в чулане - мыши.

- А хоть бы и так! Не съедят они тебя.

о- Они хвостатые. Я их боюсь.

Ну что с такой трусишкой поделаешь?!

Раз летом убрали колхозники сено на дальнем покосе в большом лесу.

Аришка от матери ни на шаг, цепляется за юбку, - работать не дает.

Федора и придумала:

- Ты бы, девушка, в лес сходила по малину. Тут в лесу страсть сколько малины. Хоть лукошко набери.

Аришка - первая в колхозе сластена. К ягодам липнет, как муха к сахару.

- Где, маменька, где тут малинка?

- Да вон на опушке. Идем, покажу.

Как увидела Аришка на кустах красные ягоды, так к ним и кинулась.

- Далеко-то в лес, слышь, не ходи, доченька, - наставляла Федороа. А напугаешься чего, - меня кличь. Я тут рядом буду, никуда не уйду.

Славно поработалось в тот день Федоре: ни разу ее из лесу Аришка не откликнула.

Пришло время полдничать. Только собралась Федора за дочуркой в лес, глядь - Аришка сама идет. Все щеки у нее в малиновом соку и в

руках полное лукошко ягоды.

- Умница, доченька! - обрадовалась Федора. - И где же это ты столько много ягоды набрала?

- А там подальше, за ручьем, в большом малиннике.

- Ишь расхрабрилась, куда забрела! Говорила ведь я тебе: далеко в лес не заходи. Как там тебя звери не съели?

- Какие там звери! - смеется Аришка. - Один медвежонок всего и был.

Тут уж Федоре пришел черед пугаться:

- Как... медвежонок?.. Какой такой медвежонок?..

- Да смешной такой, хорошенький. Мохнатый весь, носик черненький, а глазки селеные-зеленые!

- Батюшки-светы! И ты не испугалась?

- И не подумала! Я ему: "Здравствуй, Мишкук!" А он, бедненький, напугался - да на дерево от меня. Я ему кричу: "Слазь, Мишенька, слазь! Дай только поплажу!" А он выше да выше. Так и не слез ко мне. Поди, и сейчас на том дереве сидит, с перепугу-то.

У Федоры так сердце и оборвалось:

- А в кустах, доченька, никого там не заметила?

- Был кто-то, ходил, сучьями потрескивал да все ворчал толстым голосом. Тоже, верно, малинку собирал. Уж я звала-звала: "Дяденька, пособи медвежонка поймать!" Да не вышел он ко мне.

- Дитя неразумное! - всплеснула руками Федора. - Да ведь это не иначе, как сама медведиха кругом ходила, своего медвежонка берегла! Да как только она тебя насмерть не разорвала!

А колхозники, как такооое услышали, - сейчас подхватили кто топор, кто вилы - да в лес!

В малиннике за ручьем и на самом деле нашли медведицу. Только она им не делась, ушла от них с другим своим медвежонком.

А того медвежонка, что на дерево залез, колхозники изловили и Аришке в подарок на ремешке привели.

Случилось это все в прошлом году.

Теперь медвежонок с большого медведя вырос, а от Аришки ни на шаг, как бывало Аришка от матери. Сама Аришка - та все еще маленькая, только еще в первый класс пошла, а над партой ее чуть видно.

Мишука своего нисколько не боится, хоть он вон какое страшилище вырос: лошади от него шарахаются и трактор на дыбы становится.

Нынче уж Федорину дочурку никто Аришкой-Трусишкой не зовет, - все Аришей-с-Мишей величают. Она старательная такая стала, всем девчонкам в пример, матери помощница. И за водой на пруд, и в погреб, и на чердак ходит.

Вот и пойми ее, чего она раньше мышей-то боялась!

МУХА И ЧУДОВИЩЕ

Бабушка говорит: мало любить всякую животнику, ее пониать еще надо, - а это не так просто.

Удивляюсь прямо: что тут мудреного?

Один раз лежу в траве на солнышке, - загораю.

Вдруг - бац! - у меня перед носом села муха. На лист сирени. Да не простая муха - серая комнатная, а замечательно какая красивая. Майка на ней зеленая, трусы синие, все яркое, белстящее, в обтяжку, как облитое. Бывают такие блестящие мухи.

Села и сидит. Тоже, видно, загорать прилетела. И, видно, ей скучно: лениво так брюшко себе почесала задней ножкой и зевнула во всю пасть.

Хотя, может быть, это мне только так показалось, что пасть. Спорить не буду. По правде, я даже не знаю, есть ли у мухи пасть. надо будет как-нибудь через увеличительное стекло посмотреть. Хобот-то у муж есть: это простыми глазами видно. А раз есть хобот, - значит, должна быть и пасть: иначе куда же ей хоботом еду класть? Я слона видел. Он хоботом взял у мальчика булку и отправил ее себе в пасть. У него здоровая пасть. Наверное, и у мухи не хуже.

Ну, одним словом, вижу: мухе скучно сидеть одной на листе и загорать. И она очень обрадовалась, когда вдруг кто-то стал снгизу подниматься на лист.

Показалась зеленая гладкая голова с длинным кривым рогом и двумя ярко-красными глазами под ним. Потом толстая шея...

Муха было подскочила к ней, - а шея все вытягивается, вытягивается из-под листа - тиолстая, жирная, вся в перетяжках. Голова все выше, выше... и уставилась на муху своими красными глазами.

Муха - брык! - со всех ног и отскочила на дальний край листа. Я так и прыснул со смеху. Кричу ей:

- Струсила, струсила! - хотя, правда, рогатое чудовище и мне показалось довольно страшным.

Музе, конечно, стыдно. Она сделала вид, будто и не думала удирать, а так, отскочила только, чтобы удобнее было драться. Она поплевала себе в ладошки и стала засучивать рукава: "А ну, выходи на кулачки!"

Видели, как это мухи делают? Подождут передние ножки и ножкой об ножку сучат, - точь-в-точь рукава закатывают. Хотя раз майки и трусы у них - все это их собственное тело, то никаких рукавов у них и нет. А замечательно похоже это у них выходит!

Чудовище не двигалось.

Это придало мухе нахальства. Она опустила руки и на четвереньках бочком, бочком начала наступать на чудовище. Я подумал: "Вот это так здорово! Сейчас поднимается на самые задние ноги и разыграет дурачка на четыре кулачка! Вот это так бокс!"

Тут чудовище тихонько шевельнулось и направило свой кривог рог прямо ей в грудь.

Муха - стоп! Но не бежит. Размахнулась сразу двумя средними ножками и давай себя гладить по бедрам, по трусам, принаравливается, значит, с какой стороны удобнее наподдать.

Я понимаю, я все понимаю! Мальчишки у нас тоже так делают перед ракой. И вдруг - вот уж этого я сам не ожидал! - рядом с рогатой головой поднимается из-под листа вторая голова - тупорылая, такая же зеленая, только безрогая.

Муха как подскочит - жжж! - замахала крыльями - и драла по воздуху. Еще бы: сразу с двумя такими чудовищами биться! Всякий струсит.

Но вот тут-то самое смешное, вторая голова стала на ножки, за ней выпялилось, поднялось на лист все тело чудовища - и оказалось, что чудовище-то одно, а первая его голова, которая с рогом, свосем и не голова, а наоборот - хвост! Оказалось, это гусеница такая толстая сиреневый бражник, что ли, называется. И на хвосте у нее не глаза, а просто такие точки ркасные.

Значит, муха воевать с хвостом собиралась. Вот дуреха-то!

Я гусеницу скovyрнул себе в кепку и побежал скорей бабушке показать и рассказать про муху.

Бабушка стояла посреди избы и выгоняла мух в открытое окно. Машет полотенцем и кричит:

- Кыш, мухи! Кыш, кыш отсюда!

Я ей все рассказал, все объяснил, как было, даже сам показал, как муха рукава засучивала и по трусам себя гладила. А бабушка ну хохотать надо мной!

Вот уж не понимаю, что тут такого сомешного!

Прямо до слез додохоталась и говорит:

- Ох, и мастер ты у меня из мухи слона делать! Муха и раться-то не собиралась на кулачки, просто она чистилась. И совсем она не такая глупая; она лучше тебя, верно, знала, что это за чудовище лезет, где у него хвост, а где голова. Все то ты из себя выдумал, потому что по себе судишь. Подумай только, разве моухи дерутся на кулачки? У них и кулаков-то нет.

Вот подите поговорите с ней! Ну что она понимает в драке?

Я не стал с ней спорить, - пусть думает, что хочет. Я только сказал:

- Бабушка, а ты зачем кричишь: "ОКыш, омухи, кыш, кыш! из комнаты!"? Думаешь, они слова твои понимают?

Ну, бабушка мне ничего не ответила. А все-таки потом уж больше не кричала на мух: "Кыш, мухи, кыш!"

ВОДОЛЮБ В ЛЕСУ

Где-то за лесом всходило солнце, но в чаще все еще были сумерки.

Первой осветилась, заиграла яркими листьями зеленая крыша, потом солнечные лучи заглянули в тысячи окошек верхнего этажа леса. Спустились ниже и прогнали ночную тень с густой стены подроста и кустов. Осветили землю, изрытую корнями, заросшую травой и мхом. Наконец упали в подвал глубокую яму у подножия деревьев, пронизали воду. Солнце встало над лесом и заиграло на дне ямы мириадами разноцветных блискр и змеек.

Тогда из-под кучи гнилых листьев на дне выполз большой плоский жук водолюб. Солнечные зайчики заплясали на его гладкой черной с оливковым отливом броне.

Водолюб приподнялся на длинных задних ногах и, болтая ими вразнобой, стал медленно-медленно подниматься к поверхности воды. Теперь осветилась и грудь его, вся густо покрытая шелковым пушком, с острым шипом посередине.

Разбуженные солнцем поднимались кругом, принимались каждый за свое дело многочисленные жители лесного подвала. Медлительные улитки осторожно открывали дверцы своих витых домиков, высовывали мягкие головы с рожками, осторожно оглядевшись, вытягивали наружу все тело, потихоньку ползли по стеблям, сжимая и разжимая све брюхо-пятку. По разным направлениям сновали, вихляясь всем телом, хищные жучьи личинки: разыскивали себе дичь по силам. Бойкие гладыши, похожие на крепкотелых таракашек с двумя длинными ногами-веслами по бокам, молнией проносились на спине то вверх, то вниз, то вверх, то вниз. Проплыл страшный водяной скорпион, с широко раскинутыми клешнями, готовыми схватить, сжать, разорвать все, что попадетя живого.

Водолюб ни на кого не обращал внимания. Он чересчур силен и велик для всей этой щипшой мелочи, тело его надежно защищено от жал и клешней толстой броней. А сам он - покрадистый, мирный жук; он кормится себе подводной травкой и никого не трогает. Просто он слишком долго оставался под водой; ему надо подняться на поверхность, чтобы завестись воздухом.

Поднявшись до верха, он не выплыл наружу, - только выиснул из воды свои недлинные коленчатые усики с желобками.

Набрав в желобки воздуху, он опустил усики и вытер их о густой пушок на брюшке. Потом опять набрал воздуху, опять и опять вытер усики о брюшко, о грудь. И вот его стало не узнать: уж не рыжий пушок покрывал весь низ его тела, а блестящая, сверкающая серебром на солнце кольчуга из много множества крошечных воздушных пузырьков. Теперь он мог снова надолго погрузиться на дно. Но ему расходелось в воду. Утро было такое светлое, воздух такой легкий. И он был сыт.

Он вылез на плавучий лист и лег на нем - погреться на солнышке.

Мимо него по спокойной воде, как танцоры по блестящему паркету, скользили быстрые водомерки: узкое тельце палочкой, четыре тонких паучьих ноги крест-накрест, а две коротенькие - прижаты к

груди. Водомерки могут только бегать по поверхности воды: ни нырять не могут, ни по земле ходить.

Другое дело - капельные жучки - кружалки, живые и блестящие, как ртуть. Вот один выскочил из-под воды и завертелся, закружился на ней. Вот их уже два, уже много, - и все вместе кружат, и кружат, и кружат неугомонные. Такую волну подняли, что даже большой лист, на котором принимал солнечную ванну водолюб, слегка азкачался. Но чья-то легкая тень мелькнула над водой - и нет их, кружалов: все исчезли под воду.

А водолюб все лежит на своем листе и не замечает, что лист его давно прибило к берегу. Но вот голод дает себя знать. Пора под воду приниматься за еду. Жук поднимается на ножки, неловко переступая ими, подвигается к воде, к самому краю листа... но тут что-то темное проносится мимо него по воздуху - и ллюх в воду! Брызги летят во все стороны.

Водолюб видит, как, дружно и сильно гребя обеими задними ногами, быстро уходит под воду с неба упавший черный с оранжевой каймой по краям тела крупный плоский жук. Щищный жук - плавунец. Хоть он и поменьше водолюба, но все кончено: мирному водолюбу уже не жить спокойно в этой тихой лесной обители. От плавунца не спасет его и толстая броня. Плавунец знает, как его взять. Есть в броне на шее водолюба щель. Плавунец вопьется своими страшными челюстями-жвалами в эту единственную узкую полоску незащищенного тела - и уж не выпустит свою жертву. От водолюба останется одна пустая шкурка. Перепуганный водолюб поворачивает и ползет на берег: скорей, скорей надо подняться на крылья и лететь искать себе другую яму, тихое лесное убежище!

Но только он приподнял верхние тяжелобронированные крылья, - к нему сзади подбежал кулик-черныш - и тюк носом в самое основание крыльев! Водолюб так и ткнулся грудью в мягкую землю.

Зачем черныш это сделал, он и сам, верно, не знал, - просто так, шевелится что-то в траве, - надо клювом! А клюв-то у кулика слабый, тонкий, - где им рушить крепкую жучью броню; им только слизняков таскать из ила. Черныш ушиб себе нос. Разозлился - хватить жука поперек тела, мотнул головой - и водолюб отлетел далеко в траву.

Он упал на спину и долго ворочался, помогая себе всеми ногами. Наконец перевернулся, хотел разнять крылья - и не мог: что-то, видно,

ему повредил черныш своим глупым ударом. Придется отправляться ползком разыскивать воду.

Долго полз он, с трудом пробираясь в густой траве. Здесь он не мог прятаться, как прятался у себя в воде, вплавь: нырнет на дно и залезет под какую-нибудь щепку или корягу. А опасных врагов кругом много: здесь, в первом этаже леса, ползали змеи, бегали ящерицы, ходили в траве тетерева, а дальше - во мху - белые куропатки. И хотя эти лесные куры разыскивали здесь ягоду - землянику, чернику, гоноболь, - но и они не пропустили бы случая попробовать расклевать даже и такого крупного жука. Носы-то у них покрепче куличьих.

Но, к счастью, никто из них не заметил его, а для снующих по земле мышей и живущих здесь мелких птиц - лесных коньков, нежных пеночек-трещоток и весничек, для бойкого подкоренника - он был слишком велик. Птички эти испуганно взлетали при его приближении.

Но зоркий глаз уже следил за ним сверху - из окон второго этажа. Там, в густой чаще молодых лх, осин, берез и елочек, сидела у своего гнезда вороватая сорока. Сквозь отверстия в листве она видела все, что творится внизу.

Она взлетела, лавируя между частых ветвей короткими крылышками, скользнула вниз, ловко выхватила жука из травы и вернулась с ним в чашу. Там она сунула свою добычу птенцам и - непоседа - сейчас же опять куда-то улетела.

Не рассчитала сорока! Ее потенцы были еще слишком малы для такой добычи. Напрасно они клевали жука со всех сторон; их клювы скользили по гладкой его броне, не причиняя ему никаких повреждений. Водолюб работал ногами, полз к выходу, - и сорочата не могли его остановить.

Ноги водолюба вооружены острыми шипами. Ему трудно было пробираться по мягкой подстилке сорочьего гнезда - подстилке из тонких корешков и травинок. И все-таки он добрался до твердого лотка из высохшей глины и по нему быстро вылез в широкий чердак гнезда.

Сорочье гнездо снаружи - это круглая, плотная снизу и рыхлая сверху постройка из сучьев. Оно помещалось на березке. Водолюб

взобрался по сучьям на его дырявую крышу. Тут он опять попробовал полететь, - и опять ему не удалось разнять крылья.

Между тем в этом среднем, втиором этажке леса он был еще беспомощнее, чем внизу, на земле: ведь он совсем не умел лазать вверх и вниз по ветвям и стволам, как какие-нибудь усачи и другие древесные жуки.

Он кое-как перелез с крыши гнезда на толстую ветку и, прижимаясь к ней брюхом, пополз прочь. Но ветка становилась все тоньше к концу, - и он остановился. Вперед некуда было ползти, а падать вниз было очень страшно: ведь там была земля, а не вода.

В среднем этаже леса жило много птиц. Тут помещались гнезда мухоловок, зябликов, горихвосток, дятлов, синиц. Правда, эти птицы не были опасны ему: ни одна из них не употребляла в пищу бронированных водяных жуков. Но кто знает, чей хищный взгляд привлечет он, большой черный жук, открыто сидящий на ветке белой березы?

В крыльях, в одних только его крыльях, было единственное спасение. Но спина все еще не отошла после удара, и крылья не действовали.

Вдруг ветка под водолюбом шибко закачалась. Он начал осторожно поворачиваться, чтобы посмотреть, что там позади него. Жук ведь не может просто повернуть голову, как птица или как зверь: у жуков нет шеи. Но тут что-то рыхлое мелькнуло перед ним, и рыжий туман мгновенно окутал его. Кто-то рванул его, перевернул два раза через голову и помчал куда-то в рыжем вихре. Жук чувствовал, что несется по воздуху.

Это была белка. Она и не думала нападать на него, даже не заметила его. Просто перебежала по ветке, на которой он сидел, и сама ужасно струсила, почувствовав, как что-то колючее и живое вцепилось ей в хвост, в пушистые волосы.

Минуту назад она осторожно подбиралась к ксорочьему гнезду: нельзя ли стащить одного-другого птенчика, пока хозяйки нет дома? Летом белки частенько устраивают себе мясные обеды. Теперь - насмерть перепуганная она мчалась по лесу, сумасшедшими прыжками перелетала с дерева на дерево, с конца одной ветки на конец другой. Упругие ветки сгибались под ней, потом высоко подбрасывали, - и она, как птица, перелетала по воздуху. В несколько

секунд она очутилась в верхнем этаже леса, где постоянно жила и пряталась от опасностей. Тут было ее гнездо - гайно - и , чувствуя, что кто-то все еще держит ее за хвост, она поспешила схорониться в своем домишке. Здесь она повернула хвост набок и так сильно принялась скрести его лапками, что колючее страшилище живо отвалилось от нее, выдрав при этом из хвоста сотню-другую шерстинок. Бросив врага в найне, белка выскочила наружу и, все еще чувствуя сильную боль в хвосте, помчалась дальше по лесу - в самую глубь его.

А вдолдуб живо пришел в себя.

беличье гайно представляло собой плотный шар, снаружи из всучьев, как у сороки, а внутри из мха и мягкой шерстки. шипы на ногах у жука цеплялись за свалившуюся в войлок шерсть, и много усилий пришлось ему потребить, чтобы вылезти из найна и всекарабкаться на его крышу.

Гайно помещалось на высокой ели в верхнем этаже леса. Отсюда, с его крыши, был широкий кругозор, и много любопытного мог бы увидеть водолюб, если бы умел озираться и не был близорук, как все жители водяного подвала.

Сквозь густые ветви ели он мог бы разглядеть тех, кто жил на чердаке под крышей леса. И, наверное, в страхе поспешил бы куда-нибудь спрятаться, потому что жили здесь все больше хищные птицы: здесь были гнезда ястребов и соколов.

Но водолюб ни о чем не думал и хотел только одного: поскорее найти воду. И он опять попробовал разнять крылья.

Оттого ли, что боль в спине от удара черныша теперь прошла, оттого ли, что здорово потрепала его хвостом белка, - только вдруг спина его как бы развалилась пополам и над ней приподнялись два бронированных корыта дном вверх. Это было все, что требовалось; после этого ему уже ничего не стоило поднять и расправить длинные мягкие нежные крылышки, сложенные под жесткими верхними. Жук привел их в движение; они часто-часто задрожали; послышалось жужжанье, - все громче и гуще, - он поднялся на задние ноги и так - стоймя - полетел. Верхние жесткие крылья остались неподвижными, как невсущие плоскости самолета; нижние работали, как два мотора.

Водолюб поднялся над крышей леса, - сразу же вдали, за опушкой, даже его близорукие глаза заметили слепящий блеск воды. И он направил в ту сторону свой полет.

Он летел быстро и прямо, как камешек, брошенный сильной рукой. Лес под ним уходил назад и вот уже кончился. Впереди были только отдельные деревья, дорога, телеграфные столбы и за ними блестела вода - пруд. Еще минута - и он будет опять в воде, избавится от всех напастей. Но, на беду себе, он так громко жужжал крыльями в полете...

Сидевший спиной к нему на телеграфном столбе небольшой длиннохвостый сокол услышал приближающийся звук - и обернулся.

Это был сокол - специалист по ловле мышей и насекомых: рыжая, в черных и светлых полосах-крапинах пустельга. Она отлично умела хватать на лету кузнечиков, стрекоз, жуков. Она увидела водолюба, легко снялась и стрелой понеслась в погоню за ним.

Пустельга настигла водолюба, когда он был уже над берегом пруда и стал снижаться.

Он почувствовал только, что кто-то схватил его сзади в пасть, и крылья его перестали работать: моторы выключились, несущие плоскости сами собой сложились.

А пустельга почувствовала невыносимую боль во рту: острые шипы задних ног жука пронзили ей насквозь язык.

Вскрикнул от боли, пустельга выпустила жука из клюва.

Водолюб не успел расправить крылья и камешком полетел вниз.

Упади он на твердую землю, - он разлетелся бы на куски. Но он с разлету угодил в воду и мягко погрузился до половины ее глубины. Заработал ногами и плавно опустился на дно.

Там он сейчас же заполз под кучу гнилых листьев: с него было достаточно приключений, он опять был дома и хотел отдохнуть.

Там, в этом пруду, можете, если захотите, и сейчас его видеть. Ему там очень понравилось, потому что в этом пруду нет страшных жуков плавунцов - его главных врагов под водой - и много вкусных водорослей и подводных трав.

Да и не только в этом - в любом почти пруду, даже просто в яме с водой, можете летом увидеть водолюба. Можете поймать его и держать дома в большой банке с водой и растениями из того пруда, где его взяли. Кормить его можно хлебными крошками, он очень любит булочку. Только ловите его чачком, а то в кровь израните себе пальцы об его острые шипы.

И не забудьте сверху завязать банку марлей: улетит!

АНЮТКИНА УТКА

От осенних дождей разлилась вода в запруде.

По вечерам прилетали дикие утки. Мельникова дочка Анютка любила слушать, как они плещутся и возятся в темноте.

Мельник часто уходил на охоту по вечерам.

Анютке было очень скучно сидеть одной в избе.

Она выходила на плотину, звала: "Уть, уть, уть!" - и бросала хлебные крошки в воду.

Только утки не плыли к ней. Они боялись Анютки и улетали с запруды, свистя крыльями.

Это огорчало Анютку.

"Не любят меня птицы, - думала она. - Не верят мне".

Сама Анютка очень любила птиц. Мельник не держал ни кур, ни уток. Анютке хотелось приручить хоть какую-нибудь дикую птицу.

Раз поздним осенним вечером мельник вернулся с охоты. Он поставил ружье в угол и сбросил с плеч мешок.

Анютка кинулась разбирать дичь.

Большой мешок был набит стреляными утками разных пород. Анютка всех их умела различать по величине и блестящим зеркальцам на крыльях.

В мешке были крупные кряковые утки с фиолетово-сиреневыми зеркальцами. Были маленькие чирки-свистунки с зелеными зеркальцами и трескунки - с серыми.

Анютка одну за другой вынимала их из мешка, считала и раскладывала на лавке.

- Сколько насчитала? - спросил мельник, принимаясь за похлебку.

- Четырнадцать, - сказала Анютка. - Да там будто еще одна есть!

Анютка запустила руку в мешок и вытащила последнюю утку. Птица неожиданно вырвалась у нее из рук и быстро заковыляла под лавку, волоча разбитое крыло.

- Живая! - вскричала Анютка.

- Давай ее сюда, - велел мельник. - Я ей живо шею сверну.

- Тятенька, отдай утку мне, - попросила Анютка.

- На что она тебе? - удивился мельник.

- А я ее вылечу.

- Да это ж дикая! Она не станет жить у тебя.

Пристала Анютка, отдай да отдай, - и выпросила утку.

Стала кряква жить в запруде. Анютка привязала ее за ногу к кусту. Хочет утка - в воде плавает, захочет - на берег выйдет. А больное крыло Анютка ей чистой тряпочкой перевязала.

Подошла зима.

По ночам воду стало затягивать ледком. Дикае утки больше не прилетали на запруду: улетели на юг.

Анюткина кряква стала тосковать и мерзнуть под кустом.

Анютка взяла ее в избу. Тряпочка, которой Анютка перевязала утке крыло, приросла к кости да так и осталась. И на левом крыле кряквы теперь было не синее с фиолетовым отливом зеркальце, а белая тряпочка. Так Анютка и назвала свою утку: Белое Зеркальце.

Белое Зеркальце больше не дичилась Анютки. Она позволяла девочке гладить ее и брать на руки, шла на зов и брала еду прямо из рук. Анютка очень была довольна. Ей не было теперь скучно, когда отец уходил из дому.

Весной, как только растаял лед на реке, прилетели дикае утки.

Анютка опять привязала Белое Зеркальце на длинную веревку и пустила в запруду. Белое Зеркальце веревку стала щипать клювом, кричала и рвалась улететь с дикими утками.

Анютке стало жалко ее. Но жалко было и расставаться с ней. Однако Анютка рассудила так, "Что ж силком ее держать? Крыло у ней зажило, весна, она хочет детей выводить. А вспомнит меня, так вернется".

И отпустила Белое Зеркальце на все четыре стороны.

А отцу сказала:

- Ты, как будешь уток бить, зорко гляди, не мелькнет ли на крыле белая тряпочка. Не застрели Белое Зеркальце!

Мельник только руками всплеснул:

- Ну, хозяйка! Сама свое хозяйство разоряет. А я думал: вот съезжу в город, селезня куплю, - Анюткина утка детей нам выведет.

Смутилась Анютка:

- Ты ничего мне про селезня не говорил. Да ведь, может, не поживется Белому Зеркальцу на воле, так она еще назад воротится.

- Дура ты, дура, Анютка! Где ж это видано, чтобы дикая птица назад в неволю ворочалась? Как волка ни корми, он все в лес смотрит. Попадет теперь твоя утка ястребу в когти - и поминай как звали!

Тепло прибывало быстро. Река разлилась, затопила кусты на берегу. Полилась вода дальше, затопила лес.

Уткам плох-о пришлось в тот год: пора нестись, а земля вся в воде негде гнезда выстроить.

Зато Анютке весело: лодка есть - плыви куда хочешь.

Поплыла Анютка в лес. Увидала в лесу старое дуплистое дерево.

Стукнула веслом по стволу, а из дупла кряковая утка - шась! - и прямо на воду у самой лодки. Повернулась боком. Анютка глядит - и глазам не верит: на крыле белая тряпочка! Хоть грязная стала, а все заметна.

- Уть, утоь! - кричит Анютка. - Белое Зеркальце!

А утка - от нее. Плещется в воде, словно подшибленная.

Анютка - за ней на лодке. Гналась, гналась - уж из лесу выбралась. Тут Белое Зеркальце поднялась на крылья жива-здоровешенька - и назад в лес.

"Хитришь ты! - думает Анютка. - Да меня не проведешь: ведь это ты от гнезда меня отводишь!"

Вернулась назад, разыскала старое дерево.

Заглянула в дупло, - а там, на доньшке, двенадцать продолговатых яиц зеленоватого цвета.

"ОИшь, хитрая! - думает Анютка. - Ведь вот где догадалась гнездо устроить, чтобы водой не достало!"

Вернулась Анютка домой, отцу рассказала, что Белое Зеркальце в лесу видела, а про дупло - молчок. Побоялась, как бы мельник гнезда не разорил.

Скоро вода спала.

Анютка заметила, что Белое Зеркальце в полдень летает на реку кормиться. Тепло в этот час, и яйца в гнезде не стынут.

Чтобы не пугать даром птицу в гнезде, Анютка забегала прежде на реку. Знала уж, где в кмышах любила кормиться Белое Зеркальце. Уверится, что здесь утка, и бежит в лес глядеть, - не вывелись ли в дупле утята?

раз Анютка только высмотрела на воде Белое Зеркальце, - вдруг мчится по воздуху большой серый ястреб - и прямо на утку.

Вскрикнула Анютка, да уже поздно: ястреб впился когтями в спину Белому Зеркальцу.

"Пропала моя уточка!" - думает Анютка.

А Белое Зеркальце нырк под воду - и ястреба за собой потащила. Ястреб окунулся с головой. Видит - дело плохо: не совладать ему под водой с уткой. Разжал когти и улетел.

Анютка так и ханула:

- Ну, умница! Что за умница! Из ястребиных когтей вырвалась!

Еще прошло несколько дней.

Прибежала Анютка на реку, - нет Белого Зеркальца!

Спряталась в кусты, набралась терпенья - ждет.

Наконец летит утка из лесу; в лапах у нее желтенький комок.

Спустилась на воду.

Глядит Анютка: рядом с Белым Зеркальцем пушистый желтенький утенок плавает.

"Вывелись утятки! - обрадовалась Анютка. - Теперь Белое Зеркальце всех из дупла на речку перетаскает".

Так и есть: утка поднялась и полетела в лес за другим птенцом.

Анютка овсе сидит под кустом, - ждет, что дальше будет.

Вылетела из лесу ворона. Летит, по сторонам поглядывает, - где бы чего на обед промыслить?

Заметила у берега утенка - стрелой к нему. Раз, раз! - клювом по голове, убила, разорвала на куски и съела.

Анютка остолбенела - и кникнуть не догадается. Ворона опять в лес - и спряталась на дереве.

А Белое Зеркальце летит уже со вторым утенком.

Спустила его на реку, ищет первого, кричит - зовет. Нет нигде!

Плавала, плавала, все камыши обшарила, - нашла только пух. Поднялась на крылья и помчалась в лес.

"Ах, глупая! - думает Анютка. - Опять ведь ворона прилетит, твоего утенка разорвет".

Не успела подумать, глядит: утка круг дала, подлеж\тела из-за кустов назад к реке, шмыгнула в камыш - и спряталась там.

Через минуту летит ворона из лесу - и прямо к утенку.

Тюк носом! - и давай рвать.

тут Белое Зеркальце выскочила из камыша, коршуном налетела на волрону, схватила за горло и тащит под воду.

Закружились, заплескали птицы крыльями по воде - только брызги летят во все стороны!

Анютка выскочила из-под куста, глядь: Белое Зеркальце в лес улетает, а ворона мертвая на воде лежит.

Долго не уходила Анютка с реки в тот день. Видела, как Белое Зеркальце остальных десять утят в камыш перетаскала.

Успокоилась Анютка.

"Теперь, - думает, - не боюсь я за Белое Зеркальце: она и за себя постоять умеет и детей своих в обиду не даст".

Пришел август месяц.

С утра на реке палили охотники: начиналась охота на уток.

Весь день Анютка не находила себе места: "А ну как убьют охотники Белое Зеркальце!"

С темнотой палить перестали.

Анютка забралась на сеновал спать.

Только заснула, вдруг голоса на дворе.

- Кто тут? - мельник кричит из избы.

- Охотники! - отвечают.

- Чего вам?

- Пусти на сеновале переночевать!

- Ночуйте, пожалуй. Да смотрите, как бы огня не заронить в сено!

- Не бойсь! Некурящие.

Заскрипели двери сарая, и охотники полезли на сено.

Анютка забилась в угол, сама слушает.

- Здорово набили! - говорит один охотник. - У тебя сколько?

- Шесть штук, - отвечает другой. - Все шлепунцы.

- У меня восемь. Одну было матку чуть не стккнул. Собака нашла выводку. Матка поднялась, пляжу: что-то бедто белое у нее на крыле, вроде бы - тряпочка. Рот разинул да и прозевал. Двух молодых собака задавила с этой выводки. Айда утром опять на то место: матку убьем - шжбпунцы все наши будут!

- Ладно, пойдём!

Лежит Анютка в сене ни жива ни мертва. Думает:

"А\Так и есть! Нашли охотники Белое Зеркальце с утятами. Как быть?"

Решила Анютка ночь не спать, а чуть свет бежать на реку, - не дать охотникам Белое Зеркальце убить.

Полночи ворочалась, сон от себя гнала.

А под утро сама не заметила, как заснула.

Просыпается, а уж на реке палят.

- Нет больше моего Белого Зеркальца! Убили тебя охотники!

Идет к реке, ничего перед собой не видит: слезы свет застилают.

Дошла до плотины, думает:

"Вот тут моя уточка плавала. И зачем я ее отпустила?!"

Глянула на воду, - а по воде Белое Зеркальце плывет и восемь утяток за собой ведет.

Анютка: "Уть, уть, уть!"

А Белое Зеркальце: "Ваак! Ваак!" - и прямо к ней.

Палят на реке охотники. А утка с утятами у самой мельницы плавает. Анютка хлеб крошит, в воду им бросает.

Так и осталась Белое Зеркальце жить у Анютки в запруде. Поняла, видно, что Анютка в обиду ее не даст.

Потом птенцы подросли, летать научились, разбрелись по всей речке.

Тогда и Белое Зеркальце с запруды улетела.

А на следующий год, только вывела желтеньких утят, сейчас привела их в запруду - и к Анютке.

Теперь уж все охотники кругом Белое Зеркальце знают, не трогают ее и зовут Анюткиной уткой.

СИЛА НАШЕГО ГОЛОСА

Громоподобный рык льва, рев медведя, жуткий вой волков приводят в содрогание животных.

Но страшнее человеческого голоса ничего нет для зверей и птиц. И если хочешь посмотреть их тайную жизнь, не кричи в лесу, не разговаривай, будь нем.

Нынче весной повел моего знакомого на глухариный ток один старый егерь. По дороге разговорились. Знакомый мой выразил удивление, что подходили они к току посуху. В это время весной всюду сыро, а глухари обычно токуют на болотах, и подходить к ним зачастую приходится по колено в воде.

Егерь усмехнулся:

- Моих это стараний дело. Токовали у нас глухари в самой середке мохового болота, а я их сюда, в сосновый бор, перевел.

- Как же вы это сделали? - спрашивает знакомый.

- А делается это вот как. Шататься по токовищу, показывать себя глухарям, из ружья палить, - ничего этого не требуется; Глуханрь

затаится, пропустит тебя - и опять за свое примется. А если и сгонишь, на завтра сюда же вернется. Отваживать глухаря от места надо голосом.

Прихожу я на токовище с вечера, сажусь и жду, когда все певчие птицы смолкнут и станет в лесу тишина.

Тут слышно мне: стук! - в одном месте, стук! - в другом, стук! - в третьем. Это глухари на свое токовище слетаются, ночевать тут будут.

Жду, пока все усядутся, успокоятся.

Тогда встаю, поворачиваюсь на север, на восток, на юг, на запад - и всякие слова говорю: в полночь в лесу далеко слышен человеческий голос.

Так два-три вечера подряд, и уж знаю: ни одного глухаря, ни одной глухарки на этом токовище не останется. Выберут себе другое место. Слетятся с вечера, а я им и там наговорю. И так, пока не соберутся туда, куда мне надобно.

Вот ты и помни: на токовище прыгай себе, стреляй, но голоса подавать не смей: не выдерживает человеческого голоса глухарь.

А недавно рассказал мне один колхозник совсем удивительный случай:

- Была, - говорит, - у нас в колхозе девочка, Клашкой звали. Первая на деревне ягодница, а уж и трусиха - поискать такую. Тринадцатый год девчонке, а от подружек в лесу - ни шагу. Зверь ей под каждым кустом чудится.

Раз собираюсь я в лес за диким медом. И привяжись ко мне эта девчонка, Клашка-то: "Возьми, дяденька, с содбой. В лесу малина поспела. Я около тебя посбираю".

Кричит через улицу, а голос у ней до того пронзительный - хоть уши затыкай!

"Ладно, - говорю, - иди. Замолчи только, сделай милость. И уговор: в лесу чтобы нислова лишнего, не то брошу и уйду. Не терплю я в лесу разговора".

Ну, пдет, молчит как воды в рот набрала. Довел ее до малинника и говорю: "Собирай себе ягоду, ничего не бойся: я тут рядом буду. На дерево полез, там соты пчелиные в дупле".

Полубубок овчиной вверх вывернул, напялил на себя - от пчел это, - и пошел.

Думал - рядом дерево-то, а не ошибся маленько: в стороне оно оказалось. А все равно малинник-то видать сверху.

Ну, тут пчелы за меня принялись - некогда по сторонам глядеть. А Клашка-то не знает, где я, ей боязно. Ягоду берет, а сама нет-нет, да и опьянется.

С полчаса не прошло, совсем оробела девчонка. Окликнуть меня не смеет: велел ведь я ей, чтобы молчала. Не стерпела страху, пошла меня искать.

Совсем мало и прошла, слышит, - кто-то на дереве возится. Глянула: вывернутый пошубубок меж листьев виднеется.

До того обрадовалась, что и запрет мой позабыла. Как крикнет: "Скинь соточку, дяденька!"

А "дяденька" как охнет, сучья-то под ним как затрещат! Клашка чуть отскочить успела, как он прикатил сверху-то - да бряк оземь! Клашка не своим голосом: "И-их!" - и, как сноп, повалилась без памяти.

Я-то со своего дерева слышу, как она крикнула, потом визгнула. Думаю: "Что там такое с ней приключилось?" Окликнул, - молчит! Слез поживей, бегу, - мать родная! - лежит Клашка, в лице ни кровинки, а рядом с ней кто бы, думаешь? - медвеоь! Здоровый медведище. И мертвый, как колода. Вот штука-то!

Зачерпнул я водицы из лужи, давай прыскать девчонке в лицо. Маленько погода оклемалась, глаза открыла.

Я медведя-то от нее загородил и нарочно сердито так на нее: "Ты что, - говорю, - визжишь? Сказано ведь: нишкни в лесу!.."

Она: "Да я, дяденька... Да там зверь, кажись..."

А я ей: "Вот то-то, что зверь! Был бы человек, так-то не испугался бы. Визганула, что из медведя и дух вон! Гляди, чего наделала".

Сам отступил шаг да пнул мишку в бок.

Ну, девчонка видит: окончательно мертвый зверь. Совесть в ней заговорила: как это она такого большого медведя своим голосом кончила.

Ну, страх-то и прошел у ней.

ПРЯТКИ

ХОРОНУШКИ

Прятки - или, по-нашему, по-новгородски сказать, хоронушки - игра не ожним людям, всему свету известная. Лесом идешь, - много

глаз на тебя глядит; за каждым шагом твоим следят. А ты и не видишь, кто с тобой в прятки играет.

не далее как прошлой осенью один случай был у нас в колхозе.

Вечером затеяли пятеро наших ребяташек - Ваня, Маня, Таня, Паня и Саня - игру у сеного сарая. Им бы спать пора ложиться: сумерки уже начинаются. ребяташки-то все мелкие, - долго ли до беды!

Как водится у нас, стали в круг, каждый свои два кулачка перед собой выставил. Сосчитались:

Шла кукушка мимо сети,

А за нею - злы дети.

И кричали: "Ку-ку! Мяк!

Убирай один кулак".

На кого "мяк" выпадает, тот один кулачок убирает.

Потом по второму разу считаются, по третьему, - пока у последнего один кулачок не останется. Этому, значит, водить.

Водить выпало Ване.

Ваня взял палочку-выручалочку, встал носом к стенке сарая, локтем глаза себе закрыл. Стоит выкрикивает:

Раз, два, три, четыре, пять,

Я иду искать!

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь,

Я иду совсем!

Раз, два, три, четыре... десять,

Я иду на целый месяц.

Когда все до конца выкрикнул, палочку к стенке приставил и поскорее обернулся.

ребятишки давно успели схорониться - кто куда. Никого нет.

Только - плядь! - чьи-то босые ноги - брык! брык! - под сарай лезут, под дальний угол. И пропали там.

- Вижу, вижу! - закричал Ваня - и бегом к тому углу.

А в это время из-за другого угла сарая - Таня с Паней, а из-под куста - Маня. И к палочке-выручалочке.

Стук, стук, стук! - и все трое "дома".

ну, да Ваня на них только рукой махнул: пускай! Одного-то он приметил, - уж этот от него не уйдет.

Добежал до угла.

- Вылазь! - кричит в дыру под сараем. - Вылазь, Санька, вижу!

Сам, конечно, ничего не видит, потому что под сараем яма, а в яме темно. Да ведь чьи-то ноги под сарай лезли? Лезли. Чьи же, как не Санькины? Девчонки уже все "дома".

А тут сам Санька выскакивает в сторонке из канавки - и бегом к палочке-выручалочке.

надо бы и Ване скорей к ней, - чтобы первому постучать, - да он растерялся.

Как же так: ведь Санька под сараем сидит!

И Ваня еще раз крикнул в дыру:

- Вылазь, Санька! Все равно - вылазь!

Девчонки так со смеху и покатались.

А Саня уж у палочки - стук, стук, стук! - и кричит:

- Вот он - я! Води-ка в другой раз.

Тут Ваня опомнился.

А от угла не идет.

- Ребята, - говорит, - тут что-то не так. Тут с нами еще кто-то в хоронушки играет. Вот сюда залез, - я своими глазами видел.

ребятишки к нему.

Он стоит белый, как береза, глаза большие, и шепчет:

- Вот тут, вот тут сидит... Я ноги видел. Лезет - ногами брыкается. ребятишкам стало не по себе.

Сумерки гуще. Лес рукой подать - и стоит темный, страшный. В лесу волки, медведи и - как знать? - кто еще.

неизвестно, кто под сарай забрался. Сидит там...

Санька - боевой парнишка - как крикнет толстым голосом:

- Кто там в яме? Объявись!

А под сараем как шебуршнет!..

Таня, Паня, Маня как взвизгнут, как припустят бежать!

Зорошо, - на меня набежали: как раз я из лесу шел - с охоты. Еле их остановил.

Рассказали мне, как все было.

Вижу - дело серьезное. Пошел к сараю. Девчонки за мной - издали.

Саня с Ваней стоят у угла - в руках уже колья у них: хотят в яму толкать.

- Обождите, - говорю. - Погляжу раньше.

Поставил я ружье к стенке, опустился на четвереньки, чиркнул спичку.

батюшки-светы, кто под сараем-то сидит!

Я руку туда - и цоп его за уши!

Уж как он ни брыкался, - так за уши и вытащил его ребятишкам:
- Видали, кого струсили?

Заяц, здоровый русачина! Вот глупый, куда схорониться вздумал.

Косой этот всю зиму потом у девчонок в зибе жил. Совсем ручной стал. Девчонки его так Санькой и прозвали. Забьется бывало под печь, - спит там. А крикнут ему: "Санька, вылазь! Вылазь, Санька!" - сейчас и выскочит. Дескать, не дадут ли капустки?

Не очень-то, значит, глупый.

Да уж там глупый не глупый, а тот раз маху дал: чем ему с ребятишками в хоронушки играть, под сарай лезть, - сыграл бы лучше с ними в догонялки. Припустил бы назад к лесу, откуда пришел, - кто б его догнал?

Он ногастый.

СИЛА НЕ БЕРЁТ

Удивляюсь я на певчих пташек: как только они на свете живут?

Ни силы в них, ни весу, - пух да перо. В костях и то у них воздух. Прутиком хлестнешь, - и дух вон.

А ведь долгие годы здравствуют, еще и песни поют - радуются. Гляди-ка, какие веселые!

Гусь - тот вон как по земле ступает. В соколе или, все равно, в ястребе - в тех опять сила большая. Силой и берут.

Добро бы еще соловей: тот в роще живет, в кустах, Этому есть где схорониться от ястреба. Чуть что - он в чашу, - и был таков.

Ну, в зять, к примеру, жаворонка.

Этому куда деваться, когда кругом чистое поле?

Хорошо там, если трава или рожь стоит в поле, - человека за ней не видать. А вот как я нынче полем шел, - хлеб-то машиной сжат весь подчистую. Мыши схорониться и то негде.

И бежит впереди меня по дороге жаворончек, по-нашему сказать: пахарек.

Люблю я эту пташку, хоть и всего-то в ней ничего - песня одна. А уж как по весне обрадует, когда в лесу еще зима полная, а он уже,

пахарек-то, над полем, над первой проталиной вьется, - песни своей серебро с поднебесья рассыпает.

ОИду я, конечно, по дороге по проселочной - и он впереди меня бежит. Пробежит-пробежит - и станет. Подойду - он дальше.

И слетел. Слетел и ввысь забирает. Крылышками, гляжу, мелко-мелко затрепетал, - вот-вот запоет.

"А почему, - думаю, - ему и не запеть? День-то, гляди, какой теплый да ласковый. На небе ни соринки, солнышко славно припекает, - даже пыль у меня из-под ног. Так, может, он лето вспомнил, гнездышко свое теплое во ржи".

Пахарек и вправду запел.

да на свою голову. Лучше б по сторонам глядел.

Я-то еще издали приметил: мчится на него лютый враг, - крылья серпом - сокол-белогорлик. Я даже крикнул пахарьку-то:

- Глянь, летит!..

Будто он человеческие слова понимать может.

Увидел, конечно, и он врага своего, да уж поздно: куда в чистом поле от быстрокрылого сокола денешься?

Камнем пал мой парарек с высоты - и прямо на дорогу, в тележную колею. А крылышками так и трепещет, сучит, как птенчик.

"Лихорадка, - думаю, - его с перепугу бьет"

А он исчез, - как сквозь землю провалился.

Рассматривать тут некогда было, куда он девался: как раз тут и соколик подоспел. С лету вниз, над самым тем местом, где сейчас пахарек был, вихрем промчался - и опять жвзмыл.

А унес чо-нибудь в когтях или нет, - я не приметил.

Подошел я к тому месту, где пахарек был, и каждый комочек земли оглядываю. Коли сокол не унес, должен ведь он утт быть, не мог же в самом деле под землю уйти.

Однако нет пахарька.

Вдруг вижу: будто глазок на меня из земли глядит.

Один глазок, а пташки нет.

Я еще шаг шагнул, - получше рассмотреть.

тут пахарек вскочил на ножки, встряхнулся, - пыль с него так облачком и поднялась, - да полетел себе тихонько в сторону, в поле.

Что ты скажешь! Ведь это он от сокола прятался, крылышками на себя пыль накидал, в один миг под ней схоронился.

А соколок-белогорлик, пляжу, вон уж где - и за ласточкой погнался.

Пропала, думаешь, ласточка?

Обожди, не спеши. Сила, конечно, на его стороне, на соколиной, и полет у него из всех птиц, пожалуй, самый сто ни на есть быстрый. А вот не всякая же ласточка ему дается, - тоже сам видел.

Такой же вот белогорлик - может, даже этот и был, - в деревне у нас за ласточками метнулся. Соколо вэтих - чеплока-белогорлика, кобчика, дербника - сразу от ястреба отличишь: крылья у них очень длинные, узкие и серпом загнуты.

Отбил белогорлик одну из стаи - и за ней.

Ласточка туда-сюда зигзагами. Да не тут-то было: изворотлив соколок, не хуже ее.

А в колхозе у нас силосная башня вот уже пятый год как сложена из кирпича. Высокая, круглая.

Пляжу: ласточка - к ней. Да тем же ходом вокруг башни.

Он, конечно, за ней: схорониться-то ей там восе равно негде.

Она у самой что ни на есть стенки круг дает. Крылышки-то у нее коротенькие, так чуть не в притирочку к стенке.

Он так не может: крылья у него долгие.

Соколок вокруг башни круг дает большой, а ласточка - малый. Ей скорей обернуться.

На втором кругу, пляжу, она уж от него за бешней. Ну, где ж ему тут ее догнать?

Отлетел, несолоно хлебавши.

И спалсась касаточка.

туть сила не берет.

Еще вот про боровьишку одного скажу, - как на него ястреб кинулся.

У меня в палисаднике случай был.

Целый выводок воробьишек на улице за моей изгородью прыгал. А ястреб через два двора в елке прятался, с них глаз не спускал - караулил минуту.

Ястреб ведь не то что сокол. Соколу что шире кругом, то лучше. Он как волк свою добычу ловит - догоном. И все больше не лету птиц берет. А ястреб - этот, как кошка: схоронится в засаду да вот из

прикрытия-то и кидается. От него куда ни схоронишься, - он вытащит: ноги длинные, когти хваткие.

Вот ястреб сидел на елке и ждал, когда людей на улице не будет. Меня не видал, потому что я в избе сидел, за окном.

Улцсил минутку, снялся да по-за избам неприметно - да шасть на воробьишек!

Те, конечно, горохом врассыпную!

А один не успел.

Ястреб уж над ним и ноги вперед вытянул, - вот скогтит!

А воробьишка, не будь дурак, скок - и за изгородь. Он маленький, ему между кольями как раз проскочить.

Ястребу, конечно, так нельзя: крылья не дадут, - они у него широки. Ему через изгородь надо.

ОН взмыл - и ко мне в палисадник.

А воробьишка назад - сквозь прутья - на улицу.

Ястреб повернул да за ним - через изгородь.

Ну, да ведь не поспеть же ему никак:, воробьишка-то давно уж опять у меня в палисаднике.

А тут на улице люди показались, - колхозники наши.

Пришлось ястребу убираться подобру-поздорову: так и так не его добыча!

Провел его воробьишка. Хоть целый день за ним гоняйся - не поймаешь.

РЯБЧИКИ

Рябчики - вот у кого поучиться надо в прятки играть.

Уж кому-кому, а нам-то, охотникам, доподлинно известно, какие они ловкачи по этой части.

По теретевиным или там глухариным выводкам умудрился - вывел человек легавых собак, разных там сеттеров да пойнтеров. Таких собак, что стойку на дичь делают.

Легавая собака носится впереди хозяина туда-сюда: дичь разыскивает. А как нашла, так на полном ходу - стоп! - и ни сместа.

тетеревята, конечно, от нее в траве прячутся, под кочками. Прирпадут к земле, - не шелохнутся.

Каждый тетеребенок думает: "Она не на меня плядит. Она меня не заметит".

А собаке видеть их совсем и не надо: она носом точно знает, где они сидят, - чутьем.

Охотник, конечно, подходит, посылает собаку вперед. Тетеревята все разом - фырр! - срываются, летят кто куда. Тут уж, ясно, разве только слепой их не увидит: в воздухе да совсем близко.

которые в траву опукстятся, - тех живо опять собака носом разыщет. А которые на деревья усядутся, - те перед тобой как на ладошке: рыженькие-то на зеленом.

Бери палочку-стукалочку, стучи: "Вижу! Вижу!".

А вот на рябчиков никакая собака не может.

Те, как ее заслышат, сразу - фырр! - и всем выводком по деревьям. Ружья поднять не успеешь.

А рябчик на дерево - и кончено: пропал из глаз.

Такое у него перо - неидимка. Самого защитного цвета в лесу пестрого. Все в серых, да черных, да рыжих рябинах., В лесу-то ведь все кругом в глазах так пестрит.

Только я придумал все-таки, как их на ветках высматривать.

Вспорхнет выводок с земли, и слышно: "Стук, стук, стук!" - по веткам расселись; я сейчас становлюсь на колено, голову к плечу нагибаю - и так пляжу.

Этак тебе все по-другому видится.

Лес будто набок приляжет. Ветки все слоями на небе, слоями. И сщочки все торчат прямо от них или вниз. И уже не важно тебе, что листва пестрит: ты только сучочки эти и примечай.

Глядишь так, глядишь на деревья да вдруг и удивишься: почему один сучок на ветке столбиком вверх?

Эге, брат, вот ты где!

Стоит на ветке ножками, сам весь вытянулся, головка маленькая, - какой же это судочк на ветке столбиком вверх?

Эге, брат, вот ты где!

Стоит на ветке ножками, сам весь вытянулся, головка маленькая, какой эе это сучок, бутылочкой-то!

Ведь это рябчик.

Рябчик и есть.

Ну, тут я за палочку-стукалочку: стук! Мой.

Однако, как говорится, и на старуху бывает проруха. Наскочил я на один выводок, - ну никак его не взять.

Так вот - там лесосека старая, так вот - лес за углом.

А в углу под большим лесом еще частый осинничек поднимается. И как сюда не придешь, - из этого осинничка выводок рябчиков - фырр! - и на большие деревья. Долетят - и пропали.

Уж как я их только ни высматривал: и с колена, и на землю ложился, ну нет ни одного рябчика на ветвях!

А и лес тут на опушке вовсе редкий, дерево от дерева в особицу стоит, - каждое просматривается, - лучше не надо.

А вот ни одного такого "сучка" нет, чтобы вверх глядел.

Дай, думаю, я к этому месту сбоку подойду, с опушки, - не улетают ли, мол, рябчики сразу в глубь леса?

Подошел. Рябчики из осинника вспорхнула, до первых больших берез и сосен долетели, - поминай как звали!

Что ты скажешь! Значит, тут они, на этих деревьях.

Рассердился я: как так меня, старого охотника, этакая пташка за нос водит? С места не сойду, пока не разыщу!

Приметил я одного рябчонка, как он до большой березы долетел. Подошел к этой березе и давай каждую ветку оглядывать.

Никогого не наглядел.

Отсчитал от ствола десять шагов и кругом дерева тихим шагом, - а сам глазами по веткам, как по ступенькам, - снизу доверху.

Рябчонка не видать.

Еще десять шагов отсчитал, - шире круг дал, высматриваю...

Нет, не видать!

Я упрямый. Я еще десять шагов, еще больше круг даю, - зорко пляжу.

Все равно нет.

"Так, - думаю. - Так. А ежели я теперь в это самое дерево за выстрелю? Уж не пожалею заряда, - а ты у меня где-нибудь за выскочишь. Тут и узнаю, где ты хоронишься".

Выбираю, куда мне стрельнуть, - его спугнуть.

Все ветки, как одна, прямые, ровные. На одной только утолщение будто.

Приложился я да в это утолщение - ббах!

"Утолщение"-то мое брык с ветки да прямо к моим ногам и упало. Ряббонок это был.

Тут только я и разобрал, в чем дело.

Я-то ведь его высматривал, как он на ветке бутылочкой на ножках стоит. А он лежмя лежал, прижавшись.

Как его эдак-то снизу углядишь?

Потом я проверил: весь этот выводок так хоронился. Первые старики, а за ними весь молодняк.

Один такой хитрый выводок и нашелся во всем нашем лесу.

Зато и уцелел весь, кроме, конечно, этого моего первого рябчонка.

Надо же было мне как-то загадку разгадать.

ГОГЛЮШКА

Водоплавающая птица - у той опять свои правила в прятки играть.

Где по берегам треста или камыш растет - тут ей все равно как в лесу. Без собаки тут охотнику, пожалуй, и делать нечего. В челне-то им тебя далеко видно и слышно. Разве уж сдуру какая утенка к себе подпустит да из-под самого носа выскочит.

Разговор про чистую воду. Тут птице либо улетать надо, не допустив охотника на выстрел, либо под воду уходить и так спастись.

А и есть же из них, из водоплавающих-то, мастера нырять, - диву даешься!

Живет у нас по озерам птица - чемга называется. Из гагар из мелких. Востроносенькая такая. Так та не то что сама, та и детей своих под воду берет.

Они у ней, как из яйца, так ужи плавать могут.

А устанут - матери на спину повылезут, - она их на себе катает.

попробуй - догони ее в лодке! Как приметит, что ты за ней, сейчас дитенков своих под крылья берет, голову в воду - и нет ее.

Жди, когда выйдет!

Так с дитенками в тресту и уйдет.

Нырковая утка - разные там чернушки, крохоля, турпан, морянка, гоголь - те тоже лолго могут под водой жить: минуту, другую. А все не так, как гагары да чемги.

Ну, а в прятки тоже великие мастера играть, пусть хоть и на чистой воде.

Повстречалась мне одна такая гоглюшка, - я, старик, и то рот разинул.

Втроем мы тот раз в лодке были: двое молодых охотников и я. Я на корме сидел, правил.

оВзяли мы несколько уток и уж хотели домой ехать. Да у тресты вылетела гоглюшка, - я ее на лету и сбил.

Сбить-то сбил, а поди ее возьми на воде, - нырять она и с подбитым крылом может.

Молодых моих товарищей задор взял: как это упускать подранка! И началась у нас тут погоня.

На Боровне это было, на озере. Плеса там широкие. Есть острова. Местами треста из воды поднимается.

Ну, мы, конечное дело, отжимаем гоглюшку подальше от островов да от тресты - на середину плеса.

Один на нос лодки сел с ружьем, курки поднял, чтобы, как только она покажется, сейчас стрелять, пока опять не нырнула. Другой в веслах.

А моя обязанность - как она где вынырнет, сейчас лодку ставить так, чтобы тому с носу удобно стрелять было.

Беда, до чего он хитер, подраненный нырок! Вся-то гоглюшка нам и не показывалась: выставит из воды одну голову, наберет полную грудь воздуха и назад.

Носовой в нее - бах! бах! - двустволка у него. Да куда там! Умудрись-ка, попади ей в головенку. Головенка-то и вся меньше спичечного коробка. Он живо все свои последние патроны расстрелял, а гоглюшка по-прежнему нас по всему плесу водит.

Пересели: теперь тот, что в веслах видел, на носу устроился, - тоже он с двустволкой. А отсраелявшийся в весла сел.

Опять пальба пошла: бах! бах! да бах! бах! - и все мимо!

А жара. У гребца рубаха к телу прилипла: взмок.

И второй стрелок все свои патроны кончил.

- Ну, теперь ты, - мне говорят.

Думаю: "Ладно! Возьму пониже, покажу им, как стрелять-то надо".

- Только, - говорю им, - я отсюда, с кормы. Мне так сподручней.

Приладился половчей, - как раз она тут и выскочила. И даже спинку маленько показала.

Я приложился, под нее взял - ббах! Да сам видел: раньше выстрела она под воду ушла. Дробь так дорожкой и прошла над ней по

воде.

Ах ты, шут!

Скорей патрон переложил и жду: где теперь объявится? И оба товарища глядят, с воды глаз не сводят.

А вода - ну чистое зеркало! Ни морщинки нигде. Время-то уж подходило к полудню, ветерок улегся.

Глядим в шесть глаз.

Проходит минута, другая, третья... Кто их знает, сколько их прошло: на часы-то ведь не плядели. А только и так понятно: что-то уж больно долго нет гоглюшки.

А уж не показаться ей нам никак невовозможно: по самой середине плеса мы... До любого берега или там тресты добрых полкилометра. Никакой гагаре не донырнуть. А у ней еще крыло подбито.

И кружим мы по плесу, и кружим, - все глаза проглядели.
нет гоглюшки!

А ведь и быть того не может, чтобы нигде не было. Врешь, где-нибудь полжна же быть! Глядим.

Еще время проходит, - ее все нет.

Товарищи мои молчат.

Потом один говорит:

- Давайте рассуждать спокойно.

Первое: проглядеть ее на такой глади мы втроем не могли? Не могли: раньше ведь каждый раз видели, как голову высовывала.

До берега она донырнуть не могла? Не могла.

Утонуть утка живая или мертвая не может? Никогда не тонет. Разве камень ей на шею привязать. Так где ж она?

Другой говорит,

о- Дело ясно: стреляли мы в нее, стреляли - и так дробью ее начинили, что ко дну пошла. Дробь-то свинцовая - тяжелей камня.

Посмеялись.

Жкрко, - у меня в горле пересохло.

- Вы, - товарищам говорю, - глаз с воды не спускайте. Я напыюсь только.

ружье положил, сам через борт перегнулся.

Перегнулся за борт - и чуть не крякнул!.. И пить не стал: сразу расхотелось... Выпрямился.

- Давай, - говорю, - ребятки, гребите к берегу. Обманула нас гоглюшка, - ушла от троих охотников. Так уже, значит, жить ей да жить.

Куда там! Они, конечно дело, и слышать ничего не желают. Нам, говорят, стыд и срам подранка бросать. Да и нельзя так домой, не узнавши, куда она подевалась. Спать не будем от такого вопроса.

Мне что? Я молчу.

Хватило у них терпенья еще с полчаса дожидаться.

Наконец один и говорит:

- Ну, - говорит, - если уж столько времени не показалась, - значит, ушла. А уж как ушла, - совершенно даже непонятно.

Меня смех разбирает, только виду не подаю.

- А может, - говорю, никуда не ушла? Может, еще покарулисть желаете?

- Да нет, - говорят, - чего уж там.

- Дгемой, куда же больше?

- Так, - говорю, - охотнички дорогие. Выходит, с носом?

Переглянулись между собой и в стороны глаза отвели.

- Выходит, что так, - признались.

- Ну, гребите.

У берега подвел я лодку прямо к тресте.

- Ну, а теперь, - говорю, - смотрите, как эта водоплавающая нас умных - провела.

Сейчас весло кладу, за борт свешиваюсь - и вот вам, пожалуйста, двумя руками поднимаю оттуда живую гоглюшку!

У охотников моих глаза на лоб. Я гоглюшку всю оглядел, вижу - крыло у нее маленько только попорчено.

- Ничего, - говорю, - срастется, только крепче будет. Поживет еще, полетает. Нашего брата, охотника, не раз еще в задор введет.

И пустил гоглюшку в тресту.

Она - нырк! - и пропала.

Товарищи мои:

- Ахти! Ахти! Как можно такую добычу из рук выпускать?

И за ружья.

Забыли, что ружья у них пустые.

Так и ушла гоглюшка в тресту.

Навещал я ее после, - с неделю прожила тут, пока не зажило крыло.

Тогда улетела.

Сами скажите: ну как такую умницу не пожалеть было, не отпустить на вольную волюшку?

Ведь пока мы ее по всему плесу искали, она сама к нам поднырнула, под бортом притулилась - да вместе с нами и плавала. Куда мы, туда и она.

Не наклонись я за борт - воды испить, - так бы нам и не догадаться, где она посреди озера от нас схоронилась.

А и сказал бы кто, - не поверили бы, пожалуй.

ХРАБРЫЙ ВАНЯ

Да что я все про птиц да про птиц!

В прятки ведь и зверь рысучий и гад ползучий умеют играть. Спросите-ка вот нашего Ваню, - того самого, что зайца, косоного Саньку, тогда напугался, - он знает.

С того случая, с зайца-то, его девочки Храбрым Ваней прозвали. задразнили парнишку. А он возьми да и пойдя храбрость свою доказывать.

Есть у нас в лесу место, куда ребята не ходят, - опасаются. Сырое место: тут ручей бежит и весной разливается, затопляет лес. Кочки, осока, желтые цветы, просто сказать - болото. Прозывается - Гаденьячье. И не зря: как ни пойдешь, всегда тут две-три гадюки увидишь. Любят они это место.

Ваня и расхвастался:

- Один пойду на Гаденьячье, один всех гадов побью!

И верно: пошел. Тросточку себе вырезал, расщепил с одного конца и пошел.

Уж не знаю, долго ли он там бродил, нет ли, только сам я его там и застал.

- Глянь, - говорит, - дедушка: я двух гадов убил. Храбрый я?

правильно: две гадюки у него битые, - перед собой на палочках несет. Одна серая с черной зигзагой на спине, другая как есть вся черная, только брюхо серебром отливает. Эта у нас самая опасная считается: сильный у нее в зубах яд.

- Как же, - говорю, - ты нехрабрый, Ваня. Эких страшеньких забил.

- Я, - говорит, - их прутом, прутом. А они все шевелется. Умаялся очень.

- Дак что ж, Ваня, давай сядем, - отдохнешь. Домой вместе пойдем.

Уселись на кочки один против другого. Добычу свою он на куст повесил.

- А что, - спрашивает, - дедушка, коли б гад меня за ногу хватил, умер бы я?

- Чтоб умирали у нас, - говорю, - от гадюсего яда - что-то не слышать. А поболеть бы ты шибко поболел, - это уж верно. И вот зря ты, Ваня, сюда босиком пожаловал, - сапоги бы надо обусть. Через сапог гадючьим зубом не достать до тела.

- Я, - говорит, - нарочно так, дедушка: пускай все видят, что не робкого десятка. Я еще и штаны закатал. Тут только спустил. Ты не сказывай.

- Мне что? Я не скажу.

- Штаны, вишь, у меня долгие - до самых пальцев. И столстые горазд. Через такие штаны разве гад возьмет?

- Пожалуй, что и не возьмет. Да ведь снизу может, - под штатину-то.

Не успел я это договорить, гляжу, - что такое с Ваней моим сделалось? Разом вся кровь с лица сбежала, посерел весь, глаза остеклянели, - сейчас закатятся...

Я - к нему. Опустился перед ним на коленки:

- Ваня, Ванюшка! Что с тобой? Ваня, приди в себя. А он мертвыми губами:

- Мне под... под шта... штан... - выговорить не может. Шепчет: Склизкий... Гад...

Глянул я ему на ноги, - под одной штатиной у него шевелится что-то. Ну, так и есть: гад заполз!

Сказать правду, и я тут растерялся: что делать?

Хватить парнишку палкой по ноге?

Гад его же и куснет.

За хвост оттудова вытащить?

Хвоста уж и не видно. Уж под коленкой у него топорщится.

- ВАняшка, - кричу, - Вань! Да ты брыкнись что есть соилы, может и вылетит. Брыкнись!

Ваня мой ни жив ни мертв.

- Да ну, Вань! Ну!..

Ваня мой на спину повалился - да как взбрыкнет!..

Я наклонившись стоял, - отскочить не успел.

И прямо в лицо мне плюхнуло - холодное, мокрое, мягкое!

И отскочило.

Я за щеку схватился.

Глядь, на земле между нами, - кто бы, вы думали?.. - здоровенная лягушка на спине барахтается.

Ах, чтоб тебе неладно было!

И вот, - хотите верьте, хотите нет, - перевернулась на брюхо, прыг-прыг да прямо Ване на босу ногу и опять под штанину хочет, - так вверх и лезет!

Тут уж Ваня опомнился, - как поддаст ее! Кувыркком через кочки улетела.

И, скажи ты на милость, не иначе это, как от нас же и пряталась. Нашла себе норку.

Так вот какие прятки на свете бывают.

ТАЙНА НОЧНОГО ЛЕСА

(Рассказ юнната)

Здорово мне захотелось добыть белую куропатку. В наших местах это редкая дичь. Подпускают они близко, да всегда так неожиданно срываются, что каждый раз вздрогнешь, и пока сообразишь, что да как, они уже далеко. Ну и смажешь, конечно.

А вот Кузя-пвстушонок нет-нет да и принесет из лесу, где лошадей пасет, две-три штуки. И ружье-то у него - бердана какая-то допотопная, вся в дырках, на двадцать шагов с подбегом бьет. А вот поди ж ты!

Все-таки я у него выпытал, как это он ухитряется.

Оказывается, он их ночью бьет. Разведет на мшарнике костер и спрячется рядом в кусты... И белые куропатки целым выводком приходят к костру. Тут уж, конечно, не шутка в них, в пеших-то, попасть в десяти шагах.

Мне и расхотелось добывать: другое совсем в голову пришло. Я же ведь не просто охотник, а естествоиспытатель. Орнитолог - специалист по птицам.

"Почему это, - думаю, - другие лесные куры - глухарь, рябчик никогда к костру не летят, а куропатка идет? Зачем?"

Что насекомых непреодолимо влечет к себе свет в ночи, всем известно. Я сам ловил бабочек на велосипедный фонарь. Они летят прямо на огонь, и если бы не стекло, тут им и крышка: сожглись бы. Но ведь на то они и насекомые - животные неразумные!

А куропатки что будут делать, когда подойдут к костру? Неужто, зачарованные пламенем, тоже кинутся в него, погибнут, как бабочки?

Или, может быть, куропатки подойдут к костру и чинно рассядутся вокруг него всем семейством? И папаша с мамашей будут объяснять детям на своем удивительном курино-собачьем языке:

- Ко-ко-ко, - дескать, - хэто, детушки, огонь! К нему не подходите, обожжет!

Или, может быть, совсем не красота пламени на них действует, а просто они приходят погреться у костра?

Ведь кто его знает, какие неожиданные тайны можно подсмотреть ночью в лесу у костра! То есть не сидя у костра, а вот, как Кузя, со стороны.

В том-то и дело, что охотник, когда разложит огонь, сам около него сидит - на свету. Всем лесным глазам его видно, а он - как слепой: ничего не знает, что вокруг него в темноте творится.

И я решил во что бы то ни стало узнать: чем это таким привлекает куропаток огонь? С помощью Кузи, конечно.

Мы пошли в лес с вечера. И сразу нам повезло.

Встретили колхозников на моховом болоте. Они шли с большими корзинами клюквы за спиной. Не успели дойти до нас, - вдруг у них из-под ног с криком вырвался старый куропач, а за ним и воесь его выводок.

Кузя хотел даже, на счастье, пальнуть в стадо, да я удержал его:

- Брось бы! Что ты, не понимаешь? Распугаем сейчас, они ночью не придут. Пока не подсмотрим, чем они у костра занимаются, о ружье забудь. Понятно?

- Тоже мне! - рассердился Кузя.; - Командир нашелся!

- Обожди еще, может быть, они сами в костер бросятся, сами зажарятся. Готовое жаркое получишь.

Кузя сразу повеселел:

- А и правда! Чего заряд даром тратить?

Теперь мы знали, что выводок здесь есть. И, конечно, заметили, куда он переместился. В угол болота перелетел. Там, на опушке леса, мы и собрали груды сушья и смолья.

Поужинали всухомятку.

Наконец наступила ночь. Черная, прохладная, настоящая августовская ночь с Млечным Путем и падающими звездами, - все как полагается. Мы раздожгли костер и засели в кустах, шагах в пяти друг от друга; Кузя левее, я правее.

Сушняк пылает ярко; поблизости каждая кочечка, каждая мшинка на ней видна. Но я нарочно отвернулся, стал смотреть на лес позади: какой он при огне? Ведь сразу куропатки не придут же! Кузя говорил - другой раз часами ждет.

Вдруг члышу сзади тихонько так:

- Эрр-рэк-кэк, ор! Го-кок-ко! Гау!

Быстро оборачиваюсь: идут! Куропатки!

Гуськом идут. Одна, другая, третья...

Не успел сосчитать - ббах! - слева.

Дернул-таки Кузя из своей берданы! Не выдержал!

Одна куропатка упала. Остальные, конечно, сорвались и с треском и кудактаньем в один миг исчезли в темноте. - Спятил! - кричу на Кузьку. Котлетку из тебя сделаю!

Только сучья в лесу затрещали: удрал Кузя.

не гнаться же за ним в темноте!

Подобрал я убитую куропатку и тут же решил, что Кузьке ее не отдам: пускай чувствует. Раскидал костер, огонь затоптал.

А что больше делать? Вторая раз куропатки не придут - не дуры.

Хорошо, что Кузька на другой день не попадался мне на глаза: злой я ходил, ух! Подумать только, теперь уж я, быть может, знал бы такую интересную тайну ночного леса! Первый на всем свете узнал бы ее.

Мысль, зачем приходят куропатки к костру, все не выходила у меня из головы. Наконец я решился пойти один на болото - караулить. Три дня выжидал, чтобы куропатки забыли, как Кузя грохнул, и пошел на то же место. Все так же сделал, как тогда. Забрался в кусты и жду.

Не очень-то весело одному в лесу черной осенней ночью. Я зарядил ружье разрывной пулей: не от страха, конечно, а мало ли что

может случиться! Может, медведь из лесу выйдет. Что ж мне - шапкой от него отбиваться?

Долго я сидел - ждал. Законченел совсем. "Пойду, - решил. - Все равно тоылку никакого не будет".

Взглянул подальше, где уж свет от костра слабее.

Что такое?

Чьи-то большие желтые меховые туфли передвигаются между кочками! Крадутся к костру...

А ног не видно.

Я, конечно, нисколько не струсил. Присмотрелся, а это белые куропатки идут! От костра они желтыми кажутся. Впереди, видно, старый куропач идет, ппапаша: большой очень, краснобровый. Сзади маленькие поспевают. Папаша влез на кочку, головку назад повернул и говорит так вполголоса:

- Эрр-рэк-кэк-кэк, ор!

Потом какие-то звуки вроде слов:

- Ковар-рство, ковар-рство, гау!

Из темноты ему мякнуло:

- Ми-у! Ми-у! - Очень нежно. Наверно, самочка.

И тут из-за кочек выскочило все семейство, штук пятнадцать. Куропач прыгнул с кочки, пошел к костру, и все за ним гуськом.

А он опять:

- Коваррство! ор!

Я подумал: "Улетят сейчас!"

Вдруг - ббах! - и нет куропаток...

Что такое? Кто это? Не сразу даже сообразил, что сам же я и выстрелил...

И даже одной куропатки мне не досталось, как после Кузиного выстрела. Ведь я пулей саданул - и промазал, конечно.

Так до сих пор и не знаю, что куропатки делают ночью у костра. А как хотелось бы знать! Может, у кого из вас хватит выдержки подсмотреть? А, ребята?

ЕГОРКИНЫ ЗАБОТЫ

1

- Егорка! Егорушка! - сквозь плубокий сон дошел до Егорки настойчивый голос матери. И еще что-то говорила мать, но Егорка в ответ только мычал, как теленок, пока не услышал свлво "рабылка".

Тут он сразу вспомнил, что просил мать разбудить его еще затемно, чтобы идти удить рыбу.

Егорка вскочил и протер глаза.

В окошко чуть брезжил рассвет.

В небе было еще совсем темно. Храпел старший брат; тикали на стене ходики.

не прошло и пяти минут, как Егорка вышел на крылечко, надел на шею холстяную, всю в рыбьей чешуе торбочку, подхватил удочки и вышел на улицу.

Только за ним хлопнула калитка, из-под крыльца вылез Бобик - лопоухий щенок непонятной породы, на толстых кривых ножках, - потянулся, зевнул, озабоченно понехал Егоркин след и помчался за ним.

В большой избе правления колхоза горело электричество.

"Гляди-ко, - подумал Егорка. - Анатолий-то Веденеич тоже уж поднялся. Зайду-ка проведать".

Он прислонил удочки к крыше и вошел в избу.

Преседатель колхоза "Красная заря" Анатолий Веденеевич положил толстый карандаш на бумагу, где что-то подсчитывал, и поднял голову.

- Эге! Егору Бригадирычу! Что больно рано поднялся?

- На рыбалку собрался, - важным голосом ответил Егорка. - А вы, видать, так и не ложились?

- Да, вишь, дела много, время-то горячее, сам знаешь - сенокос, сказал Анатолий Веденеевич, потягивая и разминая отекающие руки. Он любил потолковать о колхозных делах с ребятами, особенно с сыном бригадира Егоркой.

- А что сенокос? - сказал Егорка. - Отец говорил - сегодня последний луг кончает на сенокосилке.

- То-то вот и оно, подхватил председатель. - Свалить-то недолго, а вот высушить... Сотни центнеров скошенной травы еще остались на лугах колхоза. Ну как дождь зарядит! Сено - ведь это наши коровушки, - продолжал председатель. - Их надо обеспечить кормом. Сам понимаешь: в сенокос день год кормит. Каждую сенинку надо сберечь, просушить да в скирды убрать. И еще неизвестно, как погода простоит. Давай-ка вот поглядим с тобой, что барометр говорит.

С этими словами председатель встал из-за стола и подошел к висевшему на стене крупному аппарату, похожему на небольшие настенные часы. Только стрелка на этом аппарате была одна, и на белом кругу под стеклом были надписи: "Буря" - "Осадки" - "Переменно" - "Ясно" - "Великая сушь". Сейчас стрелка показывала прямо вверх, на середину слова "Переменно".

Председатель легонько стукнул согнутым пальцем по стеклу аппарата.

Черная стрелка вдруг сорвалась с места и скакнула налево вниз, стала против слова "Осадки".

- Падает! - ужаснулся председатель.

Егорка не совсем понимал, что значит слово "осадки", но он знал, что по этому аппарату как-то узнают, какая будет погода. И понял, что дело неладно.

Председатель сразу забыл про Егорку, подошел к телефону и стал быстро накручивать ручку:

- Алло! Алло! Станция? Станция? Живенько дай-ка бригадира второй бригады. А? Ну да, в Заозерье.

В это время с крыльца послышался визг. Кто-то сильно скреб в дверь когтями.

"Бобик", - сообразил Егорка и, не простившись с председателем, выскочил на крыльцо.

2

Бобик очень обрадовался Егорке, подскочил и лизнул его прямо в нос.

- Ах ты, горем ой! - притворно рассердился Егорка, утираясь рукавом. - Ну, куда со мной навязался? Рыбу мне пугать?

Егорка взял удочки на плечо и стал поспешно спускаться к озеру. Бобик, задрвав хвост, побежал вперед.

над водой стоял густой туман.

Поеживаясь от холода и сырости, Егорка замотал удочки, насадил на крючки червяков, - червяки у него были в кармашке на борбе. Поплевал на них. Одну удочку положил рядом с собой поверх куста, а другую взял в руки и закинул подальше от берега.

Егорка был заправский рыбак. Все, что ни делал он, делал плавно, не торопясь, как взрослый.

С каждой минутой становилось все светлее: туман, клубясь, поднимался над озером и таял. Егорка поглядывал на поплавки. Они неподвижно лежали на спокойной воде. Потом вдруг поплавок той удочки, которую Егорка держал в руках, тихонько задрожал, задергался, немножко погрузился в воду и опять выскочил.

"Плотица клюет", - решил Егорка.

Он подождал, пока поплавок опять задергался, и неожиданно одсек: резко рванул удилище кверху. На конце лески серебром замелькала в воздухе светлая рыбка с красноватыми плавниками - плотва.

Егорка качнул удилище на себя, но в руки ему пришел пустой крючок: рыбка сорвалась и шлепнулась обратно в воду.

- У, бумажные губы! - рассердился Егорка.

Едва он успел насадить червяка и снова закинуть удочку, как поплавок нырнул под воду. На этот раз Егорка вытащил порядочного окунька. Потом неожиданно ушел под воду поплавок удочки, лежавшей на кусте. Егорка поспешно положил свое удилище на землю и схватил удочку с куста. На крючке оказался крупный полосатый окунь.

Егорке повезло: этой зарей рыба клевала необыкновенно весело. Ему даже пришлось отказаться от ловли двумя удочками, - не успевал он снять добычу с одной, как поплавок другой исчезал под водой. Идно, в этом месте подошла, на его счастье, к берегу стая голодных окуней. Прошло всего с полчаса, а Егорка натаскал уже полную торбочку.

Тут за кустами послышался чей-то негромкий разговор, и из тумана вышла большая лодка - неводник. Старик и молодой парень из соседнего раболовецкого колхоза разматывали на ней невод. Сеть бесшумно сползала за борт. Над ней всплывали на воде легкие деревянные кружки.

- Клев на уду, - пожелал Егорке старик. - Как успехи?

- Благодарствую, - важно сказал Егорка. - Берет помаленьку.

- Вот ты и примечай, - продолжал старик прерванный разговор с парнем: - и лягуши из озера на берег скачут. Опять же во всех костях у меня нынче ломота, а уж это самая верная примета: быть ненастью.

Как услышал эти слова Егорка, сердце у него упало. "Дождь, - подумал он. - А сено-то как? Ведь не убрано?!" Егорка живо стал

сматывать удочки. "А Бобик где?" - тут только вспомнил он о своем друге.

- Бобик! Бобик! - закричал он.

Щенок вылез из-под опрокинутой на берегу лодки.

- Бежим скорей!

И Егорка помчался на гору в деревню. Щенок с лаем опередил его.

3

Когда Егорка поднялся на гору, он увидел встающее из лесу солнышко. Но тут его олушил громкий рев стада. Пастухи выгоняли коров на пастбище. Коровы в колхозе "Красная заря" замечательные: все одна к одной, крупные, черной масти, с большими белыми пятнами на боках, спине и морде чистокровные холмогорки.

"Чено - это наши коровушки", - вспомнились Егорке слова председателя.

Теперь Егорка по-настоящему испугался: неужто и вправду польет дождь и колхозники не успеют убрать сено? Но в эту минуту Бобик, поджав хвост и отчаянно визжа, кинулся Егорке под ноги, сразу три коровы, громко фыркая и опустив к земле головы, нацелились на щенка рогами. Егорка подхватил Бобика под мышку и грозно закричал:

- НО! Но! Куда?! Встрем на маленького?!

Коровы немножко подумали и шарахнулись в сторону. Так с Бобиком под мышкой и пришлось Егорке идти до дому: коровы не любят собак, они могли поднять щенка на рога.

4

Отца Егорка не застал дома: отец был бригадиром и всегда вставал раньше всех в деревне.

В избе громко говорило радио: передавали "последние известия", потом утренняя гимнастику. Старший брат - колхозный шофер - и сестра заведующая колхозным огородом - только еще умывались, а мать возилась у печки. Егорка передал ей торбочку с рыбой.

- Ай да сынок, - сказала мать улыбаясь, - всех накормил.

Сестра помогла матери очистить рыбу, и через десять минут на сковороде шипели Егоркины окуни и плотицы.

- Давеча Никанорыч-рыбак говорил, - сказал Егорка, садясь за стол, ненастье будет. Как бы сена не загнили.

- Слыхали, - отозвался брат-шофер. - Веденеич заходил, предупредил. Да авось раньше ночи дождя не будет, управимся.

После завтрака мать укладывала Егорку спать. Но Егорке казалось: заснешь, а тут дождь польет. Как же без него, без Егорки-то?

Он отказался ложиться, сказал, что совсем не хочет спать.

- Ладно уж, - согласилась мать. - Тогда на вот, сбегай наперед снеси отцу завтрак.

И она подала Егорке теплый, завернутый в чистое полотенце пирог-рыбник и бутылку молока.

5

Минут через десять колхозная бригада в полном составе вышла из деревни. Егорка с Бобиком проводил мать до Сенькиной речки, а там свернул по тропке - к отцу в Дальний лог. До этого места было недалеко: километра три. Но Егорка добежал туда быстро. А Бобик еще и мышковал по дороге. Найдет мышиную норку, сунет в нее нос и нюхает: там вкусно пахнет мышкой. А где увидит в траве мышку, кинется на нее обеими передними ногами сразу, как это делает лиса. Да ведь гоупый еще, разлапистый, - где ему шустрюю мышку поймать!

6

Скоро Егорка услышал стрекотание машины и увидел отца на пароконной сенокосилке. Отец сидел на высоком сиденье и помахивал кнутом на лошадей. А сзади него две длинные стальные гребенки - одна неподвижная, а другая скользящая по ней то вправо, то влево - оставляли за собой, как машинка для стрижки головы, гряду скошенной травы. Отец остановил коней и взял у Егорки принесенный завтрак.

Егорке очень хотелось сесть на место отца и покосить машиной.

- Тять! - сказал он смущенно. - Ты бы сел под кустик завтракать-то... Вишь, рыбы-то я какой тебе наловил. Вкусная! А я бы пока маленько покосил. Хоть бы один ряд...

- Рыбка отменно вкусная. Спасибо тебе. А на машину-то не заглядывайся. Молод еще на таких ездить, подрасти надо.

Егорка подумал про себя: "Рыбу ловить, так я им не молод... Жалко, что ли, на машину-то пустить?"

Увидев, что Егорка надулся, отец сказал:

- Чего набычился-то? Беги вон к матери в бригаду, она тебе даст на конных граблях поработать. Сейчас последний лужок кончаю. К

обеду сам подъеду.

Услышав про конные грабли, Егорка повеселел. Он взял у отца полотенце, в котором принес ему пирог, и пустую бутылку из-под молока, лихо свистнул Бобику и побежал назад, к Сенькиной речке.

7

Широкие луга за Сенькиной речкой напоминали издали болото: они были сплошь в копенках сена, как в кочках. Женщины разбрасывали эти копенки и ворошили сено граблями: сушили его на ветру и на солнышке. Мать Егорки работала тут же на конных граблях: сгребала уже высушенное сено в новые копны. Она охотно пустила Егорку на свое место и присматривала только, чтобы он аккуратно подбирал сено. Но Егорка и так работал на совесть. Он подъезжал к началу прокоса, опускал рычагом полукружья железных граблей и пускал лошадь шагом по прокосу, поминутно оглядываясь назад. Когда большие грабли набирались полные сена, он быстро поднимал рычаг - и на лугу оставалась копенка сена,, а Егорка, снова опустив рычаг, ехал дальше.

Бобик в это время носился по прокосу, совался всем в ноги, расшвыривал своими ногами сено, всем мешал и был ужасно доволен, когда кто-нибудь из работавших на лугу мальчиков бросался его ловить.

Солнце стояло уже высоко в безоблачном небе. Работать становилось все жарче и жарче, и Егорка очень обрадовался, когда подъехал отец и стал собирать свою бригаду на обед.

- А вы, ребята, - обратился он к собравшимся парнишкам, - распрягите коней да сведите выкупайте их, пока мы обедаем. Да, глядите, не гоните коней: не горячите их.

8

Егорке повезло: не каждый день доставалось на его долю такое счастье, как ехать с ребятами купать лошадей. Он быстро выпряг из граблей молодую крутобокую кобылку Звездочку, попрыгал около нее, ухватившись за холку, пока ему, наконец, не удалось взобраться на нее верхом. Егорка был лихой наездник, хотя никогда еще не ездил в седле. Широко расставив ноги, он бил пятками по крутым бокам лошади, как по барабану, и покрикивал на нее, как богатырь в былинах:

- Но! Но! Волчья сыть, травяной мешок!

кобылка добродушно потряхивала ушами и шла шагом.

Кругом Егорки, также без седел, ехали и другие ребята. Но когда подъехали к озеру, они, как по уговору, погнали своих коней в воду. Первым доскакал долговязый Володька. Его высокий рыжий конь был уже по брюхо в воде, когда Егоркина кобылка подъезжала к берегу. И как Егорка ни понукал ее, дергая за повод и шлепая по бокам голыми пятками, добрая лошадка остановилась на берегу, сперва опустила голову, понюхала воду, фыркнула раза три и только тогда потихоньку вошла в озеро.

Бобик с визгом носился по берегу, но в воду за Егоркой пойти побоялся. Впрочем, он скоро нашел себе интересное занятие: напал на прилетевших на берег ворон и с громким лаем начал их гонять с места на место.

Пока лошади нюхали воду, ребята успели скинуть с себя рубашки и штаны, остались в одних трусах. Весело переключаясь, они гнали лошадей все дальше от берега. Лошадям была приятна прохладная вода озера. Они охотно зашли в воду по брюхо, по грудь и поплыли.

Вдруг дружный хохот ызаставил Егорку оглянуться. Оказывается, это долговязый Вододька насмешил всех. Поторопившись, чтобы всех обогнать, он не снял с себя одежду. Когда лошадь поплыла, он встал ногами ей на спину. Вдруг он поскользнулся, мелькнул в воздухе руками и ногами - и плашмя шлепнулся в воду.

Это никого не напугало, потому что все деревенские ребята плавали, как лягушата, и утонуть Володька не мог. Просто неожиданно нырнул и выплыл.

Егорка соскользнул со спины своей кобылки в воду и, одной рукой держась за повод, поплыл с ней рядом. Однако долго сидеть в воде не пришлось: ребята знали, что родители ждут их в поле с обедом. Одна за другой почерневшие от воды лошади выходили на берег, фыркали и отряхивались. Ребята натягивали на себя рубахи и, прихватив штанишки, помогали друг другу забраться на лошадей. Въехав на гору, ребята соскакивали с лошадей, стреноживали их и бежали в поле обедать.

9

Был полдень. Солнце стояло прямо над головой. На небе по-прежнему не было ни одного облака. Не было ни малейшего ветерка. От раскаленной земли струилась в воздухе марь.

Бригада расположилась обедать в тени кучки берез среди поля. Освеженные ыкупаньем ребята присоединились к взрослым.

Старики уже кончали обедать, когда на дороге показалась велосипедистка с туго набитой сумкой на боку - кольцевой письмоносец Нина.

Бобик с лаем помчался ей навстречу и чуть не попал под колесо.

Нина соскочила с велосипеда и повела его рядом с собой.

Все вышыли на дорогу, окружили ее. Нина порылась в сумке и раздала колхозникам псьма, а бригадиру вручила целую пачку газет. Поболтав немножко с колхозницами, она вскочила на велосипед, дала звонок и так быстро покатила в другую деревню колхоза, в Заозерье, что Бобик не мог за ней угнаться.

Егоркин отец развернул газету и только было принялся читать вслух "Последние известия", как на дороге раздался быстрый топот копыт. Через минуту подъехал Анатолий Веденеевич. Он осадил коня около деревьев и торопливо заговорил:

- Ну-ка, товарищи, кончай чтение, живо берись за работу! Барометр еще упал - показывает прямо на "Бурю". не иначе как через час-другой дождь хлынет. У тебя сколько еще незаскиродованного сена осталось? - обратился он к Егоркиному отцу и оглядел с коня широкие луга. на них вдаль возвышались большие темные скирды сена, а ближе стояли копны и кое-где лежало разбросанное для просушки сено.

- Да к вечеру, поди, как-нибудь уберемся, - нерешительно ответил бригадир.

- Какой тут вечер! - закричал председатель. - Через два часа, а то и через час, может туча нагрянуть. Я в Заозерье, во вторую бригаду, а тут чтоб в час управиться! Иди обюъяви: всех с работы снимаю, всем грабли в руки дай. Или постой: нечего тебе отлучаться...

тут взгляд председателя упал на Егорку.

- Вот Егор Бригадирыч сбегает в деревню. С огорода всех снимешь, с птицефермы. Трактористы картошку окучивают, в кузне кто работает, - им скажешь, шоферу скажешь, да и конюху в деревне делать тоже нечего, живо чтоб лошадей сюда пригнал. Взем будешь говорить: "Председатель велел". Ну, беги: одна нога тут, другая - там!

Через минуту место под березами опустело: бригада рассыпалась по полю, председатель ускакал, а Егорка с Бобиком мчался в гору к

деревне, гордый полученным им важным поручением.

10

Дорога в деревню шла краем картофельного поля. На поле фыркал и стучал трактор. На нем работали двое трактористов: они окучивали картофель.

Кабы не было у Егорки такого срочного и ответственного поручения, его не оторвать бы от этого места: уж очень интересно работала машина. Трактор тащил за собой доску с пятью большими блестящими ножами. У каждого из ножей были крыльца. Двигаясь вперед, ножи резали землю в междурядье и своими крыльцами отваливали ее в обе стороны на грядки.

Машина окучивала сразу пять грядок. Впереди трактора грядки были чуть воидны, позади окучника они поднимались ровными высокими холмиками.

Когда трактор подошел к дороге, Егорка окликнул трактористов и передал им наказ председателя.

- Вот еще, - сказал один тракторист, помладше. - Не обязаны мы за колхозников работать. Мы свой план выполняем.

Сердце у Егорки так и упало. Как же быть? Ему не выполнить приказа председателя! И зачем его, а не отца, послал Анатолий Веденеевич собирать народ?

Но пожилой тракторист остановил молодого.

- Постой, постой, - сказал он. - Не горячись. Не знаешь разве, что председателю дано право в таких случаях снимать с работы и нас, работников МТС? Все равно как на корабле перед бурей.

Он остановил трактор, и оба тракториста слезли на землю. Убедившись, что они пошли в луга, Егорка побежал дальше.

11

На склоне горы у самой деревни раскинулся большой колхозный огород. Заведовала им Егоркина сестра. С ней работало еще несколько девушек, и вокруг них вились, как мухи, девочки всего колхоза. На огороде как раз посмевала вкусная, необыкновенно крупная и сладкая земляника виктория.

Егорка передал сестре слова председателя. Пока девушки кончали работу, Егорка успел угоститься прямо с грядок сочной викторией. Одну большую ягоду он предложил Бобику, но щенок, к удивлению Егорки, понюхал ее и не стал есть.

- Урод какой! - сказал Егорка. - Мышей ест, а вкусную такую ягоду бросает. Мыши тебе слаще земляники? Вот чудилка-то!

Когда девушки пошли в луга, Егорка побежал в кузницу.

12

Кузнец с двумя подручными чинил и приводил в порядок жнейку и сноповязалку. У Егорки глаза разбежались при виде этих машин. Скорей бы уж наступала уборка хлебо! Тогда все эти новенькие машины выйдут в поле и поднимут на нем веселую трескотню. Может быть, ему удастся самому поработать на какой-нибудь из них. Разглядывая машины, Егорка чуть бюыло не забыл поручение председателя. Спohватившись, он сказал кузнецу:

- Дядя Осип, идите скорей пособлять с сеном. Скоро буря будет.

Кузнец посмотрел на небо и сказал спокойным голосом:

- Тоже выдумал! Какая там буря! На небе ни облачка.

- Верное слово, сам Анатоший Веденеевич говорил.

- А он откуда знает?

- Он по стрелке. Стрелка совсем вниз упала. "Бурю" показывает.

- Вот оно что! Машинка-то, пожалуй, не соврет. Ну-ка ребята, обратился кузнец к подручным, снимая в себя фартук, - ложи струменты по местам - в луга пойдём.

13

Из кузницы Егорка побежал на птицеферму. Он не стал забегать во двор фермы. Там расхаживали важные белые петухи с высокими красными гребешками и большими красными бородами, белые, с такими же красными гребнями, курицы - и копошились маленькие желтенькие цыплята. Опасно было заходить туда с Бобиком: глупый щенок мог кинуться на птиц. Егорка просто передал заведующей птицефермой тете Даше наказ председателя. Она сейчас же собрала всех своих работниц.

14

Грузовик, на котором работал брат, стоял у скотного двора. Брат геша лежал под ним на спине и что-то чинил. Егорка подбежал к машине, сел перед ней на корточки и возбужденно сообщил брату:

- Неша! Председатель сказал - сейчас буря будет. Велел всем бежать пособлять с сеном.

- Буря? - удивился Геша. - Плохо наше дело! Сейчас кончу.

Еще немного постучав инструментами, он вылез из-под машины, отряхнулся и бросил инструменты под сиденье в кабине.

- Садись, прокачу, - предложил он брату, заводя мотор.

Егорке стоило большого усилия отказаться от такого соблазна, - но ведь он еще не сказал конюху. Гешка залез в кабину, дал гудок и покатил по дороге под гору.

Егорка долго смотрел, как вьется за машиной пыль. Наконец его внимание привлек Бобик. Он громко лаял на лошадей. Больше десятка их собралось в тень под широкий навес у конюшни. Они прятались там от палящего солнца. Сами стояли неподвижно и только лениво потряхивали гривами и отмахивались хвостами от мух.

Около лошадей хлопотал высокий стари к. Это и был колхозный конюх дед Савелий. Он осматривал, нет ли царапин на шеях и холках лошадей.

15

- Цыц, Бобик! - крикнул на щенка Егорка, подходя. - Дедушка Савелий, председатель наказал всех коней в поле гнать!

- Что так? - удивился старик, с сомнением глядя на чистое небо. Неужто дождя скоро ждать?

- Ой, дедушка, ливень будет! Я сам видел в правлении, как стрелка на машинке аж под самую "Бурю" прыгнула, - приврал Егорка.

- Ах ты, напасть 4какая! Посиди, сынок, минутку, сейчас справлюсь, только домой загляну - старухе сказать.

- А на лошади дашь проехать? - поспешил спросить Егорка.

- Да уж как же, сынок, вместе с тобой и поедем.

Удивительно был счастливый этот день для Егорки: разные удовольствия так на него и сыпались. Дед ушел, а Егорка подозвал к себе Бобика, усадил его рядом с собой на землю в тени от крыши и конюшни. Бобик набегался и очень устал. Он с удовольствием растянулся на холодке и начал сладко, аппетитно похевывать. При этом он жмурил глаза, раскрывал рот до ушей и высовывал розовый, стружкой язык. Глядя на своего дружка, и Егорка стал позевывать. Потом потянулся. Потом положил голову на теплое розовое брюшко Бобика.

дед Савелий вернулся к лошадям очень скоро. Егорка крепко спал, слегка похрапывая.

- Сморило паренька, - улыбаясь сказал дед. - Ишь ведь, какая жарынь-то. Не стану его будить, замаялся, пусть отдохнет.

Дед пошел к лошадям, взгромоздился верхом на одну из них и погнал остальных перед собой с горки.

Как раз в это время появились первые признаки приближающегося ненастья. несколько маленьких белых облачков, неподвижно стоявших высоко в небе, незаметно растаяли. Солнце немилосердно жгло. Воздух стал тяжелым, в нем плохли все звуки. Замолкли кузнечики в траве. Низко над землей пролетели несколько ласточек, - и, неизвестно куда, потерялись. Курицы не клевали зерен, только тщательно смазывали свои перья жирком из копчика. Ворона, прилетевшая на скотный двор, уселась на плетень, раскрыла клюв да так и осталась сидеть, сонно прикрыв веки.

От стены конюшни неслось тихое похрапывание Егорки.

16

Солнце медленно спускалось по небу. Ясная даль затуманилась, и вдаль над озером обозначилась темная туча. Она стала медленно расти; похоже было, что кто-то за два конца поднимает над горизонтом одеяло. Чем выше вставала туча, тем ярче, ослепительнее сверкало солнце. Еще немного спустившись вниз, оно отодвинуло тень от конюшни и осветило веснушчатые щеки и нос Егорки. Егорка почувствовал его сквозь закрытые веки.

В эту минуту ему приснилось, что трактористы решительно отказались идти в луга и, сердито крича, направили прямо в глаза Егорке яркий свет фар. Будто была ночь, и резкий свет ломил Егорке глаза, как студеная вода родника ломит зубы. Будто он побежал от трактористов в деревню, но и здесь никто не хотел идти помогать убирать сено; все прятались от Егорки по избам и направляли ему в глаза ослепительный свет от окошек.

Наконец Егорка проснулся и сел. Он очень удивился, увидев себя под стеной конюшни, и не сразу вспомнил, как это он сюда попал. против него сидел Бобик, умильно смотрел на него и вилял хвостом. Егорка встал, размялся, но и тут еще не сразу сообразил, как было дело. Саоме худшее, что он теперь никак не мог разобраться, исполнил ли он наказ председателя до своего сна или только трактористов послал в луга, пришел сюда, да тут и свалился.

Но вдруг он заметил на небе тучу и увидел, что под навесом нет ни одной лошади.

С высокой крыши колхозного клуба радиогромкоговоритель что-то хрипло кричал, надсаживаясь, простуженным голосом.

тут Егорка понял вдруг, что он проспал долго, и ужасно рассердился на Бобика.

- Это ты меня заснул?! - крикнул он, кинувшись к щенку. - Зевака несчастный!

Хотел со зла наподдать щенку ногой, но Бобик увернулся, Егорка полетел на землю и больно зашиб себе коленку. От обиды и боли нижняя губа Егорки задрожала, подбородок задергался и из глаз хлынули слезы. Егорка заревел - да так со слезами побежал по дороге в луга.

А деревня как вымерла, и не было в ней ни одного человека, чтобы расспросить Егорку, что у него за горе, и утешить его.

17

Добежав до горки, откуда открывался широкий вид на луга, Егорка остановился и с удивлением протер кулаком глаза.

Луга уже не напоминали издали кочковатое болото. Частые кочки-копенки исчезли с них, взамен их выросли большие редкие скирды-зароды.

Одна - последняя скирда - еще не была готова. Со всех сторон колхозники подгоняли к ней лошадей; лошади волокли за собой копны сена. Егорка уже раньше видел, как это делается, и потому не удивлялся, что копна сама собой едет по лугу за лошадью. Он знал, что под копну подкладывают жерди и обвязывают ее веревкой.

На невысокой пока еще скирде стояли восемь парней. Снизу мужчины и женщины на вилах подавали им сено из подвезенных копен. Парни наверху принимали охапки сена и крепко уминали его ногами. Скирда быстро росла вверх.

Но не ждала и туча. Она заходила из-за озера, и рваные края ее быстро приближались к солнцу.

Егорка овидел, как по дороге из Заозерья примчался Анатолий Веденеевич на своем высоком рыжем коне. Он показывал на что-то рукой и отдавал приказания громким голосом. Но слов Егорка на таком расстоянии не мог разобрать. Он припустил дальше и через несколько минут подбежал к скирде. В горячке работы никто не

заметил ни его, ни бежавшего за ним Бобика. Работа здесь была не по плечу маленькому Егорке. Он успел только помочь одной девочке подвезти к скирде последнюю копенку сена.

Туча между тем уже скрыла под собой солнце. На луга набежала тень, и с каждой минутой кругом становилось все темнее. Казалось, среди бела дня настает ночь. Но колхозники уже вершили последнюю скирду. Они прикрыли ее сверху сеном поплоче и ветками, которые принесли ребята из ближнего кустарника. Председатель крикнул, чтобы почаще покрыли сверху жердинами.

Внезапно из-под тучи рванул ветер. Оставшиеся на земле клочья сена взметнулись на воздух. Но повредить плотно-плотно утопанной и прикрытой сверху скирде не мог даже этот вихрь. Видно было, что председателю обо всем заранее подумал, обо всем позаботился. Пока парни слезали сверху, один из колхозников уже опахивал скирду неизвестно откуда взявшимся плугом; делал вокруг нее канавку для стока воды.

Работа была кончена. Все сено было спасено.

Но тревога еще не успела улечься. Колхозники беспокойно переглядывались молча, точно силясь вспомнить, - что такое ими еще недоделано?

18

В это время раздался негромкий сухой звук - пляп! - и ослепительно сверкнула молния. Почти сразу же за ней ударил и раскатился оплушительный гром. Все вдруг задвигались, закричали и побежали по дороге. Кто был при лошадях, садился верхом и мчался в деревню. На дороге стоял Гешкин грузовик, и Гешка сзывал к нему всех аастыми гудками. В одну минуту в кузов грузовика залезли мужчины и женщины. Они наклонялись через борт и, схватив за руки ребят, втаскивали их к себе в кузов. Наконец Гешка дал последний гудок - и машина, битком набитая колхозниками, с шумом тронулась в деревню.

Грузовик укатил, и в лугах настала зловещая тишина. Слышался только отчаянный голос Егорки: "Бобик! Бобик!"

Напуганный близко ударившей молнией и страшным грохотом грома, щенок забился куда-то в кусты. Егорка не захотел оставить его одного и не поехал со всеми на машине.

- Бобик! Бобик! - неся его тоненький голос из рустов. Но Бобик не показывался.

Все больше и больше темнело. Вдруг опять сверкнула молния и раскатился оглушительный гром. Жуть взяла Егорку.

"Вот брошу его тут, - подумал он про щенка, - и пускай его волки съедят!"

19

Но сразу же стало стыдно этой злой мысли.

"Он ведь маленький, глупый еще... Напугался дурашка".

Егорка прошел весь кустарник и остановился на опушке.

"Вернуться? Еще раз обыскать все кусты?"

Но тут вдруг в траве зашевелилось что-то черное, длинное. Егорка даже вздрогнул: "Гадюка?.. - и вдруг понял: - Да ведь это же Бобкин хвост!"

Щенок сейчас же был вытащен за хвост из-под куста и получил строгий выговор от хозяина. Медлить, однако, было нельзя: уже ударили первые тяжелые капли дождя. В невысоком, жидком кустарнике нечего было и думать спрятаться. Егорка опляделся - и с Бобиком под мышкой помчался к скидре.

В одну минуту он выкопал себе в сене с подветренной стороны скирды норку и спрятался в ней с Бобиком. И пора было: дождь хлынул как из бочки. Зачастили молнии, гром сливался с громом в сплошной грохот.

Бобик повизгивал от страха и жался к Егорке. А у Егорки страх совсем пропал: в этом превосходном укрытии от дождя и ветра с несмышленьшем-щенком на коленях он чувствовал себя совсем большим и спокойным. Ведь он должен был заботиться о маленьком, как это делают взрослые.

- Ну что дрожишь, дурашка? - ласковым голосом говорил он Бобику, глядя его по шелковистой спинке. - Плохо тебе разве тут? Что вздрагиваешь? Грома боишься? Да ведь он же вон уж куда укатился.

И правда: гром стал тише, гроза удалялась. Но ливень был такой, что за сплошной стеной воды потерялись даже ближние кусты. Всюду стояли лужи, из них выскакивали большие пузыри и тут же лопались. По канавке, сделанной плугом, бежал быстрый ручеек. Ветер со всей силы налетал на скирду, но ничего не мог ей сделать и только гнул гибкую водяную стену ливня.

тучу пронесло неожиданно быстро. Разом кончился ливень. Опять стало светло и на небе ослепительно за сверкало солнце. Дышать было легко и радостно. И все кругом - трава, кусты, сено в скирде, - все сияло неисчислимыми звездочками дождевых капель.

По дороге из деревни, разбрызгивая лужи, мчался грузовик. Поравнявшись со кирдой, он сотановился. Геша открыл дверцы кабины и крикнул Егорке:

- Ты куда ж это запропастился? Сам Анатолий Веденеевич забеспокоился. "Поезжай, - говорит, - привези братишку". Я говорю: "Бензин только зря тратить, - не пропадет Егорка, не маленький". Так и есть: ишь ведь, даже не вымок нисколько.

- Я под скирдой сидел, - сказал Егорка, подхватил Бобика и полез к брату в кабинку.

20

Председателя колхоза Егорка встретил вечером того же дня, после ужина. Анатолий Веденеевич о чем-то беседовал на крыльце справления с конюхом - дедом Савелием.

- Эге, Бригадирыч! - крикнул он Егорке, завиде вего издали. - А ну, топай сюда!

И когда Егорка подошел, сказал, обращаясь к деду Савелию:

- Молодец он у меня нынче: весь народ собрал на помочь, на сеновницы-то. Наградить надо парня. Возьмешь его нынче в ночное?

оЕхать с делом Савелием в ночное считалось у ребят большим счастьем. Можно было и верхом прокатиться и сказки послушать: дед был мастер сказки рассказывать.

- Что ж не взять, - согласился дед Савелий и подмигнул председателю, - он у нас наездник лихой, с седла не свалится: поскольку седел у нас и в заводе нет.

егорка помчался домой.

- Мам! - крикнул он еще с порога избы. - Дай шубачок. Я с дедушкой Савелием в ночное, - председатель велел!

- Еще чего выдумал! - рассердилась мать. - Наряд тебе председатель дал! Утром на рыбалку, теперь в ночное, - отдыхать-то когда же?

- Дак ведь на рыбалку-то я же вчера ходил... - начал было Егорка, и осекся.

Помощь неожиданно пришла от отца:

- Ишь ведь, вчера, думаешь? Длиннен же для тебя день выдался. А все заботы да хлопоты. И соснул ты среди дня, - вот и разбил сутки надвое. Ну, ничего, - пусти его, мать, в ночное. Это ему премия за утреннюю рыбку да за сеновницы. Он у костерка поспит. дедушка Савелий за ним присмотрит.

Поворчала мать, поворчала, - потом все-таки дала полубубок, да краюху хлеба, да молока бутылку.

21

Солнце уже село в далекий лес, когда Егорка прибежал в конюшню. Дед Савелий положил полубубок на спину невысокой лошаденке мышинной масти и посадил на него Егорку. Выпущенные из конюшни кони, хорошо зная дорогу, сами побежали на берег озера, где для них был огорожен большой выпас.

Дед и Егор ехали сзади и степенно беседовали. Они уже выехали за околицу, когда их с обиженным лаем догнал Бобик.

- Верный у тебя дружок, - успехнулся дед. - Вырастишь - добрым сторожем тебе будет.

- А то как же! - с важностью сказал Егорка. - Чай волкодава ращу.

Подъехав к выпасу, дед и Егорка слезли с лошадей и закрыли за собой ворота.; Через пять минут на песке у берега озера весело затрещал, запылал костер, а за ним и другой рядом. Один разжег дед, другой - Егорка. Но Егоркин костер очень быстро догорел: он был нарочно сложен из сухих вересковых веток и еловых лап. Они разом вспыхивали, отчаянно дымили и живо гасли.

На месте догоревшего костра дед уложил Егорку: сырой после дождя песок здесь хорошо прокалился, и Егорке было тепло лежать на нем. В другой костер дед подложил толстые сухие поленья, чтобы горели всю ночь.

Ночь обступила небольшой круг, освещенный костром, - точно шатром из темноты прикрыла его. Над дальним лесом гасла заря. Тихо было кругом, только позванивали колокольцы да изредка приглушенно ржали лошади. Над озером овставал густой туман.

22

Лежа на своем полубубке, Егорка задумчиво смотрел в костер. Там рассыпались и вспыхивали золотые, как зорька, угли. Столбушкой поднимался над ними густой белый дым.

- Расскажи чего-нибудь, дедушка Савелий, - попросил Егорка.

дед молча набил трубку, достал палочкой из костра золотой уголек, положил его в трубку и придавил своим большим корявым пальцем. Раскурил табак и не спеша начал:

- Расскажу тебе, сынок, про одну малую травку. А ты слушай да смекай, об чем тут речь.

Была в одном колхозе луговина, или, сказать, пожня. Много разных трав росло, и все самые для скотинки едомые, самые что ни на есть кормовистые. Была тут и Тимофеева трава, и Мятлик, и Пырей, и Костер-трава, и Ежэа, и Лисохвост. И еще был малый Колосок - так себе травка, простая былиночка: ни красы от него, ни проку. Ну, хоть он и невелик был ростом, высокие травы на него не обижались.

- Пусть растет, - говорили Тимофеева трава и Лисохвост, покачивая своими мягкими щеточками, похожими на ламповое ежики. - Так приятно смотреть на малышей.

- Маленько он похож на меня, - гооврил Мятлик. - И листочки у него узенькие и прическа метелочкой. Обождите, он еще покажет себя.

А жесткий Пырей и Костер-трава на него осерчали.

- Какой с него прок! - говорили они. - Только под ногами у нас путается да нашу пожню бесславит. Наше сено человеку по колено, а этот малыш, что Ландыш.

- Как есть Ландыш, - добавляла колючая Ежа. - Только без запаха. Какой с него толк?

Пришел сенокос, застрекотала на пожне сенокосилка, - полегли травы на землю и стали сеном.

Свезли то сено колхозники в район, сдали гносударству, от государства благодарность получили:

- Спасибо, колхознички. на удивленье у вас сено приятное. Прямо хоть из него духи делай - "Душистое сено".

Накормили тем сеном колхозники лошадей да коров; жуют лошади да коровы - не нажуются, нюхают - не нанюхаются.

Набили тем сеном колхозники сенники себе и спят на них - не нахвалятся: уж больно дух от того сена легкий да приятный, уж больно сны на тех сенниках сладкие снятся!

А все от того колоска от малого: как скосили его, так и взялся от него дух, что от того Ландыша весной.

Вот ты и примечай, сынок: где не лугу тот простенький Колосок имеется, где ему среди высоких трав хорошо расти, - там сено будет самолучшее, славное будет сенцо, духовитое. А нет на лугу Душистого Колоска- простой малой Душицы-травки - и нет от сена того духа, нет от него людям той радости...

Дед Савелий кончил попыхивать своей трубкой, вынул ее изо рта и взглянул на Егорку.

Подперев голову рукой, Егорка крепко пал. дед Савелий встал и плотно прикрыл его свободной полрой полушубка.

Подбежал Бобик; он долго гонял на берегу лягушек и притомился.

- Ну, волкодав, - посмеиваясь сказал дед, - садись карауль хозяина. Такая уж твоя собачья должность.

Бобик весело замахал хвостом в ответ, как будто соглашаясь бодро нести всю ночь караульную службу. Но когда дед, поправив поленья в костре, опять перевел на него глаза, щенок тоже спал, прикорнув к ногам Егорки.

- Нахлопотались, - прошептал дед Савелий. - Малыши-Ландыши...

И опять запыхал своей трубкой.

О С Е Н Ь

ПЕРВАЯ ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЛЕСУ

Исчезли все певчие птицы в ярких и пестрых нарядах. Как они отправлялись в путь, мы не видели, потому что они отлетают ночью.

Многие птицы предпочитают утешествовать по ночам: так безопасней. в темноте их не трогают сокола, ястреба и другие хищники, которые выбрались из лесов и ждут их на пути. А дорогу на юг перелетные птицы найдут и в темную ночь.

На Великом Морском пути показались стаи водяных птиц: уток, нырков, гусей, куликов. Крылатые путники делают остановки на тех же местах, что и весной.

Желтеет листва в лесу. Зайчиха принесла еще шестерых зайчат. Это последние в нынешнем году зайчата - листопадники.

На тинистых берегах заливов кто-то по ночам ставит крестики. Крестиками и точечками усеяна вся тина. Мы сделали себе шалашку на берегу заливчика и хотим посмотреть, кто это шалит.

ЛЕСНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Уж сильно поредела на берегах листва. Сиротливо качается на голой ветке давно покинутый хозяевами домик - скворешня.

Вдруг - что такое? - подлетели два скворца. Самочка скользнула в скворешню, деловито копошится в ней. Самец сел на веточку, посидел, поглядел по сторонам... и запел! Но тихонько запел, будто про себя.

Вот кончил. Самочка вылетела из скворешни, - скорей назад, к стае. И он за ней. Пора, пора: не сегодня завтра - в путь далекий.

Простились с домиком, где летом вывели ребят.

Они его не забудут, и весной опять поселятся в нем.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВПЛАВЬ

В лугах никнет к земле умирающая трава.

Уже ушел в свое далекое путешествие знаменитый скороход коростель-дергач.

На Великом Морском пути показались нырцы и гагары. Они ныряют и ловят рыбу под водой.

На крылья они поднимаются редко. Плывут и плывут. Вплавь перебираются через озера и заливы.

Им не надо даже приподниматься над водой, чтобы с размаху погрузить свое тело в воду, как это делают утки. Их тело так устроено, что стоит только им опустить голову и сильно гребнуть перепончатыми ногами-веслами, как они уже уходят вглубь. Под водой гагары и нырцы чувствуют себя как дома. Ни один крылатый хищник не станет их там преследовать. Плавают они с такой быстротой, что догоняют даже рыб. А летают гораздо хуже быстрокрылых хищных птиц.

Зачем же им подвергать себя опасности и подниматься на крылья? Они совершают свое далекое путешествие вплавь, где только можно.

ПУТЁМ-ДОРОГОЮ

Каждый день, каждую ночь отправляются в путь крылатые странники. летят не спеша, потихоньку, с долгими остановками - не то что весной. Видно, не хочется им расставаться с родиной.

Порядок перелета обратный: теперь первыми летят яркие, пестрые птицы, последними трогаются те, что прилетали весной первыми, зяблики, жаворонки, чайки. У многих птиц вперед летят

молодые; у зябликов - самки раньше самцов. Кто посильней и выносливей, дольше задерживается.

Большинство летит прямо на юг - во Францию, Италию, Испанию, на Средиземное море, в Африку. некоторые - на восток; через Урал, через Сибирь в Индию. Тысячи километров мелькают внизу.

ГОТОВЯТСЯ К ЗИМЕ

Мороз не велик, а зевать не велит: как грянет - разом землю и воду скует дльдом. Где тогда еды себе достанешь? Куда спрячешься?

В лесу каждый готовится к зиме по-своему.

Кому положено, улетел от голода и холода на крыльях. Кто остался, торопится набить свои кладовые, заготавливает запасы пищи впрок. Особенно усердно таскают ее короткохвостые мышки-полевки. Многие из них вырыли себе зимние норы прямо в стогах и под хлебными скирдами и каждую ночь воруют зерно.

К норе ведут пять или шесть дорожек, каждая дорожка - в свой вход. Под землей - спальня и несколько кладовых.

Зимой полевки собираются спать только в самые сильные морозы. Поэтому они делают большие запасы хлеба. В некоторых норах собрано уже по четыре-пять килограммов отборного зерна.

Маленькие грызуны обворовывают хлебные поля. Надо оберегать от них урожай.

ЗАПАСЫ ОВОЩЕЙ

Короткоухая водяная крыса летом жила на даче, у самой речки. Там у нее была одна жилая комната под землей. Ход из комнаты вел косо вниз прямо в воду.

Теперь водяная крыса устроила себе хорошую, теплую зимнюю квартиру далеко от воды, на кочковатом лугу. В квартиру ведут подземные ходы-переходы по сто шагов в длину и больше.

Спальня выстлана мягкой, теплой травой и помещается под самой большой кочкой.

Кладовая соединена со спальней особыми ходами.

В кладовой сложены в строгом порядке - по сортам - похищенные и перетащенные крысой с полей и огородов хлебные зерна, горох, луковицы, бобы и картофель.

БЕЛКИНА СУШИЛЬНЯ

Белка отвела под кладовую одно из своих круглых гнезд на деревьях. Там у нее сложены лесные орешки и шишки.

Кроме того, белка собрала грибы - маслята и березовики. Их она насадила на обломанные сучочки сосен и сушит впрок. Зимой она будет бродить по ветвям и подкрепляться сушеными грибами.

ЖИВЫЕ КЛАДОВЫЕ

Удивительную кладовую нашла для своей личинки оса-наездник. У нее быстрые крылья, зоркие глаза под загнутыми кверху усиками. Очень тонкая талия отделяет ее грудь от брюшка, а на конце брюшка - длинное, прямое и тонкое, как игла, жало. Летом оса-наездник отыскала большую толстую гусеницу бабочки, напала на нее, оседлала и вонзила в ее кожу острое жало. Жалом она просверлила в теле гусеницы дырочку и в эту дырочку опустила свое яичко.

Оса улетела, а гусеница скоро оправилась от страха. Опять стала она есть листья и, когда подошла осень, выткала себе кокон и окуклилась. Вот тут-то, в куколке, и вышла из яичка личинка осы-наездника. Ей тепло, спокойно внутри крепкого кокона и пищи хватит на целый год.

Когда опять придет лето, кокон гусеницы откроется, но вылетит из него не бабочка, а поджарая, жесткотелая, черно-желто-красная оса-наездник. Это наш друг. Ведь она-то и уничтожает этих вредных гусениц.

ОПЯТЬ ЛЕТО?

То вхолод, ветер ледяной, то вдруг солнышко выплянет, и станут дни теплые, тихие. И тогда кажется: неожиданно лето вернулось.

Из-под травы цветы выплянули, желтые одуванчики, первоцветы. В воздухе порхают бабочки, комары-толкуны кружатся легкими столбиками. Выскочит откуда-то птичка-малышка, крошечный бойкий подкоренник, дрыгнет хвостиком и запоет - да так задорно, так звонко!

А с высокой ели тихонько и грустно - точно капельки падают в воду жалостно прозвенит нежная песенка запоздалой пеночки-теньковки: "Те-тень-ка! Те-тень-ка!"

И забудешь, что зима скоро.

ГОРОДСКИЕ НОВОСТИ

ДЕРЗКИЙ НАЛЁТ

В Ленинграде, на Исаакиевской площади, среди бела дня, на глазах у прохожих совершен дерзкий налет.

С площади поднялась стая плубей. В это время с купола Исаакиевского собора сорвался крупный сокол-сапсан и ударил по крайнему голубю. Пух закружился в воздухе.

Прохожие видели, как перепуганная стая метнулась под крышу большого дома, а сапсан, держа в когтях убитую жертву, тяжело поднялся на купол собора.

Пролетный путь больших соколов проходит на нашем городом.

Крылатые хищники любят устраивать свои гнезда на куполах и колокольнях: отсюда им удобно высматривать добычу.

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Почти каждую ночь на окраинах города - тревога.

Заслышав шум на дворе, люди соскакивают с кроватей, высовывают головы в окна. Что такое, что случилось?

Внизу, во дворе, громко хлопают крыльями птицы, гогочут гуси, кричат утки. Уж не напал ли на них хорек, не пробралась ли во двор лисица?

Но какие же лисы и хорьки в каменном городе, за чугунными воротами домов?

Хозяева осматривают двор, осматривают птичники. Все в порядке. Никого нет, никто не мог пробраться за крепкие замки и засовы. Просто, верно, дурной сон прислился птицам. Вот они уже и успокоиваются.

Люди ложатся в постели, засыпают спокойно.

А через час - опять гогот и кряканье. Переполох, тревога. Что такое? Что там опять?

Открой окно, притаись и слушай. В черном небе мерцают золотые искры звезд. Все тихо.

Но вот словно чья-то неуловимая тень скользит вверх, по очереди затмевая золотые небесные огоньки. Слышится легкий прерывистый свист. Неясные голоса звучат с высокого ночного неба.

Мгновенно просыпаются дворовые утки и гуси. давно, казалось, забывшие волю, птицы в смутном порыве бьют крыльями по воздуху. Они приподнимаются на лапках, вытягивают шеи, кричат, кричат горестно и тоскливо. С высокого черного неба им отвечают призывом вольные, дикие сестры. Над каменными домами, над железными крышами тянут стая за стаяй крылатые странники. Свистят утиные крылья. Звенит гортанная переключка диких гусей и казарок:

- Го! го! го! В дорогу, в дорогу!

- От холода и голода! В дорогу, в дорогу!

Замирает вдали звонкий гогот перелетных, а в глубине каменного двора мечутся давно отвыкшие от полета домашние гуси и утки.

80 ТЫСЯЧ ДЕРЕВЬЕВ И КУСТОВ

Юные садоводы-любители активно участвуют в "Неделе сада".

За последние дни плодово-ягодная станция распределила по городу 5000 саженцев яблони, смородины, крыжовника и различных декоративных растений. В садах, парках, скверах, на площадях и улицах Ленинграда идет осенняя посадка деревьев и кустов. Город озеленяется кленами, дубами, березой, кустами сирени и жимолости. Осенью высажено юннатами свыше 80 тысяч деревьев и кустов.

ПРЯЧУТСЯ...

Холодно становится, холодно!

прошло красное лето...

Стынет кровь, вялыми становятся движения: одолевает дремота.,

Хвостатый тритон все лето прожил в пруду, ни разу не вылезал из него. Теперь вскарабкался на берег, побрел в лес. Нашел гнилой пень, скользнул под кору, свернулся там в клубочек.

Лягушки, наоборот, скачут с берега в пруд. Нырют на дно, забиваются поглубже в тину, в ил. Змеи, ящерицы прячутся под корни, зарываются в теплый мох. Рыбы стаями громоздятся в омутах, в глубоких подводных ямах.

Забравлись в щелочки, скважинки коры, в трещины стен и заборов бабочки, мухзи, комары, жуки. Муравьи закупорили все ворота, все входы-выходы своего высокого стовратого города. Забрались в самую глубину его, жмутся там в кучи, потесней, - застывают так.

Голодно становится, голодно!

Холод не так страшен тем животным, у которых кровь горячая, - зверям, птицам. Лишь бы пища была: поел - словно печечку в себе затопил. Но с холодом приходит и голод.

Скрылись бабочки, мухи, комары, - и нечего стало есть летучим мышам. Они прячутся в дупла, в пещеры, в расселины скал, под крышу на чердаках. Повисают там вниз головой, прицепившись за что-нибудь коготками задних лапок. Запахиваются, как плащом, своими крыльями, - засыпают.

Скрылись лягушки, жабы, ящерицы, змеи, улитки. Спрятался еж в свое травяное гнездо под корнями. Барсук реже выходит из норы.

БЕЗ ПРОПЕЛЛЕРА

В эти дни над городом летают странные маленькие аэропланы.

Прохожие останавливаются посреди улицы, задирают головы и с удивлением следят за мадленными кругами воздушной эскадрильи. Они спрашивают друг друга:

- Вы видите?..

- Вижу, вижу.

- Как странно: почему не слышно шума пропеллеров?

- Может быть, слишком высоко? Поглядите, какие они маленькие.

- И опустятся - все равно не услышите.

- Почему это?

- Потому что пропеллеров у них нет.

- Как так - нет? Это что же - система такая новая? Как называется? Орлы!

- Вы шутите! Какие же в Ленинграде орлы!

- А вот такие - беркуты. Пролет у них сейчас: к югу тянут.

- Вот оно что! Ну, теперь сам вижу: птицы кружат; не сказали б, так бы и думал: аэропланы. ДО чего похожи! Хоть бы раз крылом взмахнули...

СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ

На Неве, у моста Лейтенанта Шмидта, у Петропавловской крепости и в других местах, неделями держатся дикие утки самых удивительных форм и расцветок.

тут и черные, как ворон, синьки, и горбоносые, с белым на крыле, турпаны, и пестрые морянки с хвостами, как спицы, и яркие многоцветные гоголи.

Они нисколько не боятся городского шума.

Они не боятся даже, когда прямо на них мчится черный буксир, разрезая воду железным своим носом. Они ныряют - и снова показываются над водой за несколько десятков метров от прежнего места.

Все эти утки-нырки - путники на Великом Морском пути. Два раза в год они гостят в ленинграде - весной и осенью.

Когда по Неве пойдет лед с Ладожского озера, они исчезнут.

УГРИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Осень на земле. Осень и под водой. Холодает вода.

Старые угри уходят в свое последнее путешествие.

Из Невы в Финский залив, через Балтийское море и Немецкое море идут они в глубокий Атлантический океан.

Ни один из них не вернется в реку, где провел всю жизнь. Все найдут себе могилу в океане на глубине тысячи метров.

Но прежде чем умереть, они вымечут икру. Там, в глубине, не так холодно, как можно подумать: там семь градусов тепла. Там из каждой икринки скоро выйдет крошечный, прозрачный, как стеклышко, малек угря лептоцефал. Миллиардными стадами лептоцефалы отправятся в далекое путешествие. ОИ через три года они войдут в устье Невы. Тут они вырастут и превратятся в угрей.

ХВОСТЫ

Прилетела Муха к Человеку и говорит:

- Ты хозяин над всеми зверями, ты все можешь сделать. Сделай мне хвост.

- А зачем тебе хвост? - говорит Человек.

- А затем мне хвост, - говорит Муха, - зачем он у всех зверей, - для красоты.

- Я таких зверей не знаю, у которых хвост - для красоты. А ты и без хвоста хорошо живешь.

Расердилась Муха и давай Человеку надоедать: то на сладкое блюдо сядет, то на нос ему перелетит, то у одного уха жужжит, то у другого. Надоела, сил нет! Человек ей и говорит:

- Ну, ладно! Лети ты, Муха, в лес, на реку, в поле. Если найдешь там зверя, птицу или гада, у которого хвост для красоты только привешен, можешь его хвост себе взять. Я разрешаю.

Обрадовалась Муха и вылетела в окошко.

Летит она садом и видит: по листу Слизняк ползет. Подлетела Мужа к Слизняку и кричит:

- Отдай мне твой хвост, Слизняк! Он у тебя для красоты.

- Что ты, что ты! - говорит Слизняк. - У меня и хвоста-то нет: это ведь брюхо мое. Я его сжимаю да разжимаю, - только так и ползаю. Я брюхоног.

Муха видит: ошиблась, - и полетела дальше.

Прилетела к речке, а в речке Рыба и Рак - оба с хвостами. Муха к Рыбе:

- Отдай мне твой хвост! Он у тебя для красоты.

- Совсем не для красоты, - отвечает Рыба. - Хвост у меня - руль.

Видишь: надо мне направо повернуть - я хвост вправо поворачиваю; надо налево - я влево хвост кладу. не могу я тебе свой хвост отдать.

Муха к Раку:

- Отдай мне твой хвост, Рак!

- не могу отдать, - отвечает Рак. - Ножки у меня слабые, тонкие, я ими грести не могу. А хвост у меня широкий и сильный. ЯЧ как шлепну хвостом по воде, так меня и подбросит. Шлеп, шлеп - и плыву, куда мне надо. Хвост у меня вместо весла.

Полетела Муха дальше. Прилетела в лес, видит: на суку Дятел сидит. Муха к нему:

- Отдай мне твой хвост, Дятел! Он у тебя для красоты только.

- Вот чудачка! - говорит Дятел. - А как же я деревья-то добить буду, еду себе искать, гнезда для детей устраивать?

- А ты - носом, - говорит Муха.

- Носом-то носом, - отвечает Дятел, - да ведь и без хвоста не обойдешься. Вот гляди, как я долблю.

Уперся Дятел крепким, жестким своим хвостом в кору, размахнулся всем телом, да как стукнет носом по суку - только щепки полетели!

Муха видит: верно, на хвост Дятел садится, когда долбит, - нельзя ему без хвоста. Хвост ему подпоркой служил. Полетела дальше. Видит: Оленюха в кустах со своими оленятами. И у Оленюхи хвостик - маленький, пушистый, беленький хвостик. Муха как зажужжит:

- Отдай мне твой хвостик, Оленюха!

Оленюха испугалась.

- Что ты, что ты! - говорит. - Если я отдам тебе свой хвостик, так мои оленятки пропадут.

- Оелняткам-то зачем твой хвост? - удивилась Муха.

- А как же, - говорит Оленюха. - Вот погонится за нами Волк. Я в лес кинусь - прятаться. И оленятки за мной. Только им меня не видно между деревьями. А я им белым хвостиком машу, как платочком: сюда бегите, сюда! Они видят: беленькое впереди мелькает, - бегут за мной! Так все и убежим от Волка.

Нечего делать, полетела Муха дальше.

Полетела дальше и увидела Лисицу. Эх, и хвост у Лисицы! Пышный да рыжий, красивый-красивый!

"Ну, - думает Муха, - уж этот-то хвост мой будет".

Подлетела к Лисице и кричит:

- Отдавай хвост!

- Что ты, Муха! - отвечает Лисица. - Да без хвоста я пропаду. Погонятся за мной собаки, живо меня бесхвостую поймают. А хвостом я их обману.

- Как же ты, - спрашивает Муха, обманешь их хвостом?

- А как станут меня собаки наступать, я хвостом верть! верть! - туда - сюда! - хвост вправо, сама влево. Собаки увидят, что хвост мой вправо метнулся, и кинутся вправо. ЖДа пока разберут, что ошиблись, - я уж далеко.

Видит Муха: у всех зверей хвост для дела, нет лишних хвостов ни в лесу, ни в реке. Нечего делать, полетела Муха домой. Сама думает:

"Пристану к Человеку, буду ему надоедать, пока он мне хвост не сделает".

Человек сидел у окошка, смотрел во двор.

Муха ему на нос села. Человек бац себя по носу! А Муха уж емоу на лоб пересела! Человек бац по лбу, - а Муха уж опять на носу!

- Отстань ты от меня, Муха! - взмолился Человек.

- Не отстану, - жужжит Муха. - Зачем надо мной посмелся, свободных хвостов искать послал? Я у всех зверей спрашивала, - у всех зверей хвост для дела.

Человек видит: не отвязаться ему от Мухи, вон какая надоедливая.

Подумал и говорит:

- Муха, МУх-а, в он Корова на дворе. Спроси у нее, зачем ей хвост?

- Ну, ладно, - говорит Муха, - спрошу еще у Коровы. А если и Корова не отдаст мне хвоста, сживу тебя, Человек, со свету.

Вылетела Муха в окошко, села Корове на спину и давай жужжать, выпрашивать:

- Корова, корова, зачем тебе хвост? Корова, Корова, зачем тебе хвост?

Корова молчала, молчала, а потом как хлестнет себе хвостом по спине и пришлепнула Муху.

Упала Муха на землю, - дух вон, и ножки кверху.

А Человек и говорит из окошка:

- Так тебе, Муха, и надо: не присматывай к людям, не приставь к зверям. Надоеда.

ГЛУПЫЕ ВОПРОСЫ

Тихо в комнате. Отец с утра сел за стол. Пишет. Вдруг распахнулась дверь, вбежала его маленькая дочь:

- Мама ушла. Мне одной скучно. Можно, я буду у тебя играть?

- Хорошо. Только тихор. Садись вон у окна. И не мешай мне.

Взяла стул, взобралась на него с ногами и рассматривает книжку с картинками. Но книжка старая, давно знакомые картинки. Из раскрытого окна видны берег реки, опушка леса.

Книжка летит на пол. Дочь уже на подоконнике. - Птичку вижу, говорит она через минуту тихонечко, будто про себя.

- Птичку, - поправляет отец, не поднимая головы от бумаги. - Какую птичку?

- Да просто птичка маленькая.

- "Просто птичек" не бывает.

- Нет бывает. Вот такие.

- Какого цвета?

- Какого?.. Птичьего цвета: серенькая да беленькая. В реке на камушке сидит. И еще другая. По берегу бежит. Смотри, смотри, кланяется. А та ей с камушка хвостиком кивает.

- Мне отсюда не видно. А другая какого цвета?

- Песоченького. И с галстучком.

- Песочного цвета, с черным галстучком и кланяется, - это зук. А та, на камушке, хвостиком кивает, - эта плипка, трясогузка. У каждой птицы свое имя.

- Я знаю. Вон сорока-белобока из леса вылетела, по земле скачет. Хвостатая какая. Отчего такой хвост?

- Ну, как - отчего? Что ты спрашиваешь?

- Не знаешь? А отчего зук кланяется, а плипка хвостиком кивает? Это они здороваются?

- Какие пустяки! Разве птицы здороваются?

- А вон еще птицы. Белые-белые! Большие.

- Ну, чайки.

- Да, да... Они рыбку из воды клюют. А зачем они белые?

- Какие глупые вопросы! Я сказал тебе: не мешай мне, а ты все время со мной разговариваешь. Ступай отсюда. Займись своими игрушками. Ступай, ступай, нечего!

Дочь надула губки, всхлипнула. Но послушаться не посмела, ушла.

Отец вдруг положил перо. посмотрел в окно и крепко задумался.

А вечером, когда дочь пришла поцеловать его на ночь, он сказал ей:

- Ты прости меня, пожалуйста, что я утром назвал твои вопросы глупыми. Они совсем не глупые. Я подумал, и теперь могу тебе рассказать три сказки.

- Расскажи, расскажи! - обрадовалась дочь.

И она ловко вскарабкалась к нему на колени.

ОТЧЕГО У СОРОКИ ТАКОЙ ХВОСТ?

- Первая сказка, - сказал отец.

- "Жила-была птица. Спросишь, какая? Да никакая. Просто п т и ц а, и все тут! И имени у нее не было, одно название - п т и ц а. И жила она знаешь где? У человека в голове. Один раз человек открыл рот, хотел зевнуть. Она - порх, и вылетела.

Смотрит, - день весенний, веселый. небо голубое-голубое, на нем солнце, мелкие облака. Простору сколько!

Внизу стоит лес - кудрявый, густой, тенистый. Уютный такой. А ниже леса - река. Вода бежит, блещет, по берегам кусточки зеленые, песок золотой горит.

"Ах! - думает птичка. - Красота какая! Весело как!"

Весело-то весело, а кушать надо.

Видит: мухи, комары кругом летают.

Замахала крылышками, погналась за ними. А крылышки у нее ни длинные, ни короткие, ни круглые, ни острые, - средненькие.

Машет крылышками, за мухами, комарами гоняется, а поймать не может.

Вдруг мчится стриж. Вперед пронесся, круг дал, да назад, да вниз, да вверх, вправо, влево, - да всех мух, комаров и переловил.

- Вот, - говорит, - как летать надо, чтобы мух, комаров ловить. Вот какие крылья для этого надо, видела?

Посмотрела птица: у него крылья длинные-длинные. Сложит их, - под ними и хвоста не видно. Узкие крылья, острые, как кривые ножницы, если их растопырить.

"Ну, так я в лес полечу, - думает птица. - Там себе что-нибудь промыслю".

Прилетела в лес, а там - чаща. Крылья за ветки задевают, хвост она поворачивать не успевает.

А хвост у нее ни длинен, ни короток, ни широк, ни узок, средненький.

Выскочила из чащи сорока, хохочет:

- Да разве с таким хвостом в лесу лежать? Тут во какой хвост надо, видела?

И подняла свой хвост. А хвост у сороки длинней самой сороки.

- Крылышки тебе поменьше бы надо, покруглей, а хвоста прибавить, чтобы верть - и повернула, верть - и в другую сторону. В чаще-то и все так. Дернула хвостом, и нет ее.

"Ну, - думает птица, - начит, на реку мне лететь надо. Там промыслю".

И полетела".

- Тут первой сказке конец, а тебе ответ - отчего у сороки такой хвост.

КОМУ ЗУЁК КЛАНЯЕТСЯ, А ПЛИСКА ХВОСТОМ КИВАЕТ?

- Вторая сказка, - говорит отец.

- "Прилетела птица на реку. Села на обрыве и видит: по песку, у самой волны, бегают зук. Побежит-побежит - и станет. А станет - сейчас кланяться начнет. И кланяется, и кланяется.

А на камушке в воде сидит тоненькая плиска. И все хвостиком кивает, все кивает хвостиком.

Птица думает:

"Кому это они кланяются? Уж не мне ли?"

Вдруг - жжип! - со свистом пронесся над ней чеплок-соколог. И пропал.

Звек и плиска кричат птице:

- Счастье твое, что ты смиренхонько сидела! А то увидел бы тебя чеплок-соколог и унес бы в когтях. Пискнуть бы не успела.

Птица удивилась:

- А почему бы он меня увидел, если б я двигалась?

- Да потому, что ты на земле сидишь, кругом тебя одни камни, тихо все, не шевелится. А кто шевельнется, того сразу заметно.

- Так чего же вы-то кланяетесь, вы чего киваете?

- А мы у волны живем. Волна колыхнется, и мы колыхнемся. Нам так надо. Станем смирно, а кругом все движется, все качается, - сразу нас заметно".

- Тут второй сказке конец, а тебе ответ, - кому зук кланяется, а плиска хвостиком кивает.

- И третья сказка, - сказал отец.

ПОЧЕМУ ЧАЙКИ БЕЛЫЕ?

- "Птица думает:

"В воздухе мне не прожить, в лесу не прожить, и на реке, выходит, тоже не прожить: я прятаться не умею. Кто бы меня защитил?"

И видит: летит-плывет над рекой белая чайка.

Вдруг чайка крылья сложила и пала в воду. Пала в воду, крыльями над спиной взмахнула и опять на воздух поднялась.

А во рту у нее - рыбка.

Тут еще и еще со всех сторон налетели белые чайки. Стали над рекой кружиться, падать, подниматься, - из воды рыбок таскать.

"Вот славно, - думает птица. - Пристану к чайкам. И сыта буду и цела буду: чайки большие, чайки сильные, они меня от чеплока-соколка защитят".

Полетела к белым чайкам:

- Примите меня в артель!

Посмотрели на нее белые чайки и говорят:

- Не годишься ты в нашу артель. Как ты своим носом рыбку будешь ловить? У нас, видишь, носы крепкие, острые. А твой нос ни крепок, ни мягок, ни тупой, ни остренький, - средненький.

- Ничего, как-нибудь, - говорит птица.

- И серенькая ты, - говорят белые чайки. - Даже и не поймешь, какого цвета. А мы, видишь, белые.

- А почему вы белые? - спрашивает птица.

- Нам другими быть нельзя, - отвечают белые чайки. - Первое дело, рыбки из воды нас видеть не должны, - а то разве их поймашь? Рыбки снизу смотрят, - над ними потолок белый. Речной потолок. А над ним - небо, на нем облака белые. Нас, белых, над белым под белым рыбкам не видно.

Второе дело, мы дружной артелью рыбку ловим. Разлетимся в разные стороны, и каждая высматривает рыбку. Рыба стадами ходит.

Вот мы и глядим друг за дружкой издали, из глаз не выпускаем. Вот сложила подружка крылья, - пала на воду. Ага, значит, рыбка там!

И все мы к счастливой подружке спешим, все рядом ловить принимаемся.

Издали мы друг на дружку сбоку смотрим. И нам друг дружку хорошо видать: ведь белые мы, заметные на воде и над берегом. А тебя, серенькую, нам не усмотреть: ты над берегом полетишь, - не видно, мимо леса - не видно и под небом - не видно. Уж на что у чеплока-соколка глаза острые, и тот тебя не приметил. А кого не видно, для нас того и нет.

- А как же я? - спрашивает птица.

- Да тебя и вовсе нет, - отвечают белые чайки. - ты кругом средненькая. Ты выдуманная. Таким под солнцем места нет. Посмотри-ка на себя в воду.

Посмотрела птица вниз. Там, в тихой реке, все как в зеркале: и белые чайки кружат, и зук кланяется, и плипка хвостом кивает, и сорока прилетела - на кусту сидит, и стриж в небе мчится. А ее - птицы - нет.

- И лети-ка ты, - говорит чайка, - назад, откуда взялась!

Делать нечего, - полетела птица назад, к своему человеку.

Человек этот как раз спал, - рот разинул.

Птица и впорхнула ему в голову.

Человек плотнул, вздохнул, проснулся и говорит:

- Вот сон какой приснился! Будто жила-была птица..."

- И тут третьей сказке конец, а тебе ответ, - почему чайки белые.

КУЗЯ ДВУХВОСТЫЙ

Сергейке очень хотелось поймать какую-нибудь птичку, особенно кузю большую белошекую синицу. Уж очень они - кузи - веселые, бойкие, смелые.

Клетка у Сергейки была, а западню ему дали товарищи. На три дня дали. И в первый же день Сергейке попался в западню кузя.

Сергейка понес его домой и стал пересаживать из западни в клетку. Но кузя так бился, дрался и клевался, что Сергейка ненарочно выдрал у него несколько перьев из хвоста. И стал кузя двуххвостый: сзади торчат перья вилочкой, а посередине ничего нет.

Сергейка подумал: "Куда мне двуххвостого! Мальчишки засмеют, скажут: "Общипанный, в суп его надо".

И решил кузю выпустить и наловить других птиц. Два дня оставалось еще у него.

А кузя прыгает себе с жердочки на жердочку, переворачивается вниз головой, как обезьяна, и долбит своим крепким клювиком зерна. Солнце в комнату заглянет, он запоет:

- Зин-зи-вер, зин-зи-вер"! - так весело, звонко. Будто никогда и на воле не был, всегда жил в клетке.

Сергейка стал его выгонять из клетки, - кузя как крикнет:

- Пинь-пинь-черр! - как зашипит на него!

Пришлось выставить клетку в окно и открыть дверцу.

Улетел кузя. Сергейка опять западню поставил.

Утром приходит и еще издали видит: захлопнута западня, кто-то попался. Подошел, - а в западне кузя сидит. Да не какой-нибудь, а тот самый: двуххвостый!

- Кузенька! - взмолился Сергейка. - Ты же мне мешаешь других птиц ловить. Один только день и остался мне ловить их.

Он взял западню с кузей и пошел прочь от дома. Шел-шел, пришел в середину леса и там выпустил кузю. Кузя крикнул:

- Пинь-пинь-черр! - и скрылся в чаще.

Сергейка вернулся домой и опять поставил западню.

На другой день приходит, - опять кузя двуххвостый в западне!

- Пинь-пинь-черр!

Чуть не расплакался Сергейка. Выгнал кузю и отнес западню хозяевам.

Прошло несколько дней. Сергейка скучал и уже стал думать: "Зачем я кузю выгнал? Хотя и двуххвостый, а какой веселый".

Вдруг за окном:

- Пинь-пинь-черр!

Сергейка открыл окно, и кузя сейчас же влетел в избу. Прилепился к потолку, перелетел на стену, увидел таракашку, тюкнул его носом и съел.

И стал кузя жить в избе у Сергейки. Захочет, - в клетку залетит, зернышек поклюет, выкупается в ванночке и опять вылетит: Сергейка клетку не закрывал. Захочет, - по всей избе летает, тараканов ищет.

Склевал всех тараканов, крикнул: "Пинь-пинь-черр!" - и улетел.

ПЛАВУНЧИК

Преудивительная у нас водится птичка. Называется - плавунчик.

Где бы вы ни жили летом - на Волге, на Кавказе или в жарких степях Казахстана, под Ленинградом, под московй или на Камчатке, - всюду вы можете этих птичек встретить. И всегда неожиданно. А назавтра придете туда, где их видели, - их уж нет.

Ищите их на море, в озере, на реке, в пруду. Даже если около вашего дома оесть просто большая яма, - и тут вам могут попасться на глаза плавунчики. Была бы в яме вода.

Птички эти - из куликов. Кулики - стройные такиен птицы, на очень длинных ногах и с очень длинным носом. Живут больше по болотам, по берегам рек, озер. Но они не плавают, не ныряют: только бегают у воды по берегу и кланяются, кланяются носом до земли. Носом они достают себе еду в тине, в иле, под камешками или в траве.

Кулики-то плавунчики - кулики, да у них, как говорит мой сынишка, все шиворот-навыворот. Носик у них не такой уж длинный, ножки тоже. И редко увидишь их на берегу: они все плавают.

Спросите, на кого плавунчики похожи? Как их узнать, если встретишь?

Узнать их очень легко. Ростом плавунчики примерно со скворца. Похожи они на те нарядные цветные поплавки, что покупают молодые удильщики в магазинах. Особенно похожи, когда сидят на воде: сидят и танцуют на волнах, как поплавки. Сами белые, и серые, и красноватенькие - пестро расписаны.

И всегда их целая стайка. Народ они очень дружный. Одиночку редко-редко встретишь. Они все в компании.

Сынишка мой, когда в прошлом году в первый раз их увидел, очень удивился.

Пришел домой и говорит:

- Что за птиц таких я видел, - просто не пойму. Идешь - все птицы от тебя удирают, разлетаются. А эти и не думают. Плавают у самого берега. Я подхожу - они не только не улетают, даже отплыть подальше не хотят. Кувыркаются головой под воду, как маленькие уточки. Ни минуты не посидят спокойно: кружатся жуками на воде. А то в чехарду начнут играть: прыгают друг через друга, перепархивают - и опять на воду садятся.

Жили мы прошлый год в деревне на Урале. Домик наш стоял на самом берегу реки Камы. И все лето стайки плавунчиков плавали у нас перед глазами, - прямо из окошек видно. Сегодня плавает стайка, а

завтра исчезнет. Пройдет два-три дня - другая стайка появится. И так все лето.

Сынишка мой говорит:

- Вот бездельники! Другие птицы - все на гнездах, птенцов выводят. А эти ничего не делают, только в чехарду на воде играют все лето. Наверно, это петушки: красивенькие такие, яркие. У всех птиц самцы красивей самок. Наш Петька вон какой франт, а курочки серьенькие.

Я ему объяснил, что он ошибается. У плавунчиков как раз наоборот: петушки серьенькие, а курочки - франтихи, ярко одеты. Далеко на севере, в тундре, весной курочки снесут в гнезда яйца - и до свидания! Улетают;

Петушки одни на гнездах сидят, детей выводят, потому учат их, как жить. А курочки-франтихи все лето по всей нашей стране летают, путешествуют себе с места на место.

Сынишка мой говорит:

- Это просто какие-то птички шиворот-навыворот! А все-так я их шибко залюбил, потому что они меня не боятся. Будто знают, что я их не трону и плохого им не сделаю. Хорошие они.

- Очень хорошие, - согласился я.

И вот раз утром прибегает мой сынишка домой с Камы. Он рыбу ходил удить на реку.

Прибегает и говорит:

- Смотрите, кого я принес.

Лезет себе за пазуху, вынимает оттуда живого плавунчика и пускает его на пол.

- Я, - говорит, - сидел на берегу с удочкой. Вдруг две вороны летят. Кричат, каркают. А впереди них, смотрю, какая-то маленькая птичка мчится. Вороны ее ловят, схватить хотят. Она из стороны в сторону бросается, кричит.

Увидела меня - и прямо ко мне. Примчалась - и в ноги мне. И сидит.

"Туик!" - говорит. Я сразу понял: "Защити меня!" - просит.

Ну, я на ворон удочкой замахал, закричал. Они покружились, видят - со мной им не справиться, и отлетели.

Я нагнул, взял плавунчика в руки. Он и не думает улетать. Я удочку смотал - домой с ним. Вот он - видите, какой...

Плавунчик ходит себе по избе, нас ни чуточки не боится.

Думали мцы, думали, что с ним делать? Конечно, такая милая птичка радость в доме. Но чем ее кормить? И ведь плавать ей надо. Держать дома трудно.

Решили выпустить.

В деревне-то, конечно, нельзя выпускать: тут кошки, собаки и те две вороны. Решили плавунчика отнести подальше.

Сынишка наклонился, взял его в руки.

Он ничего, - пожалуйста! Точно век с людьми в избе жил.

Пошли мы с сынишкой за околицу, через поле, в лес. В лесу, среди вырубки, знал я такую большую яму с водой. Тины там, корму всякого птичьего много было. Днем туда разные кулики прилетали покормиться, а на ночь - утки.

На этой яме мой сынишка и выпустил плавунчика.

Плавунчик порхнул в воду, пискнул нам два раза: "Туик, уик!" - вроде, значит, "спасибо" сказал, "до свиданья", - и, как ни в чем не бывало, принялся жуком кружить по воде, пить и есть.

Долго мы стояли с сынишкой, любовались им. Наконец я говорю:

- ну, пойдем. Мама давно уж, верно, нас с обедом ждет. А плавунчик забудет нас, улетит отсюда на Каму - к своей стайке. Птица вольная, - ей так хорошо.

Ушли мы. Но я гшибся: плавунчик не улетел и не забыл нас.

Через два дня пришли мы с сынишкой на эту яму: уток я хотел настрелять. Спрятались в елушках на берегу.

Уж солнце за лес село. Тут вдруг что-то мелькнуло у нас над головой и видим: плавунчик наш на воду садится!

Я высунулся из елушек, машу на него рукой:

- Кыш, кыш, улетай отсюда скорей!

А он посмотрел на меня, "туик!" - пискнул, вроде "здравствуй" сказал, и плывет к нам.

Подплыл и у наших ног кувыркается, тинку со дна носом достает закусывает.

Сынишка говорит:

- Пойдем-ка, папа, домой лучше. А то еще ты моего плавунчика вместо утки подстрелишь, как стемнеет.

Так и ушли, ни разу не выстрелив.

И больше уж не пришлось мне на этой яме охотиться: плавунчик наш привычку взял каждый вечер сюда прилетать. Плавает среди уток, кружит по воде, - ну как тут стрелять: дробь разлеоится, - ненароком и его заденет.

Пришла пора - с севера, из тундры, прилетели стайки серьеньких плавунчиков: петушки со своими воспитанниками - молодыми.

Поплавали немножко на Каме все вместе - с франтихами-самочками. И исчезли.

Это они в свое осеннее путешествие отправились - на зимовки. А зимовки у них в далеких жарких странах - в Индии, в Индо-Китае и еще дальше.

Улетел с ними и наш плавунчик.

Но весной он опять прилетит.

И, пожалуйста, ребята, если где встретите его или других плавунчиков, - не трогайте их, не пугайте! Они ведь совсем беззащитные и, главное, очень уж верят людям.

А ведь так приятно, так хорошо на душе становится, когда в тебя крепко верят и ждут от тебя только хорошего.

Особенно, когда так в тебя верит беззащитное маленькое существо.

Пусть хоть птичка.

ЛУПЛЕННЫЙ БОЧОК

Думаете, все зайцы одинаковые, все трусы? Нет, зайцы тоже разные бывают. Спросите вот моего сынишку, какого мы раз поймали скандалиста.

Мы были на охоте в лесу. Втроем: сынишка, я и Джим. Джим - это собачка наша. Коротконожка, уши до земли, хвостик куцый. Замечательная охотничья собачка, хоть и старенькая: всякую дичь разыщет, на крыло поднимет, а подстреленную поймает, схватит и осторожно, не помяв ни перышка, подаст прямо в руки. Необыкновенно умный и добрый у нас Джим. С другими собаками не дерется, никого никогда не кусает, всем знакомым людям при встрече хвостиком часто-часто машет и, знаете, так - по-собачьи приветливо губами улыбается.

На охоте мы были сухой осенью, - уже лист в деревьях падал, а дождей больших еще не было. В это время охотиться в лесу всего

трудней: высохший лист гремит под ногами, дичь тебя далеко слышит и видит сквозь поредевший кустарник и, не подпустив, улетает.

Вдруг слышу: Джим залаял, залаял в кустах, - и вдруг замолк.

"На кого это он?! - думаю. И приготовился стрелять.

Но оттуда, из кустов, никто не вылетел.

А сынишка уже там и кричит мне из кустов:

- Папа, папа, беги скорей! Кого Джим-то в плен взял!

- Я - к ним и вижу: Джим лет\жит враспяжку на земле, а передними лапами зайчонка прижал к листьям, держит его. Зайчонок верещит отчаянно, Джим хвостиком часто-часто виляет, а сынишка мой стоит над ними - и не знает, что ему делать.

Я подошел, взял зайчонка у Джима. Держу зайчонка двумя пальцами за шиворот, - он еще пуще верещит, лапками от меня отбивается.

Сынишка говорит:

- Это он на тебя сердится. Кричит: "Как ты смеешь меня - такого маленького - обижать!"

И вправду похоже было, что зайчонок что-то такое кричал.

А джим на задние лапы встал, передними мне в колени уперся и лижет зайчонка: успокаивает его - что, значит, не бойся, не таковские мы, ничего плохого тебе не сделаем.

тут вдруг сынишка говорит:

- Смотри, папа, у него левый бок лупленный.

Смотрю: на левом боку у зайчонка плешинка. Шерсть содрана, голая кожа - в пятак кружок.

- Эге! - говорю. - Да ведь это мне знакомый зайчишка! Он от дяди Сережи сбежал. Полезай-ка, дружок, в карман.

Осторожно его под пузечко перехватил и сунул в свою охотничью куртку, в спинной карман. Такой у меня карман есть в куртке; во всю спину, а по бокам - пуговицы. Очень удобно в нем стреляную дичь носить и всякую всячину, что, бывает, на охоте попадается.

Зайчонку там темно, тепло - он притих.

И сразу мы домой пошли.

По дороге мне пришлось, конечно, все подробно рассказать сынишке, откуда я этого зайчонка знаю и отчего у него бочок лупленный.

Дядя Сережа - приятель мой, тоже охотник, - живет на краю деревни, у самого леса. Зайчонок он поймал недели три назад - совсем еще крошкой - у себя в саду под кустом смородины. Этот зайчонок - из листопадничков. У зайчих первые зайчата рождаются весной, когда еще снег корочкой - наст. И называются они - н а с т о в и ч к а м . А последние в году рождаются осенью, когда уж лист с деревьев начинает падать. Их охотники так и зовут - л и с т о п а д н и ч к а м и .

Дядя Сережа очень этому зайчонку обрадовался. И вот почему: у него, у дяди Сережи, не так давно ошенилась дворовая собака по кличке Клеопарда. Щенят всех он еще раньше знакомым своим обещал. А как их у матери отнимешь? И без того злющая, Клеопарда совсем с ума сойдет, на всех начнет кидаться. Дядя Сережа и придумал зайчонок ей вместо щенят подложить, чтобы не скучала, не лютовала.

Так и сделал.

Щенята в ямке сидели. Он ихоттуда взял, когда матери не было, а на их место зайчонок положил.

Клеопарда пришла - щенят нет, а сидит в ящике малая зверюшка и ее, собачьим, запахом пахнет: в ящике-то все с ее запахом.

Она и не тронула зайчонок: своим признала. Утешилась им. Кости ему стала таскать, лучшие куски мяса. От такой пищи зайчонок живо бы ножки протянул, да дядя Сережа кормил его молоком и капустой. Так и не научила Клеопарда своего приемыша кости плодать и мясо есть - ее собачью пищу. Зато научила своей собачьей храбрости.

Клеопарда была отличным сторожем и к хозяйскому дому никого не подпускала - ни чужого человека, ни собак. С таким злобным видом вылетала им навстречу, что редкая собака не подожмет хвоста и не пустится наутек, не дожидаясь, пока эта серая злюка сшибет с ног. Ростом она была с волчицу.

Зайчонок вырослел быстро. Зайчихи своих детей и двух недель не кормят. По-заячьему, двухнедельный зайчонок уже "большим" считается и должен сам себе разные вкусные травки разыскивать и прятаться от собак.

Этот зайчонок, хоть еще махонький, живо из ящика выскочил и бегал по всему двору за своей названной матерью. И во всем ей, как обезьянка, подражал. Клеопарда с места - и он за ней. Она на собаку -

и от тоже. Она куснет - и он старается куснуть собаку. А зубы у него передние - видели зайцев? - длинные, острые, ветки перегрызают. Как куснет, - из собаки шерсть летит! Собаке не до него: только бы от Клеопарды отбиться. Он, зайчонок, и потерял всякий страх перед собаками. Как где увидит, так и несется навстречу - кусаться. Храбрый волчонок стал. Соседские собаки все его боялись.

Да вот раз забрел на двор к дяде Сереже какой-то дальний щенок, который ни Клеопарды не знал, ни храброго ее сынишку.

Клеопарды тут не случилось поблизости, а зайчонок ее, напившись молочка, спал на сене под ящиком.

щенок подбежал к ящику, - зайчишка! И кинулся на него.

Собака, конечно, не то что заяц. Если, по-заячьи, двухнедельный зайчонок уже "большим" считается, то у трехнедельной собачонки еще только глаза прорезаются. Она и в три месяца считается щенком.

Этому щенку месяца четыре уже стукнуло от роду, а он был еще совсем пупый. Очень хотелось ему зайца поймать. А как за дело взяться толком, он не знал: не приходилось ему еще на охоте бывать.

Он прыгнул на зайчонок и хватить его зубами за бочок! Надо бы за шиворот или еще как, а он - за бок.

Ну, конечно, шерсти клочок выдрал порядочный, плешинку на боку сделал, - а удержать не мог. Зайчонок как вскочит, как махнет с перепугу через ящик, - только его щенок и видел! А тут еще Клеопарда прибежала, пришлось щенку поскорей убираться со двора подобру-поздорову.

Клеопарда своему зайчонок рану зализала. Известно ведь: собачий язык - лучше всякого лекарства и раны зализывает превосходно. Но зайчонок после этого случая жить на дворе у дяди Сережи больше не захотел. Ночью пролез сквозь забор - и в лес.

Да вот трех дней не прошло, Джим наш его в лесу и поймал.

Сынишка рассказ мой выслушал и губы надул, чуть не плачет.

- Ну, вот, - говорит, - ты его, значит, дяде Сереже несешь. А я думал, он у нас поживет...

- Что ж, - говорю, - сегодня-то уж, конечно, у нас переночует, а завтра сходим к дяде Сереже, попросим. Если ему не надо, может, и уступит нам.

Мы пришли домой, и я выпустил зайчонок на пол.

Он сразу в угол, под лавку, - и спрятался там.

Сынишка налил ему блюдечко молока, зовет его:

- Лупленный Бочок, Лупленный Бочок, иди молочко пить. Сладкое!
Зайчонок не выходит.

Сынишка полез за ним под лавку, схватил его за шиворот, вытащил. Зайчонок верещит, задними лапами дрыгает.

- Глупенький, мы же лди, - объясняет ему сынишка, - мы тебя не обидим!

А зайчонок изловчился - и цоп его зубами за палец! Так куснул, что даже кровь пошла.

Сынишка вскрикнул, выпустил его.

Зайчонок - опять под лавку.

тут наш котенок, - у нас еще котенок тогда был, ростом поменьше зайчонка, - подбежал к блюдечку и начал лакать из него молоко.

Лупленный Бочок как выскочит, как кинется на него, как куснет!

Котенок птицей от него на печку взвился!

Сынишка сквозь слезы улыбается:

- Вот так заяц!

Мы поужинали, и Джим первый улегся спать на свое место, - у него свой матрасик в углу. Джим очень устал: ведь целый день по лесу бегал, дичь искал старичок.

Смотрим, Лупленный Бочок к нему ковыляет. Сел на задние лапы, а передними вдруг как забарабанит по Джиму!

Дим вскочил и, ворча и оборачиваясь, ушел под лавку: не драться же с маленьким, - да все-таки обидно свою постель такому уступать!..

А Лупленный Бочок преспокойно себе улегся на его матрасике.

Переспали мы ночь. Утром встаетм, - Ждим так и спит под лавкой на голом полу, а котенок все на печке видит, слезать боится.

Я сынишку спрашиваю:

- Ну что ж, пойдём к дяде Сереже зайчонка себе просить?

Сынишка посмотрел на котенка, на Джима, на свой завязанный палец - и говорит:

- Знаешь что? Пойдем лучше отнесем зайчонка дяде Сереже насовсем.

Так мы и сделали. ну как, в самом деле, такого скандалиста дома держать! Со всеми дерется. Уж на что добряк Джим - и с ним не ужился.

Отнесли мы зайчонка дяде Сереже, а он говорит:

- Мне тоже такого не надо. Тащите его, откуда взяли.

Пришлось в лес нести. Там выпустили.

Зайчонок прыг-прыг - и в кусты. Даже "до свиданья" не сказал.

Вот какие зайцы бывают.

БЕШЕНЫЙ БЕЛЬЧОНОК

Мы с сынишкой собрались в лес по грибы. И только свернули тропой с проселочной дороги, навстречу нам из лесу - собака Клеопарда. Злющая, чистый волк.

Сынишка был впереди меня. Он хотел кинуться назад, ко мне, но я успел крикнуть ему:

- Только не беги! Иди, как шел.

Ускорив шаг, я поравнялся с сынишкой и взял его за руку. Ни ружья, ни палок у нас с собой не было: одни простые корзинки. Обороняться было нечем.

А Клеопарда была уже в нескольких шагах от нас. Или мы ей дорогу должны были уступить, или она нам: тропа была узкая, а по сторонам грязь.

- Вперед без страха и сомненья! - проихзнес я как можно веселее, крепко сжимая руку сынишки.

Клеопарда остановилась и молча оскалила зубы. Миг был решительный.

Я еще тверже шагнул - раз, два, три...

Свирепое животное вдруг прыгнуло в сторону и, увязая в глубокой грязи, пошло мимо нас сторонкой.

Я отпустил руку сынишки.

- Видишь? А ты хотел бежать.

- Ух, страшно!

- Убегать еще страшней.

Но тут мы дошли до леса и скоро забыли это приключение.

Вчера целый день лил дождь. Грибов было много. Сперва мы брали всякие: и красные, и подберезовики, и маслята. Но глубже в лесу, на гривках под елями и соснами, начались белые. Тут мы на другие грибы и смотреть не стали.

Лес весь сверкал, переливался разноцветными веселыми звездочками, каждый листок, каждая травинка и мшинка блестели, улыбались капельными глазками: солнце еще только поднималось над деревьями и не успело высушить вчерашнего дождя. Все кусты и

елочки были в паутинках, и каждая паутинка была унижена крошечными водяными жемчужинами. Мы, конечно, сразу промочили и штаны и рубахи, но все равно становились на колени, раскапывали руками мокрый мох и вытаскивали из-под него маленьких крепышей с темной шапочкой на пузатенькой тожке - настоящих боровичков. Потом спешили дальше - искать новое гнездо грибов.

Мы так увлеклись, что не заметили, как забрались глубоко в лес и очутились на опушке небольшой поляны.

- Стой! - шепотом вдруг сказал сынишка и схватил меня за руку. Смотри: бельчонок!

Правда: на другой стороне поляны на ветках сосны прыгала молодая белочка с тоненьким еще хвостиком.

Бельчонок спускался с ветки на ветку. Исчез на минутку из глаз и вдруг, смотрим, скачет по земле к березке. Ближе к нам от той опушки стоял куст, и еще ближе - одинокая береза. И рядом с березой открыто рос малоголовый гриб на высокой белой ножке - обабок.

- А! - сказал я тоже шепотом и потянул сынишку за росшие рядом елочки, чтобы не спугнуть бельчонка. - Знаешь, бельчонку, наверно, ужасно хочется попробовать этот гриб, а на землю спуститься страшно: вдруг кто-нибудь увидит и схватит.

- Ага! - согласился сынишка. - Наверно, он очень голодный.

Бельчонок уж прыгал к обабку по земле, смешно подкидывая задом.

От опушки до березы было верных шагов пятнадцать. Моих, человеческих, шагов пятнадцать, а беличьих мелких скачков по земле - не меньше как полсотни. И вот только бельчонок подскакал к березе, не успел еще и куснуть гриба, - вдруг сбоку из травы откуда ни возьмись - лисица! И на него. Мы так и ахнули.

Но белочонок вовремя заметил опасность, повернул - и в несколько скачков очутился на березе.

Он мигом взвился по стволу и притаился под самой макушкой. Весь сжался от страха в комочек.

Лисица осталась с носом.

Сынишка хотел захлопать в ладоши, но я ему не дал, шепнул:

- Подожди. Это еще не все. Лисица, я вижу, пожилая, опытная. Она так этого дела не оставит.

Я потому так подумал, что лисица сразу, как белчонок махнул от нее на дерево, осадилась всеми четырьмя лапами, стала и потом с самым равнодушным видом повернула прочь от березы - к опушке. Даже не взглянула вверх, на дерево. Будто ее совсем и не интересовал никогда бельчонок, не за ним она кинулась, а так просто.

А у самой глаза блестят, рот - до ушей. Мне тут и почудилась какая-то хитрость с ее стороны.

Смотрим, правда: не дошла лисица до опушки, вдруг - шмыг за куст, который между березой той и опушкой стоял. И нет ее.

- Ишь, хитрюга! - шепчет сынишка. - В засаду села. Как же теперь бельчонок домой в лес попадет? Ведь ему мимо этого куста бежать.

- Вот в том-то и дело, - шепчу я. - Не миновать ему лисьих зубов... Но... Тс-с!.. Смотри, он что-то придумал.

Чуть заметный среди листвы на белой ветке березы, рыжий комочек зашевелился, развернулся - и опять превратился в бельчонок. Вытянув шею и повертывая голову во все стороны, белчонок долго осматривался. Но, верно, оттуда, с вершины, ему не было видно лисицы: он осторожно, потихоньку стал спускаться с ветки на ветку. Прыгнет - и оглядится. Прыгнет - и тянет шейку, заглядывает вниз.

- Ох, глупый, глупый! - шепчет сынишка. - Сейчас ведь спрыгнет на землю. Пойдем скорей прогоним лисицу!

- Подожди, подожди! - шепчу. - Посмотрим, чем кончится.

В первый раз я своими глазами видел, как лисица охотится за белкой.

Бельчонок тихонько спустился уже до половины березы - и тут вдруг замер на ветке. Да вдруг как затрясется на лапках, как закричит, зацокает!

- Увидел, увидел! - шепчет сынишка.

Сомнения быть не могло: белый кончик рыжей трубы - хвоста лисьего высунулся из куста, и бельчонок его заметил!

"Эх, лисанька! - подумал я про себя. - Рано победу затрубила! Думала, уж вот он - твой бельчонок! Заиграла хвостом, да и выдала себя".

Кончик лисьего хвоста сейчас же опять исчез за кустом.

Но бельчонок никак не мог успокоиться. Он пронзительно, громко ругал коварную лисицу - уж не знаю, какими своими

белыми словами - и весь трясся от негодования.

Потом, когда лисий хвост исчез, бельчонок замолчал. И вдруг, чего-то ужасно испугавшись, винтом взвился по стволу к себе на спасительную вершину. Может быть, вообразил себе, что лисица сейчас прыгнет за ним из-за своего куста - на полдерева.

- Дело затягивается, - шепчу я сынишке. - Но - терпение: лисица, видимо, решила сидеть в засаде хоть до вечера. А бельчонок, конечно, голодный. На березе ему долго не высидеть: там ему ни шишек, ни орехов. Все равно придется слезать.

Прошло несколько минут. Ни лисица, ни белка не подавали никаких признаков жизни. Сынишка уже начал меня за рукав дергать:

- Прогоним лисицу и пойдем грибы собирать.

Но тут бельчонок опять показался из своего прикрытия и прыгнул на одну из тонких верхних веток березы. Это балы одна из самых длинных веток дерева, и она, как вытянутая рука, указывала прямо на опушку леса - на ту, самую крайнюю сосну, с которой полчаса тому назад спустился бельчонок.

Бельчонок разбежался по ней и, сильно качнув конец ветки, прыгнул.

- Бешеный! - шепотом вскрикнул сынишка.- Он...

Сынишка хотел, конечно, сказать, что бельчонок попадет в пасть лисице.

Но он не успел договорить: так быстро все кончилось.

Бельчонок, разумеется, не рассчитал: допрыгнуть до опушки с березы он не мог.

Самой ловкой белке не перелететь с такого расстояния по воздуху, - не птица же! просто, видно, бельчонок с отчаянья прыгнул: будь что будет! И он, конечно, кувырнулся, не пролетев и половины расстояния до сосны. Надо было видеть, как он летел вниз, растопырив все четыре лапки и вытянув тонкий хвостик, - прямо в куст, где сидела лисица, прямо на нее!

Но не успел он долететь до куста, как лисица...

Думаете, подскочила и на лету схватила его в зубы?

Нет, лисица опроретью выскочила из куста и сломя голову бросилась наутек через пни и кусты.

Громкий смех сынишки - прямо мне в ухо - чуть не оглушил меня.

А бельчонок, упав на куст, не разбился: ветви спружинили, слегка подкинули его легкое тельце и, опять приняв на себя, мягко опустили его на землю.

Бельчонок скок-скок-скок! - и на сосну. С сосны на осину, с осины еще на какое-то дерево - и скрылся с глаз в лесу.

Сынишка хохотал до слез. И весь лес, казалось, хохотал с ним, все капельные плазки дождя на листьях, на траве и кустах.

- Бешеный! - твердил сынишка сквозь смех и слезы... - Ну, прямо бешеный! Как он на лисицу-то! Как она от него!.. И хвост поджала! Вот бешеный бельчонок!

- Ну, - спросил я, когда он прохохотался, - теперь понимаешь, почему я не дал тебе бежать от Клеопарды?

- Знаю, знаю:

Вывод ясен без картин,
Часто, в битве не робея,
Побеждает трех один.

Уж не знаю, откуда он взял эти стишки! Он у меня набит стихами и выпаливает ими вдруг, как из пушки.

Веселые мы пришли в тот день из лесу.

ЧУЧЕЛА И ПУГАЛА

Весной было у нас в колхозе собрание. Деда Панфилыча поставили на птицеферму, Ванюшку - на школьный огород. Караульщиками.

- Должность самая почетная, - сказал председатель, - общественное добро охранять.

- И ружье будет? - спросил Ванюшка.

- Эва тебе чего!.. Ружье? - удивился председатель.

Огорчился Ванюшка:

- С ружьем-то бы оно способнее. С ружья ка-ак жажнешь, дак...

- Без оружия врага одолеешь, товарищ Ванюша, - утешил его дед Панфилыч, - почету того больше.

И стал Ванюшку наставлять в новой должности:

- Враг у тебя будет, что и ружья не побоится. Перво гляди, не напала бы на твой огород какая насекомая: червяк или там жучок-блошачок. Тут сейчас тревогу бей. С этим врагом схватка врукопашную всем колхозом. Тут твоя служба пока - службишка: караул кричать. Главная твоя служба будет, как ягода на грядках

поспеет, за ней овощ всякая. Тут тебе другой враг станет: вор-воробей. не гляди, что маленький: вконец разорит, коли меры не принять, всю ягоду, всю овощ, которая над землей, расклюет. К тому времени он даа раза своих воробышей выведет, а то и три. Скопит силу тучей налетит. Ты за ним в один конец, а он, глядишь, в другом на грядках хозяйничает. С этим врукопашную не схватишься. Как его отвадишь?

- Что-нибудь придумаю, - сказал Ваня. - Дай срок. И верно: придумал.

Первым делом кольев нарубил. Потом пошел по всей деревне утиль собирать, ветошь всякую: кто пиджачишко дырявый даст, кто пальтишко худое, кофту, юбку, штаны старые, а то и просто тряпок.

Вбил Ванюшка по всему огороду кресты из кольев, обрядил их в ту ветошь. А чтобы головы были вроде как настоящие, сверху на кольца скворешни прибил. В "День птиц" юннаты все старые, уже не нужные больше, скворешни снимали, на их место новые повесили. Целый склад старых скворешен был на школьном дворе.

На скворешни Ваня надел: кому старый картуз, кому драную кепку или соломенную шляпу, а то и просто цветную тряпку - на манер платка. Каждому пугалу в руку - кому лысую швабру дал держать, кому косу ломаную, кому дубину. Ветер подует - начнет на тех пугалах одежда шевелиться, будто на живых. Что воробы, - собаки и те от огорода подальше!

Устроив все ладом на огороде, пошел Ванюшка деда Панфилыча проведать, а заодно и похвастать своей выдумкой: другие одно пугало поставят - и рады, а он целое страшильное войско выставил.

Панфилыч похвалил караульщика и стал на свои дела ему жаловаться:

- Повадился, вишь, голубь на птичий двор летать. Лесной малый голубь, клинтух называется. Сила его в лесу развелась! Как привалит на двор - в минуту курячий корм склюет. Эдакая бойкая птюшка! Мне, старому, никак с ней не управиться. А и это мое горе, - продолжал дед, - еще с полгоря. За тем голубем, за клинтухом, еще и ястреб стал на птицеферму наведываться. Мало, вишь, ему своих лесных птиц, - цыплятинки захотелось. Чуть клушка зазеваается, - он тут как тут. Вот где горе-то мое горькое!

- Говорил я, - напомнил Ваня, - ружье надо. С ружья бы ка-ак жахнуть!..

- Жахнешь, пожалуй, - нахмурился дед, - заместо ястреба да по колхозным курам. Мне бы только голубя одного, - я бы того ястреба и без ружья взял. Да, вишь, беда, - старость моя. Глаз уж не тот, и руки трясутся - гшде уж тут голубей ловить!

- Голубей-то? - обрадовался Ванюшка. - Да мы с ребятами осенью на гумне сколь хочешь их ловили. Обожди, дедушка, только снасть справлю, сегодня же тебе голубя представлю.

Часу не прошло, тащит большое решето и целый ммоток тонкой бечевки. Одним краем упер решето в землю, другой колышком приподнял. Сверху на решето пооложил кирпич. На землю под решето насыпал горстку зерна. К колышку привязал один конец длинной бечевки, а другой в руки взял - и в Панфилычу в караулку.

Пришел час, - зашумели, заплескались над двором голубины крылья: налетела из лесу клинтухов стая. Голуби рассыпались по двору, принялись куриный корм клевать. Живо все подобрали.

Глядь, под приподнятым решетом уще горстка зерна осталась. Один голубь и сунься за ним под решето.

Тут Ванюшка дерг за бечевку! Колышек выскоыл, и решето с тяжелым кирпичом прихлопнуло вришку.

Восполошилась голубиная стая, заплескала крыльями и унеслась в лес.

Ванюшка принес деду голубя.

- Вот тебе спасибочко-то! - сказал Панфилыч. - Коли так, приходи утром чуть свет: ястреб рано прилетает. Пойду ему встречу устраивать.

И весь этот день хлопотал дед, то дома, то на птицеферме, то в кузницу зачем-то ходил.

Назавстра Ванюшка прикатил к деду еще затемно. Забрались они вдвоем в караулку и - стали ждать.

Наконец развиднелось. И видит Ванюшка: пусто на дворе, только на крыше сарая, на самом коньке, сидит клинтух. Голову под крыло спрятал, спит.

Вдруг откуда ни возьмись - ястреб. Низом, низом так и стелет. Сарай облетел, свечкой взмыл над крышей да камнем оттуда на голубя сзади, со спины. Только пух закружился в воздухе!

- Ну, вот и готов! - сказал дед. - Идем, Ванюша.

Ванюшка выскочил из караулки; ястреб крыльями страшно бьет, а подняться почему-то с сарая не может. потом опрокинулся на спину, покатился с крыши да прямо под ноги Ванюшке и упал мертвый. А добычу свою - клинтуха - все равно в когтях держит, не выпускает и после смерти.

Поднял Ванюшка обеих птиц вместе - и тут только разглядел, что голубь-то - чучело.

Дед Панфилич об ъяснил:

- В чучело-то, вишь, я кривой гвоздь пропустил, острием к хвосту: ястреба всегда птицу с хвоста берут. Сам себя злодей и кончил: вон как ударил, - аж в спину острие вошло. А назад-то ему никак: с зазубриной гвоздь-то!

Подивился Ванюшка дедовой хитрой выдумке, его верному знанию птичьих повадок, - откуда да как ястреб возьмет голубя, - и уменью деда чучело сделать из птицы, чтобы была, как живая.

- А теперь, - говорит, - пойдём, дедушка, моему страшильному войску смотреть делать.

- Ну-к что ж, - согласился дед Панфилич. - Ястреба взяли, голубей напугали так, что не скоро теперь прилетят. не хгрех нынче и со двора отлучиться.

Отправились. Тут уж пришел черед Панфиличу на Ванюшкино мастерство подивиться.

Стоят по всему огороду пугала, одно другого грознее, и все с оружием. Страх-то какой! Присел дед Панфилич на лавочку у забора, посидел минут пять, - все пугала рассматривал. А потом и говорит:

- Никак в толк не возьму: ты что же тут, товарищ Ванюша, питомник, что ли, воробьям устроил? Ведь тут у тебя что ни пугало, то воробьиное семейство в нем. Присмотрись-ка.

Присмотрелся Ванюша. Да что ж это такое? В самом деле, воробьями! Тут один, там другой - незаметно так - подлетит к пугалу низом и нырк к нему в голову, где под кепкой, картузом или платком скворешня. Сразу видно: гнездо у него там.

вот так история: кого гнать собрался, тех и привадил! Покраснел Ванюшка, чуть не плачет от стыда. ОА дед будто и не замечает этого, рассуждает себе спокойно:

- Так-то вот и бывает. Перво напугается птица пугала, потом видит: с места оно не сходит, вреда никому не делает. Привыкнет - и страх пройдет. А как страх прошел - можно и пользу себе искать. У тебя что там, на пугалах, заместо голов прилажено? Никак, скворшни? Ладно ты это придумал.

"Да что это дед смеется надо мной?" - Ванюшка про себя думает. И уж хотел на него рассердиться.

Но Панфилич все так же спокойно:

- Говорил я тебе: воробей два выводка выведет, пока на огороде ягода да овощ поспеют. А пока выводит, нам он первый друг. Воробышей своих он, вишь, не зерном, не ягодой, не овощью питает: чисто одними насекомыми, червячками ихними. Да по пути и сам их ест. Вишь, грядки у тебя чистые какие. Воробьи это постарались. Ты им жилплощадь, и они у тебя в долгу не остались: отработали, чем могут.

Тут Ванюшка сменнул, что нехотя в герои попал.

"Вот так штука! - думает. - А я-то дивлюсь, почему на других огородах разные гусеницы; бьются все с ними, маются, а на моем чисто, - учителя не нахвалятся. Эх, и хвастану я на собрании, как все ловко устроил!"

Только обрадовался, а дед и спрашивает:

- А дальше-то придумал, что будешь делать? Гляди, ягода уж поспела. Воробей вторую партию воробышей вывел, того и гляди, из гнезда повьлетят, а там подрастут еще маленько да и возьмутся за твой огород. Чем отваживать станешь?

Ванюшкимной радости как не бывало: верно ведь, как налетят воробьи тучей... Пугала-то теперь для них не острастка. Рогатку разве сделать, из рогатки их попугать? Ну, подшибешь одного, другого, - а их тысячи. Тут разве укараулишь?

- Говорил я, - прошептал Ванюшка, - ружье надо. Без ружья какой против них караульщик? Из ружья ка-ак...

- ...жахнешь! - перебил дед. - Слыхали, дружок Ванюша! Да ведь уговорились мы с тобой: смекалкой будем действовать, так что и ружья не надо.

- А больше теперь и нечем страшать их, - хмуро сказал Ваня. - Раз уж такого страшильного войска не бояться.

- Ну, вот чего, Ванюша, - заключил дед. - Как говорится: утро вечера мудренее. Приходи-ка, дружэок, утречком на ферму. Авось что-нибудь надумаем.

Осенью было у нас в колхозе собрание. деду Панфилычу и Ванюшке общественную благодарность вынесли и к премии присудили. Панфилычу - за птицеферму, Ванюшке - за школьный огород. Цыплят, как полагается, по осени считали, - все целы. И огород в исправности: ни один воробей не зателал, ни ягод, ни овощей не склевал.

По-настоящему-то надо бы премию одному деду выдать: как вывелись в пугалах воробьи, повывлетели из гнезд, Панфилыч сделал и подарил Ванюшке чучело ястреба - из того самого, что на голубиное чучело взял. Ванюшка это чучело на шест посадил и в огороде выставил. В конце лета воробьи тучей собрались, а все равно на школьный огород напасть не посмели: дедова чучела они, как огня, боятся.

- А почему так? - спросил Панфилыча председатель после собрания. - К эдаким страшилам-пугалам привыкли же.

- Ответь-как на вопрос, товарищ Ванюша, - подмигнул дед Панфилыч.

Ванюшка так и раздулся от важности: слышите, мол, - он и председателя колхоза по своей специальности поучить может. Сразу басом заговорил:

- А не имеют на то права воробьи. К виду ястреба привыкать права не имеют. Пугала-то ведь воробьев не ловят. А ястреба очень просто хватают. А кто его знает, который ястреб мертвый, а который только притворяется, что он - чучело. Живые ястреба всех переведут. Нет уж, к ястребиному обличью ни один воробей не смеет привыкнуть, - себе же на горе.

Помолчал немного Ванюшка для пущей важности и добавил:

- Знатно дед Панфилыч шкурки с птиц умеет снимать да чучела из них набивать. Он и меня обещал этому научить. Полезная наука!